

СМЕНА

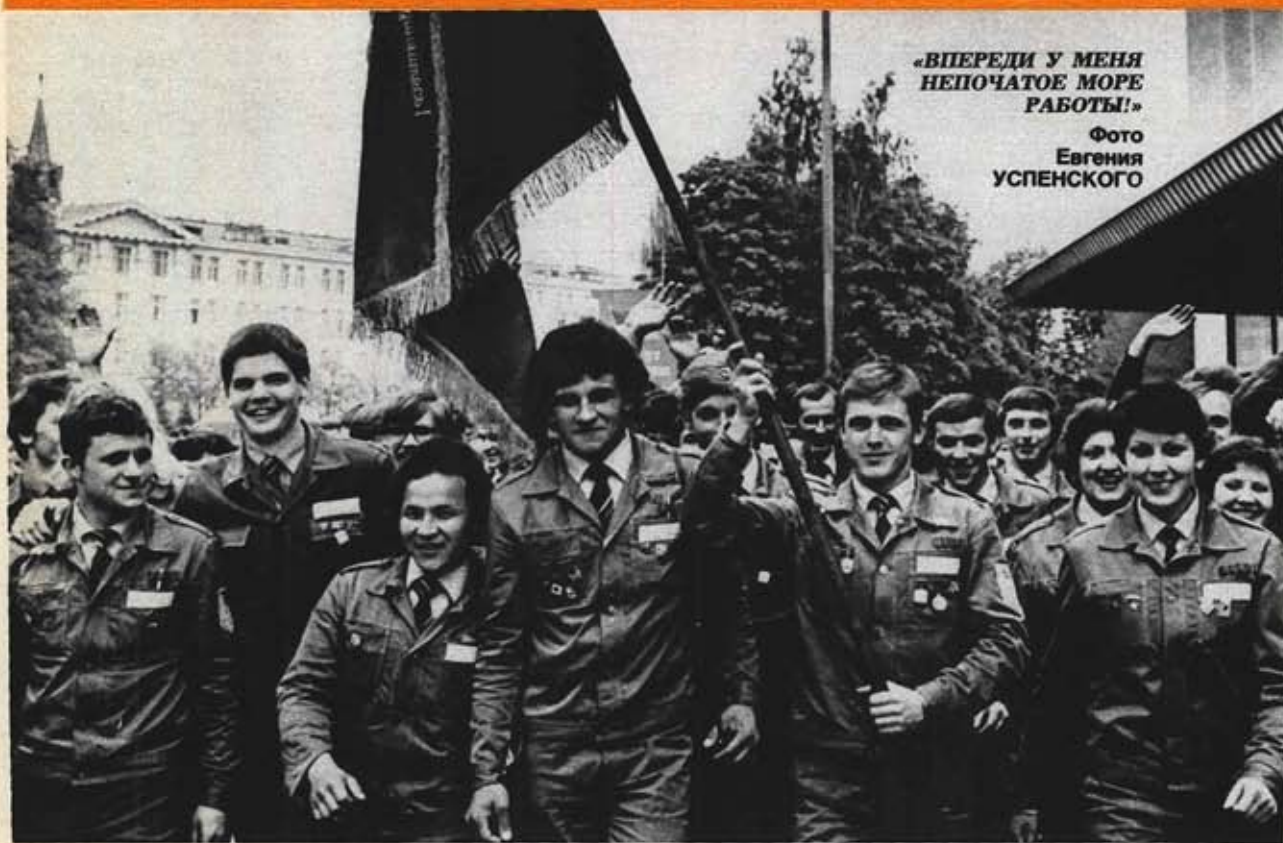
№ 4 ФЕВРАЛЬ 1983

**по приглашению
ЗИМЫ**

ПОВОРОТ БИО

Рассказ о том, как добровольцы из Литвы выполняют обязанности, возлагае

«ВПЕРЕДИ У МЕНЯ
НЕПОЧАТОЕ МОРЕ
РАБОТЫ!»

Фото
Евгения
УСПЕНСКОГО

Яковас ШАДЯВИЧУС

В Санторишкес, у шоссе, соединяюще-го Вильнюс с северной Литвой,— строительная площадка многопрофильной больницы на тысячу мест. Раздаются звонки башенного крана, подъезжают грузовики с кирпичами, плитами сборного железобетона, досками... Если прийти на место работы бригады каменщиков, последить за действиями строителей комплексной бригады или понаблюдать за точными движениями монтажников, увидишь, что на стройке необычно много молодых лиц.

Хозяева— старший прораб СУ-2 Юрий Шарыгин и мастер Владимир Яковлев разясняют:

— Трест «Вильняус статиба» («Вильнюсстрой») обязался подготовить ударный комсомольский отряд для работы в Комсомольске-на-Амуре, на Канско-Ачинском топливно-энергетическом комплексе. Как раз нашему строительному управлению доверено на месяц трудоустроить будущих строителей ударных комсомольских строек. Вот почему здесь столько молодых лиц. Для нашего объекта прямая выгода: несколько десятков молодых, пусть и не квалифицированных рабочих—ощутимая помощь. В том, что строительство идет по графику, заслуга и наших стажеров.

Но давайте отвлечемся от корпусов больничного городка в Санторишкес и проследим, по каким путям-дорогам молодые люди из янтарной Литвы попадают на ударные комсомольские стройки страны: Байкало-Амурскую магистраль, КАТЭК, Норильский промышленный район, Комсомольск-на-Амуре, Нечерноземную зону Российской Федерации. А начнем с нескольких неожиданных экскурса—со встречи с Римантасом Экс-круглолицым, невысоким крепышом, ко-

торому... комсомольскую путевку не доверили.

— Римантас, ты сам захотел двинуться на КАТЭК. Почему?

— Я молод, здоров, знаю, что там очень нужны молодые рабочие руки. На мне вроде все эти требования сходятся.

— Как обычно, попросил рекомендацию в заводском комитете комсомола?

— Да. И рекомендацию мне дали. По правде говоря, обрадовался. Мне казалось, что открывается отличная возможность начать как бы совсем новый кусок жизни. Когда отношение других к тебе будет зависеть только от тебя самого. Как будто историю своей жизни начинаешь заново...

— А потом?

— А потом наш отряд собрался в Вильнюсе и получил направление на месячную стажировку—на строительство больницы в Санторишкес. Работал вместе со всеми, кажется, не лучше, но и не хуже других. Как и другим, сделали запись в трудовой книжке: принят рабочим в трест «Вильняус статиба».

— Но все же что тебе сказали, когда одним вручили комсомольские путевки, а кому-то, в том числе тебе, отказали?

— Да, тогда со мной беседовали довольно долго. Листали рабочие табели. Упрекнули в том, что несколько раз опоздал на работу. Два или три раза отказался делать то, что сказал мастер,—ведь я собирался на КАТЭК ехать, а не о вильнюсских многопрофильных больных заботиться. Ну и потом однажды мастер под конец рабочего дня застучал меня «с запашком». Но сами подумайте: весь день на улице, ведь надо же человеку в конце концов согреться, что в этом плохого?

— И как поступил мастер?

— Отстранил от работы, попросил уйти со строительной площадки, потом отметил прогул за половину рабочего дня.

— Все?

— Сообщил в ЦК комсомола республики. Такой порядок.

— Ну, и чем закончился разговор?

— Мне сказали, что на КАТЭКе нужны люди, которым комсомол республики мог бы полностью доверять. Сказали, что такие стройки, конечно, тоже воспитывают людей, но там уже поздно учить их вовремя приходить на работу и не пить на рабочем месте. Сказали, что если здесь, дома, я недопонимаю таких истин, то уж посылать меня туда, в Сибирь, просто стыдно...

Этот разговор происходил в одном из районных центров республики—в городе, в котором два или три завода, около тридцати тысяч жителей. И где нашего собеседника считают во всех отношениях средним рабочим. Прогуливающим не чаще, чем другие, работающим не лучше, но и не хуже, чем большинство. Но суть и заключается в том, что вот таких—средненьких, слабеньких, не умеющих полностью отвечать за себя—туда, где работать очень почетно, но и очень нелегко, не посылают. Там нужны парни и девушки в первую очередь требовательные к себе.

Но вот какой вопрос возникает: как, скажем, из сотни заявлений, которые написали ребята с довольно похожими биографиями, отобрать шестьдесят таких, которые там, в Сибири, на Севере или в Нечерноземье, будут действительно достойны звания посланцев республиканского комсомола? Как не ошибиться, если почти для всех любая стройка—земля неведомая? А что уж говорить о специфике таких строек, как КАТЭК, БАМ или Норильск?..

И все же из Литвы уезжают в большинстве такие люди, как Александр Бабахин, с которым мы встречались в Норильске.

Но сначала несколько слов о «Надежде». Это строящийся металлургический комплекс, одна из самых больших в стране комсомольских - молодежных

строек. «Надеждой» в обиходе называли твердое, без вечной мерзлоты плато, на котором до 1972 года была расположена взлетно-посадочная полоса Норильского аэродрома. Название плато, связанное с капризными метеусловиями, осталось, хотя цехи выплавки никеля и меди заняли площадь в 25 квадратных километров. Одна из наиболее красноречивых «деталей» такова: все, что было построено в Норильске до 1971 года, по своей стоимости примерно равняется «Надежде».

Александр Бабахин как раз работал бригадиром плотников-бетонщиков на строительстве «Надежды». Получив диплом Вильнюсского политехникума, работал техником-технологом на Вильнюсском станкостроительном заводе имени 40-летия Октября. Потом с комсомольской путевкой уехал в Норильск. Неодинаково вели себя люди, вместе с ним приехавшие на Таймыр. Некоторые вернулись домой. А Александр остался, его избрали секретарем комсомольской организации второго строительно-монтажного управления. Что же он говорил сам о себе?

— Здесь работать значительно труднее, чем я себе это представлял дома. Крайний Север. Заполярье. Все время на улице. Темп работы почти сказочный—за год чуть ли не два годовых задания даем. Но иначе работать нельзя. Почему остался? Да, некоторые из тех, с кем вместе оформлялись на работу, вернулись домой, не пробыв в Норильске и одного года. А мне было неловко вернуться и посмотреть в глаза тем, кто у трапа самолета жал руку и вручал цветы. Да и мать пишет: взялся за дело, доведи его до конца.

— Ну, а теперь?

Сидевший рядом секретарь комитета комсомола «Надежды» Валерий Кравец вступил в разговор:

— А сейчас я представляю себе дело таким образом. Пройдет еще год, и Саша, отработав на Севере три года, которые были предусмотрены договором (конечно, если захочет, то и больше), вернется в свой родной Вильнюс. Вернется, сделал то, что взялся сделать, когда попросил комсомольскую путевку на ударную комсомольскую стройку. Ведь так?—Валерий повернулся к Бабахину.

Александр согласно кивнул. Он уже торопился—вытаскивал из шкафа ватник, широкий пояс монтажника, каску.

На дворе был май, 12 градусов мороза. Мела поземка, дул крепенький ветер. Но на строительной площадке бригада ждала бригадира. Он и так уж задержался на бюро, после окончания которого мы беседовали.

Вильнюсский завод имени 40-летия Октября ждет своего технолога—в этом был уверен Александр, об этом свидетельствовали и письма друзей. Но этот завод и многие другие ждут для своих изделий цветные металлы. А они выплавляются здесь, в цехах, которые поднимал Саша Бабахин и его друзья.

Нет, ни одной громкой фразы от них услышать не пришлось. Все мысли и высказывания можно обобщить примерно так: если судьба—самим же избранная—предопределила работать там, где не каждому по силам, ты обязан работать так, чтобы не было стыдно перед людьми, которых ты представляешь, перед самим собой.

О том, как работал Александр Баба-

ГРАДЫШ

МЫЕ НА НИХ КОМСОМОЛЬСКОЙ ПУТЕВКОЙ

хин, лучше всего говорит тот факт, что в Норильске он был принят в партию. Вернувшись в Вильнюс, стал работать мастером производственного обучения в ПТУ.

...Здесь, в Вильнюсе, со стройкой добровольцев знакомят лучшие строители города Людвик Чепукойты, коммунист, плотник по профессии, бригадир комплексной бригады Чеслав Чебрук, бригадир монтажников Франц Богдевич. И цифры показывают, что и стажировка молодых, изъявивших желание получить комсомольскую путевку, и предварительные испытания достаточно строгие. Из десяти пожелавших ехать на комсомольские стройки только семь попадают на второй этап подготовки, когда во время стажировки понемногу начинает формироваться коллектив, когда высвечивается ядро будущего отряда. Из этой семерки «выпадают» еще один или два человека, не выдержавшие испытания трудом. Оставшиеся готовятся дальше наисерьезнейшим образом.

Говорит Витаутас Стрейкус, бригадир литовского отряда, сейчас работающего на БАМе:

— Я уверен, что первые шаги в формировании коллектива нашего отряда были сделаны именно во время стажировки. Ведь еще дома произошла первая «притирка» друг к другу — в дни работы на стройке. Нас поселили всех вместе в общежитии строителей, вдалеке от родителей, от старых друзей. Именно тогда произошел основной отсев из нашего отряда — стали уходить люди, которые пришли без твердых убеждений, не умеющие добиваться намеченной цели...

Цифры подтверждают все, что говорит Витаутас Стрейкус. В составе отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ на Байкало-Амурскую магистраль отправились 37 посланцев литовского комсомола. По данным ЦК комсомола республики, в первый год ни один из них не уехал домой. Отбор сюда был такой же строгий, как и в другие отряды. — в состав «бамовского» отряда попал только каждый третий желающий. Конкурс, пожалуй, не меньше, чем в какой-нибудь популярный вуз.

За время от XVIII съезда ВЛКСМ до XIX съезда на ударные комсомольские стройки уехали почти 3000 посланцев молодежи республики. Немало молодых людей трудятся и на ударных объектах Литвы — на строительстве Мажейкяйского нефтеперерабатывающего комбината, Игналинской атомной электростанции, уникальной Кайшядорской гидроаккумуляционной электростанции. Рудольф Кучук, секретарь парткома Западного управления строительства, строящего ИгАЭС, убежден:

— Бесспорно, «качество» направляемых к нам комсомольских отрядов улучшается. Приезжают все более зрелые (не в смысле возраста, конечно, а в смысле отношения к труду) люди. Разница между первым отрядом, приехавшим в 1976 году, и прибывшим совсем недавно — в пользу второго.

Как бы ни была совершенна и отлажена система подготовки комсомольских отрядов, факт, что такие отряды состоят в общем-то из не слишком закаленной молодежи, надо воспринимать трезво. Ударный комсомольский отряд как таковой и его люди — не законченное изделие, которое, раз отштамповав,

уже не изменишь — не испортишь, не поправишь. Это люди, жизненные принципы которых под воздействием всевозможных обстоятельств не только могут, но и должны меняться. Судьба этих людей в большой мере зависит от того, с кем рядом они будут работать там, в Нечерноземье, на БАМе, КАТЭКе. Первые всегда остаются первыми — им честь и почет, но им же и трудности, которых не придется пережить вторым. Все это сами собой понятные истины. Речь о другом. Об отношении к человеку, приехавшему на комсомольскую ударную, о фронте работ, который ждет молодого рабочего. Вот что рассказал Зенонас Вайгаускас, заведующий сектором по работе с молодыми строителями ЦК ЛКСМ Литвы:

— О наших посланцах да и вообще о наших земляках в Норильске, на БАМе, КАТЭКе отзываются очень неплохо. Да и наши ребята видят, что их трудом дорожат. Такими парнями, как Александр Бабахин, Витаутас Стрейкус, надо только гордиться. Но происходят, правда, не слишком часто, но чаще, чем хотелось бы, и другие вещи.

К примеру, в Каспийской ПМК объединения «Смоленскмелиорация» четыре дренажных экипажа наших парней три месяца работали на объекте, для которого вполне хватило бы одноместной работы трех экипажей. Что ребята делали? В основном ждали: то машинное масло, то запасные части, то, наконец, пока неметят и разметят трассу... В первые недели и настроение людей и трудовая дисциплина были безупречными. Но разве мы можем обвинять только наших ребят в том, что потом из-за неразберихи желание работать как-то улетучилось?

Вскоре республика отправит новый отряд молодежи для работы в разных районах. Трест «Вильнюс статива» вместе с ЦК комсомола республики уже сейчас серьезно думают о том, как лучше подготовить этих людей, к каким шефам их «приставить», каким коллективам доверить проверку их личных и деловых качеств...

Добрых тридцать лет назад молодой гражданин Литвы и не подумал бы спрашивать себя, зачем он нужен этим далеким краям, зачем они нужны ему самому. А сегодня эти далекие и суровые земли как бы приближаются к каждому из нас. Нет, километры остались такими же — долгие и далекие, измеряемые тысячами. Выросла наша страна. Выросли мы. Вырос наш молодой современник.

Он стал щедрее к жизни. Этой щедрости учит вся биография комсомола. Ей учат лучшие люди, готовящие молодого человека к трудовой жизни и дома и в далеких краях. Наконец, щедр он и потому, что сегодня это веление его широкой страны, его Родины!

ОТ РЕДАКЦИИ. Энтузиазм добровольцев должен обеспечиваться серьезной, всесторонней организаторской работой. Стажировка в местных строительных организациях, о которой мы сегодня рассказали на примере работы литовского комсомола, несомненно, полезный, заслуживающий широкого распространения опыт. А как обстоит дело с подготовкой ударных отрядов у вас?

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 4 (1338) ФЕВРАЛЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото
Анатолия
БОЧИНИНА

Наша обложка:
ребята
из лыжной секции
подмосковной
Яхромы.

- 1 Яковас ШАДЯВИЧУС. «ПОВОРОТ БИОГРАФИИ».
- 2 Александр РАДОВ. «ПРЕСТИЖ ИНЖЕНЕРА».
- 4 Валерий ХРАПОВ. «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ».
- 6 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
Владимир ЧЕРКАСОВ. «ДУБРАВА».
- 8 Стихи Виктора СМЕРНОВА-ФРОЛОВА.
- 9 Рассказ Ярослава ШИПОВА
«МАНЕВР МАЙОРА ТОРОПОВА».
- 10 Олег МИРОНОВ. «МИКРОБЫ АТАКУЮТ НЕФТЬ».
- 12 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. «ПОРТРЕТ КУЗНЕЦА».
Фоторепортаж Валерия ЛЕОНИДОВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 15 МИР КАПИТАЛА: КОГДА ЧЕЛОВЕК НИКОМУ НЕ НУЖЕН.
Сергей ЯКОВЛЕВ. «ИСПОВЕДЬ БЕЗРАБОТНОГО».
- 16 «СОЛДАТСКОЕ ПРИЗВАНИЕ».
- 18 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 19 ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.
Елена ГОЛОВАНЬ. «ФЛЕЙТА В ПОРТФЕЛЕ».
- 20 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Матвей КРАВЕЦ. «СЕВЕРНЫЙ ШАГ».
- 22 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Роман Пьера НЕМУРА «НЕНУЖНЫЙ МАЛЬЧИК».
- 24 Александр КУЗНЕЦОВ. «ВРЕМЯ МАСТЕРА».
- 25 Стихи Николая ОБОЛОНСКОГО.
- 28 Юрий ЩЕГЛОВ. «ДРУГ ЛИРЫ ПРОСВЕЩЕННОЙ».
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО.
- 32 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

Храню, время от времени перечитывая, сотни исповедальных писем инженеров. Письма не дают мне покоя, поскольку не ведаю, да как же помочь их авторам.

«Сегодня мне попало на глаза характерное объявление. Вчитайтесь: «Требуются: 1) Опытные инженеры-механики. Оклад 115 рублей. 2) Уборщицы. Зарплата 110 рублей». Хорошо осознаю, что всякий труд почетен. И все же инженер, получающий на уровне с уборщицей, чувствует себя довольно стесненно, и ему не до сентенций о моральной значимости его профессии».

Проблема зарплаты? Да нет, все сложнее. Хотя и она имеет место, да посмотрите — выглядит несколько необычно:

«Нет, за нашу работу и того, что нам платят, много. Если мне станут

которых дело идет с переборами, то и дело высказывает брак, случаются разнообразные ЧП, страдают и работники и все мы — потребители того, что они производят. С другой же стороны, на каждом из этих предприятий десятки, сотни, а то и тысячи специалистов, да с образованием на уровне лучших мировых стандартов, маются от безделья или, что чаще, от примитивного, заведомо неполноценного использования.

Отчего такая нелепица? В письмах инженеров множество на этот счет версий.

«На мой взгляд, причиной того, что инженеры у нас метут улицы, перебирают картошку, косят сено, собирают помидоры, разгружают вагоны и т. п., является то, что руководители предприятий постоянной и осознанной потребностью в эффективном использовании инженеров не испытывают. Такая потребность возникает только в исключительных случаях».

Давно заметил: плохо живется на производстве тем, в ком оно не больно-

ствия стимулов динамичным, развивающимся предприятиям чаще достаются шишки, зато сонным и вялым — пироги да пышки. Лишь совесть понуждает порой экономить. Но одна совесть не может быть основой для хозяйствования.

В этих условиях инженеры воспринимаются на предприятиях как нечто необязательное. Есть толковые головы — хорошо, а нет — обойдемся. А инженеры мнимые ценятся порой выше, чем истинные. Первых гораздо легче бросать на прорывы в цеха, отправлять на сельхозработы. От знаковых директоров заводов много раз слышал признание: в условиях дефицита кадров вся надежда на инженеров. Парадокс: не на то надежда, что, хорошо поработав, инженеры поднимут технический уровень производства, а значит, помогут предприятию обойтись меньшим числом людей. На другое — что инженеры займут опустевшие в цехах рабочие места.

«Ради бога, не усложняйте проблему. Вы только развяжите руководителям производства руки. Особенно в вопросах штатного расписания. И

диплома, а инженером — сколько угодно. Сегодня инженерство — проходной двор. В нем сотни тысяч людей, обладающих странными для производства дипломами: агронома и зоотехника, ветеринара и словесника... С другой же стороны, обладатели инженерной квалификации где только не пристроились! Даже в гуманитарии. Возникла привычная практика: все вновь нарождающиеся профессии, для которых Минвуз медлит готовить специалистов, комплектуются преимущественно инженерами. Хорошо ли это? Не утаю — многие «варяги» делают яркие открытия, становятся признанными авторитетами. Но это исключения, а правило таково: бывшие инженеры в новом для себя занятии становятся полупрофессионалами, а значит, коречат дело.

Сколько бывших инженеров среди руководителей всех рангов? До сих пор считается, что для такого случая инженерное образование самое подходящее. Но вот что узнаю из социологических исследований: наибольшие трудности руководители производства испытывают из-за недостатка знаний и

ПРЕСТИЖ ИНЖЕНЕРА

Насколько высок он сегодня? По-хозяйски ли используются способности, знания, квалификация специалистов?

платить больше, то я не смогу смотреть в глаза рабочим. Они пятнадцать — двадцатикилограммовые детали поднимают за смену сотни раз, а я почти за те же деньги — лишь пробегу мимо с листочком в руке. Вот если от моей работы будет рабочим облегчение, да еще поднимется производительность их труда — вот тут прибавку к зарплате я приму с чистой совестью. А иначе — стыдно!»

Вот основное в их письмах — им стыдно! Стыдно перед собой, стыдно перед рабочими, стыдно перед всем обществом. За что?

«Я приношу государству и людям минимум, а мог бы приносить максимум пользы!»

Поясно: эти письма слишком доверительные, чтобы указывать здесь фамилии их авторов. Но прошу читателя мне поверить: не сочинил.

Кто-то скажет: да что ж им мешает? Пусть засучат рукава и приступят — проблем-то о-го-го!.. Это и меня много лет шокирует. На любом — именно на любом! — заводе, да и на фабрике, в колхозе, на стройке сталкиваюсь с парадоксальной ситуацией. С одной стороны, масса нерешенных инженерных, организационных, управленческих проблем, из-за

то нуждается. Поразительно, но именно в такой роли оказался в ряде случаев инженер. И потому многое для них — в последнюю очередь.

«Я, грешным делом, три раза убежал из инженеров в рабочие. Был токарем, потом монтажником, а в третий раз — электрослесарем. Совсем, скажу вам, другая жизнь... Во-первых, зарабатывал столько, что сам себя начинал уважать. И для нервной системы комфорта побольше. Как я рассуждал? Работу мне вьнь да положь, задержать после смены — не могу, за каждый мой лишний шаг — заплачу, всем необходимым — обеспечить... А как независим я был со своим начальством: мог и потребовать и даже прикрикнуть, а они на меня — ни-ни: сразу же проглотят ногами. И, думаете, творчества меньше было в моей работе, чем сейчас, за кульманом? Я столько рацпредложений написал, причем они у меня не лежали, как сейчас лежат. Я мог любой вопрос ребром поставить. А сейчас, в инженерах, всюду бочком, со всеми — вполголоса, все терплю, даже хамство своего начальника. Поэтому, что деваться некуда».

Но проблема инженера — не сама по себе. В экономике нередко из-за отсут-

тогда они сами выставляют за проходную 80 процентов бездельников, зато оставшимся на заводе инженерам — из породы Прончатова — дадут оклад в 400 рублей. И сразу все образуется: в технических вузах вновь появится конкурс, прекратится дефицит кадров и даже уменьшится число разводов...»

Перспектива заманчивая. Но чтоб она сбылась, как минимум, требуется полный хозяйственный расчет. Тогда первым покровителем и защитником инженеров станет главный бухгалтер предприятия. Изучая суммы прибыли, показатели рентабельности и фондоотдачи, он непременно заметит, есть ли эффект от деятельности инженеров, а если его нет, то забьет тревогу, всех на заводе поднимет на ноги. Вот тогда-то руководители станут гоняться за талантливыми инженерами, создавать для них режим наибольшего благоприятствования. А пока...

«К значительной части инженеров у нас предъявляют весьма скромные требования. Не читая специальной литературы, не следя за новейшими достижениями в своей области техники, можно тем не менее жить припеваючи, считаться на своем месте».

Врачом не поставят человека без

навыков в области организации и управления, экономики и социальной психологии. То есть не хватает управленческого профессионализма, который инженерная квалификация никак не компенсирует. И приходится его приобретать долгими годами — через ошибки и сшибки.

«Руководители нашего завода и свою работу организовать толком не могут и нашу. Обязанности между нами не распределяют, их выполнение не контролируют. Да мы бы сами могли организовать работу рациональнее, да руководители не доверяют нам решение даже копейных вопросов».

Подельсь наблюдением: заводские руководители, как правило, перегружены. Многие едва успевают справиться с текушкой, а до стратегических вопросов руки не доходят. Из-за этого не управляют событиями, а идут за ними. Есть, казалось бы, простой выход из положения — передай часть своих дел подчиненным, а сам займись перспективой. И для подчиненных тут выигрыш, ибо они, занимая должности старших и ведущих инженеров, тоскуют по самостоятельности, мечтают о творчестве. Но есть еще одно препятствие...

«Ни в цехах, ни в отделах нет младших помощников инженеров, то есть техников, лаборантов, курьеров и делопроизводителей. Потому ли нет, что нечего им делать? Не позтому... Просто их обязанности давно возложили на нас, инженеров. Ведущему, например, конструктору приходится самому и чертить, и порой копировать, и собирать многочисленные резолюции, и делать простейшие расчеты, и заполнять бесчисленные формы, карточки, документы... До творчества ли? За несколько лет такой работы напрочь забываешь все, чему учили в вузе...»

Перед нами практика экстенсивного использования инженеров. Какая-то работа требует трех инженеров, пятерых техников и двух лаборантов, а мы, люди немелочные, бросаем на нее десяток дипломированных инженеров. Экономисты считают: потому такая расточительность, что специалисты вообще достаются предприятиям даром. Предлагают сделать так, чтобы предприятие за инженерные кадры как-то платило. Но я сомневаюсь, что это поможет. Платить-то будет все

все смешалось. Ныне на одинаковых должностях, получая одинаковую зарплату и выполняя практически одинаковую работу, чаще всего примитивную, сидят и выпускник лучшего инженерного вуза страны, и седоватый практик, и вчерашняя десятиклассница, мечтающая о кинематографической карьере, и специалист с дипломом преподавателя истории.

Итак, решая проблему инженера, надо не упустить проблему техника, не забыть про младший обслуживающий персонал.

«А зачем людей обременять мартышкиным трудом, когда можно его передать компьютерам? Именно ЭВМ, а не клерки вернут инженеров к творчеству».

Возражение резонное. Но пока многочисленные и очень дорогостоящие АСУ, АСУПы, АСУКи и прочие от них производные на каждодневной деятельности инженеров в основном никак не сказались. Свои расчеты инженеры продолжают вести вручную, подавляющую часть рабочего времени тратят на простенькое дело-производство.

«Чтобы навести порядок, надо было критически пересмотреть весь штат инженеров, по каждой должности решить — быть ей или не быть. Потом изменить штатное расписание, составить новые должностные инструкции, подвергнуть всех инженеров и техников переквалификации и, наконец, резать по живому, то есть переставлять людей, а значит, кого-то обидеть, с кем-то вступить в конфликт, не бояться любителей протекции и тому подобное. Слишком хлопотно, решили на нашем заводе. И все сохраняется как было. И обостряется дефицит кадров, падает производительность труда, замедляется развитие...»

Редко где отважились осуществить подобную программу, хотя, как говорится, противопоказаний не было. А не хватило принципиальности. Вот ведь что опаснее всего — беспринципное хозяйствование: когда заведомо прячутся или замазываются противоречия, вопросы ребром не ставятся, главная забота — личная безопасность.

«Чтобы платить по труду, надо всех называть по именам: лентяя — лентяем, невежду — невеждой... И значит, не бояться кого-то обидеть, с кем-то испортить отношения, не бояться жалоб, а то и кляуз. А кому этого хочется? Благодушные процветают. Все хотят быть добренькими — за казенный-то счет. Простейший рецепт: платить по ровну и без разбора, и неважно, кто как работал».

При таких обстоятельствах инженеры начинают прикидывать: стоит ли проявлять рвение, если за это не вознаградят? И многие решают: не стоит. Однако находятся и одержимые, которые не могут не дерзать. Но частенько случается: им начинают ставить палки в колеса. И что самое-то удивительное — ближайшие их коллеги.

«Обстановка у нас такая, что тон задают «сачки», обыватели. Они и сами не перетруждаются, и тебе не дадут «высовываться», дабы ты их тем самым не скомпромметировал. Я, к примеру, попробовал оформить авторское свидетельство на свое изобретение. Так меня чуть не заклевали на родном заводе...»

Вот ведь как случается! Отсюда вывод: чтобы инженер мог быть Инженером, мало изменить какое-то одно обстоятельство. Требуется реконструировать всю деловую ситуацию инженера. Прежде всего экономическую ее сторону.

«Нужно создать такие экономические условия, чтобы всякая бесхозяйственность в любых ее формах выявлялась бы немедленно, а виновники, допустившие такое «хозяйствование», без промедления наказывались.

Причем, принуждение должно быть прежде всего экономическим. Вот тогда свой «интеллектуальный капитал» предприятие будет хранить, беречь, преумножать...»

Хозяйствовать расточительно можно без инженеров, но немисливо вести дело экономно, если инженер не на высоте. А как этого добиться? Одним постановлением тут не обойтись, одному ведомству поднять этот груз не под силу.

«Проблема инженера не может ждать. Она назрела уже 20—25 лет назад и, нерешенная, принесла нам столько потерь, что их все и не учтешь и не представишь. Дефицит кадров — это прямое следствие проблемы инженера. Доколе же будем с ней медлить?»

Да, как бы сделать так, чтобы все мы — сверху донизу — за эту проблему взялись, да не разрозненно, а артельно? И не позволили остаться в стороне любому ведомству? Ведь это они, если честно сказать, эту проблему запустили. Пусть же теперь, да под общественным контролем, дело это наверстывают.

Но и сам инженер не должен быть тут посторонним. Он очень многое может в себе переменить, если общество ему строго скажет: «Стань таким, как я хочу!»

«Многое уже сегодня можно сделать на месте — на каждом предприятии. Разве лучшие предприятия страны это не доказывают?»

Тут чистая правда. Сам бывал на предприятиях, которые не захотели ждать перемен, исходящих от инстанций. Взались сами и с радостью обнаружили — проблема под силу!

Иной раз бывает: отваживаются от безысходности, а потом дерзание, пришедшее частную победу, превращают в общую политику.

На владимирском заводе «Автоприбор» случилось не так давно небольшое событие, которое, как я убежден, будет иметь для предприятия далеко идущие последствия. Уточню — позитивные. А произошло следующее: вышел приказ по заводу, строго-настроено запрещающий посылать инженеров на прорыв в цех. Что в этом особенно? В этой акции вижу уважение к профессиональной деятельности инженера. А мои наблюдения подсказывают: каждый почитаемый сегодня завод начинал в свое время с доверия к инженеру, с создания для него полноценных условий для работы.

Не один раз писал о нашем знаменитом хозяйственнике Герое Социалистического Труда Владимире Федоровиче Карпове. Много лет он возглавлял производственное объединение «Ждановтяжмаш». Принял простенькое, почти кустарное производство, а уже через четырнадцать лет — своим ходом, без всяких подталкиваний сверху — оно превратилось в завод-гигант, сравнимый с «Уралмашем». Карпов был большой мастер стратегического управления, к которому редко прибегают наши хозяйственники, поскольку перегружены «копеечными» делами. А главной стратегией Карпова была ставка на творца, на «розысла». Так издавна называли на Руси инженеров.

Начал Карпов с того, что уговорил своих кадровых рабочих поддержать его в предложении выстроить несколько многоэтажных домов для молодых специалистов. Смог аргументированно доказать: не будет полноценных инженеров — не будет у завода будущего. И когда таковые инженеры появились, ибо слава пошла о заводе среди лучших вузов страны, то Карпов все сделал, чтобы их знания и таланты не размывались на медные пяты.

Легко ли ему было? Мучительно трудно. Но смогу добиться, чтобы «надлежащий человек был на надлежащем месте»: техник — в техниках, инженер — в инженерах. А дилетантов, или, иначе сказать, «практиков», «искоре-

нил как класс». В итоге получилось: ведущим стало кого за собой вести, их избавили от примитивнейших, вовсе не инженерных функций. И если оклады некогда мнимых инженеров, ставших теперь полноценными техниками, несколько снизились, то зарплата инженеров подлинных резко возросла. Что это дало? О самочувствии инженеров говорить не стану, ибо это очевидно, а упомяну о том, что отдача от специалистов сильно повысилась. И если б не это — завод бы не смог двигаться нынешними темпами: увеличивать объемы производства не менее чем на десять процентов в год. Тут заключаю: работать вяло можно без инженеров, а динамичность развития немислива без полноценной отдачи специалистов.

Ждановский «Тяжмаш» не исключение. Для всех поучителен пример Минского тракторного завода и Ивановского станкостроительного производственного объединения. Они стали суперзаводами, из малоперспективных предприятий превратились в законодателей мировой моды. Их продукция конкурентоспособна и на рынках развитых капиталистических стран. Вот одна только подробность: минские «Беларуси» в США пользуются большим спросом, чем тракторы знаменитой, всем нам памятной марки «Фордзон».

Что общего у этих заводов? Величайшее уважение к инженеру. Его тут не шпыняют, не гоняют на прорывы. Напротив, используют все возможности предприятия, чтобы создать инженерам комфорт на работе и полноценные условия жизни. Тут не проблема — профессиональный и творческий рост. На обоих заводах заведено доверять молодым. Неудивительно: самые первые успехи пришли в свое время после того, как разработку принципиально новой модели доверили зеленым, еще совсем не обстрелянным инженерам. И не ошиблись.

Итогу: уже сегодня на любом заводе немало собственных возможностей для того, чтобы изменить отношение к специалистам, приподнять их роль и значение в деятельности предприятия. Надо только взяться. Кому? Руководителям. Но и сами инженеры не должны быть пассивны и покладисты. Отпущенные им знания и способности есть не личное — «казенное имущество», как говорил Ленин. Наше общественное достояние! И всем нам не безразлично, как его используют.

ОТ РЕДАКЦИИ. Вглядываясь в проблему с различных точек зрения, автор статьи ставит вопросы остро, но и спорно. Тема не нова. Однако своей актуальности не потеряла. Да, жизнь богата примерами подлинного инженерного творчества, настоящих взлетов инженерной мысли, без них был бы немислим научно-технический прогресс, крупнейшие достижения всех отраслей народного хозяйства. Однако очевидно и то, что труд инженера сегодня таит в себе громадные резервы, которые обязательно нужно привести в действие.

Что нужно, чтобы работа каждого инженера была постоянно и надежно плодотворной, эффективной? Этот вопрос волнует многих. И не только с точки зрения экономической, но и — в меньшей степени! — нравственной. И это обстоятельство особенно важно для инженеров молодых — специалистов завтрашнего дня.

Насколько в своих выводах и заключениях прав и в чем неправ автор? Какие жизненные примеры подтверждают те или иные положения статьи и какие их отвергают?

Редакция приглашает читателей, и прежде всего молодых инженеров, высказать свое мнение на страницах «Смены».

ДО ЭТОЙ МИНУТЫ, КОГДА ПРИШЛО РЕШЕНИЕ, ШЛИ ДНИ СБОРА ИНФОРМАЦИИ, РАЗМЫШЛЕНИЙ, ПОИСКОВ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

равно государство, а не хозяйственники из собственного кармана.

Но есть тут еще один важный момент: исчезают служащие, те, кого не очень уважительно именуют иногда клерками. Лет сорок назад их было больше, чем инженеров. А сегодня — в два с лишним раза меньше. Это ведь они должны освободить инженеров от элементарнейших забот. Куда ж они исчезли?

«Сегодня в вузах учатся молодые люди немногим меньше, чем в ПТУ и техникумах. И получается — ведущим специалистам некого вести».

А сколько выпускников техникумов становится на рабочие места? Главным образом потому, что не отрегулированы вопросы оплаты труда. Но и среди нынешних инженеров немало тех, кто достоин быть всего только техником. Самое-то удивительное — в инженерии они не набивались, а им предложили, чтобы можно было больше платить. Так и возник легион мнимых инженеров. И все перепуталось,

СЕМЕЙНОЕ

Умеешь ли ты ценить мелочи, быть внимательным в пустяках? Тебе некогда? Но, может, она и состоит из цепочки мелочей, эта трудная семейная жизнь?

РАДОСТЬ ПЕРВОГО ШАГА

Фото Бориса КАВАШКИНА

СЧАСТЬЕ

На последнюю электричку я опоздал. До соседнего областного центра теперь можно было добраться только отходящим через шесть минут почтово-багажным поездом. И хотя тащиться он будет пять с лишним часов, ничего другого не оставалось. Я бросился на перрон. Пробегая вдоль состава, умолял проводниц пустить в вагон. Но тщетно. Наконец, один пожилой проводник сжалился и, закрывая багажные ворота, нехотя бросил: «Иди к дверям, сейчас открою».

У закрытых дверей секунды тянулись томительно. И вдруг за спиной я услышал просительный голос:

— Может, и меня с собой возьмете?

Я обернулся: передо мной стоял симпатичный парень лет тридцати, через плечо у него висела легкая сумка, в руках букет цветов.

В это время я услышал щелканье открываемого замка и, сам не знаю почему, решительно скомандовал:

— Проходите, — и тут же успокоил удивленного проводника в стиле Остапа Бендера: — Этот юноша со мной.

Старый проводник уступил нам свое купе с двумя полками и, сославшись на то, что должен находиться при багаже, ушел. Устраиваясь наверху, я заметил, как парень, поставив сумку, стал бережно укладывать цветы, стебли которых были завернуты в мокрую газету. Он лег. Поезд тронулся. Букет качнуло. И я увидел, как руки парня нежно обхватили цветы.

— Куда это вы на ночь глядя с цветами?

— Домой. Завтра, вернее, сегодня у нас с женой юбилей. Нашей семье десять лет исполняется.

Он ответил мягко, но приподнято.

— Чего же вам перед юбилеем дома не сиделось?

Попугчик не заметил моей иронии и отвечал все так же спокойно и мягко:

— Надо было... Свадьба у брата. Он, чудак, наконец-то решился. Успел до тридцати.

— А что же вы жену с собой не взяли? Вместе бы и юбилей отметили...

— Да ей уже такие путешествия опасны. Она у меня будет рожать скоро. И детей надо было с кем-то оставлять. А мы этого не любим.

— Детей? Сколько же их у вас?

— Пока двое. Сыновья, — ответил он не без гордости.

— И третьего ждете? Так это вы скорее чудак, а не ваш брат. Дети сегодня не в моде. Сейчас больше о «Жигулях» мечтают. Как же вы решились на третьего?! Вы что, миллионер? Жена ваша кем работает?

Теперь я спрашивал заинтересованно. Меня влекут чудачки. В конечном счете на них-то мир и держится.

— Нет, я инженер-электрик с окладом 150 рублей плюс прогрессивка, а жена работает воспитательницей в детском саду. Однако, как говорится, не в деньгах счастье...

— А в чем же? Вы нашли его в семейной жизни?

— Не-знаю... Сразу и не ответить. Все знакомые считают нашу семью чуть ли не идеальной. Но мы-то, честно говоря, когда-то и о разводе подумывали. Особенно когда вспоминали, что и моя мама и ее были против нашего брака. Им, наверное, и невест и женихов посolidнее хотелось. Да и мы, бывало, жалели, что сыграли свадьбу, когда нам и двадцати еще не исполнилось. Но, как говорится, «стерпится — слюбится». Правда, я бы переиначил эту поговорку наоборот: «Любится — стерпится».

Он говорил в темноту, будто забыв о моем существовании:

— Наш «медовый месяц», помнится, мы решили провести в доме отдыха, поделив двенадцатидневную профсо-

юзную путевку на двоих. Но двоих на шесть дней не пустили. Это была наша первая семейная неудача. Возвращались мы к электричке дорогой вдоль крутого склона оврага. Брели понурье, не замечая, как падают кленовые листья, не видя темного ельника, высвеченного золотом берез. И вдруг прямо над собой услышали курлыкание. Запрокинув головы, увидели — журавли. Они прошепестели над нами плотным дружным клином, как бы говоря: все хорошо, когда вы вместе. Мы улыбнулись, взяли за руки и пошли в ту сторону, куда летели журавли. Тогда мы были твердо уверены, что рай возможен и в шалаше...

Я слушал, стараясь не шевелиться.

— ...Правда, шалаш наш был в двенадцать квадратных метров на третьем этаже кирпичного дома. Спасибо тестю — позаботился. Устроил родственный обмен, разъяснив свою позицию народной мудростью: «Любишь родных — уехай от них». И мебель нам кой-какая досталась: кровать, стол, два стула и этажерка. Но тут для нас со всей остротой встала проблема тарелок. Нет, посуды у нас было много. Все гости на свадьбе, словно сговорившись, решили подарить нам кофейные, чайные и столовые сервизы. Но ведь кому-то надо всю эту посуду мыть? Или вот еще вопрос: кому первому вставать и готовить завтрак? Какое это было делать мне, за которым до двадцати лет ухаживали бабушка и мама? Да и Галине — любимице всей семьи — тоже не легче было. На ней и так вся стирка была, а за мной только собственные носки. Тогда мы, как в школе, стали устанавливать график дежурства. Чтобы все поровну! Вот это-то и спасло нас от мелких кухонных дразг.

Конечно, мы и ссорились. Я все чаще уезжал к маме, чтобы посмот-

реть хоккей по телевизору, а главное, подышать свежим воздухом, вернуться вновь туда, где и на кухне меня ждали любовь и ласка. Не знаю, чем бы все это кончилось, не появись он, наш первенец Сережка.

Поезд остановился на полустанке.

— Не утомил вас? — прервал свой рассказ попугчик.

— Нет, что вы. Я, наоборот, боюсь, что мы скоро приедем. Продолжайте, пожалуйста.

— Не знаю, как у других, но Сережка появился для нас неожиданно, хоть и ждали мы его положенные девять месяцев. Галинка моя вела себя молодцом. Тут уж, наверное, теща моя, Вера Платоновна, опыт свой большой сумела ей передать. Мы только на такси и успели, а вечером позвонил в роддом, поздравляют — сын! Я, конечно, перья, как павлин, распушил — отец семейства, хотя толком и не осознавал, что произошло. Только когда привезли мы домой маленький, сморщенный, кричащий комочек, вдруг понял, что я за эту жизнь отвечаю. Не знаю, перед кем, но отвечаю.

Эту самую ответственность пришлось прочувствовать во всей полноте уже через две недели. У Сережки (у него тогда еще и имени-то не было) обнаружили воспаление среднего уха. Как же он кричал! Ни чьи слезы не выворачивают так душу, как слезы собственного ребенка, да еще грудного. Правда, от Сережкиного плача меня скоро отгородила быличная стеклянная перегородка, но каково было Галине? Она-то оставалась с ним.

А в четыре месяца у сына началось воспаление легких. Вообще этот первый год Сережкиной жизни пролетел для нас как кошмарный сон. Хотя сна-то почти не было. Галя продолжала учиться на втором курсе своего педучилища (благо, на вечернем отделении, лекции через вечер), а я диплом писал. На работе оформили меня дежурным электриком. Ходил через день. А вечером, когда особой работы нет, писать было удобно: тишина, только выпрямители гудят...

Дома, понятно, тишины не было. Утром, еще засветло, если дежурить не надо, бежишь на молочную кухню за детским питанием, днем, если свободен, по магазинам, а вечером — лекции. Если лекций нет, то пеленки. Галке моей, как назло, на втором курсе стали лекции по детской гигиене читать. Наслушалась она их и давай растить сына по науке. Кормила по часам, точность выдерживала до минуты. Мальчишка орет, надрыдается. Вера Платоновна скажет: «Галь, пора кормить мальчика». А она: «Нет, еще рано». Я подойду злой (я Сережкиного крика панически боюсь): «Да покорми ты, не слышишь — кричит парень». Она свое: «Нет, еще десать минут. У него режим». Ну я, конечно, взываю: «Режим для человека, а не человек для режима! Корми, хватит тянуть!» Теща теперь за нее: «Ты что на мать собственного сына кричишь? Как не стыдно!» С тещей я в философские дискуссии не вступал, все-таки мы ей многим были обязаны. Она не только Галине помогала. Пока Сережке полгода не исполнилось, мы у них жили. Я уйду на кухню после ссоры — там теща сидит, успокаивает: «Ты с женщинами лучше не связывайся. У них своя логика». Я пошумлю для порядка, но делать нечего, приходите соглашаться. Да и на столе уже куча выстиранного белья: пеленки-распашонки.

Насчет пеленок Галинка гигиена тоже оказалась строга. Их надо было обязательно и прокипятить и прогладить с двух сторон. А пеленок у нас много было: не только сами купили, но и друзья надарили. И вот стою, глажу. Скучное это занятие, а я монотонности не переношу. Для меня и в школьные годы намного легче было четыре часа в футбол гонять, чем десять минут бегать ровно и спокойно. Не знаю, как мне в голову взбрело, только стал я гладить пеленки на время. Соревнова-

ние сам с собой устроил: двадцать пеленок за двадцать минут. Потом стал гладить за семнадцать, а личный рекорд — двадцать три пеленки за четырнадцать минут.

Но дело, конечно, не в этих маленьких хитростях. Мы с братом ведь росли без отца. Не знаю, чего тогда испугался мой папаша? Может, и пеленок, стеснявших его свободу. Он у меня человек творческий — артист областного театра. Только я понимаю так: подло бросать детей ради собственного удобства. Нам с братом потому и не хватает мужской выдержки, что всю жизнь росли среди женщин. Оттого, может, я и бываю не в меру криклив. Помню, как орал в детстве, когда соседский Вовка Харлампиев уезжал с отцом на рыбалку. А как я завидовал Асхату Гумарову! Его никто из мальчишек пальцем не трогал — отца боялись. А я своего отца знал только по выцветшей фотографии. Когда мне было лет двенадцать, отец пришел нас навещать. Так я закатил такую истерику, что он пулей выскочил из дома...

Попутчик мой замолчал, переживая нахлынувшие воспоминания детства, но через какое-то мгновение снова продолжал:

— Да, досталось нам в тот год. Галина мне недавно призналась, что вот тогда-то в полном смысле осознала слова Пушкина: «И растет ребенок там не по дням, а по часам». Сережка и вправду все научился делать быстрее, чем предсказывали учебники: и улыбаться, и говорить, и ходить... Исполнилось ему одиннадцать месяцев. Сняли мы у одной старушки дачу, вернее, комнатку со старыми, обшарпанными обоями, с одним окном. На большее тогда у нас просто денег не было, и так родители помогли. Но все-таки это была дача. Свежий воздух. Зеленая лужайка напротив дома. Вывел я как-то Сергунчика на травку, поставил. А сам плюхнулся перед ним на колени. Он ко мне. Я кувырком от него. Он заливается смехом и за мной. Один шаг, другой, третий! Так наш Сережка стал человеком прямоходящим. И нам стало полегче...

Вернее, это мне стало полегче, потому что кончалась моя отсрочка после окончания института, и я ушел в армию. Служба мне досталась простая. Мои товарищи казались мне наивными мальчишками — им по восемнадцать-девятнадцать, а мне уже двадцать четыре года. Шутка ли — отец семейства! Никто из них не ждал писем из дома так, как я. И никто, кроме меня, не получал столько нарядов от прапорщика за карманы, набитые письмами. Галка писала их через день. Я люблю перечитывать эти письма, до сих пор полное их собрание лежит на верхней полке книжного шкафа.

Как одно из самых приятных событий армейской жизни вспоминаю увольнительную, которую получил однажды для свидания с женой. И сейчас еще удивляюсь, как это моя тихая Галина, вечно боявшая простудить сына, решилась отправиться с ним (а Сергею и двух лет не было!) ко мне за восьмьюстами километрами! Одна офицерская семья уступила нам свою комнату. Радости было много. Только, смотря, сын-то меня не признает: называет «дядя». Стали ему внушать, что я папа, а не дядя. Через несколько часов для проверки спросил, где папа, а этот безобрысик протянул ручонку в сторону: «Там, далеко...» Так и прожил эти дни с раздвоенным сознанием: один папа был здесь, а другой далеко.

Когда они уехали, вдруг понял, что отец семейства я никудашный. Вот, думаю, вернусь скоро домой, переверзу от тещи Галину с Сережкой, а им даже вещи положить будет куда: шкафато у нас нет. Ну ладно, шкаф можно купить, но ведь он займет половину комнаты, сънишке и побегать будет негде. И тогда я стал мебельщиком. Сколько я бумаги извел, вычерчивая

собственный проект стенового шкафа! Сколько этих проектов переслал Галине на утверждение! И первое, что сделал по возвращении из армии, это был универсальный напольно-настенный-допотопочный шкаф. Он и сейчас верой и правдой служит нам в новой трехкомнатной квартире.

С тех пор, поверьте на слово, стал и неплохим специалистом по изготовлению мебели. Три кресла смастерил сам, полки для книг, даже платяной шкаф с раздвижными дверями. Сейчас вроде бы и денюжка есть, чтобы обзавестись мебелью, как у людей, а не хочется. А еще, если честно признаться, боюсь мы с Сережкой, что без мужской работы останемся...

— А вы считаете, что работу по дому надо делить на мужскую и женскую?

— Нет, не считаю. А все-таки она так и делится. И в нашей семье тоже. Не вечно же решать проблему мытья тарелок. Правда, я старался придерживаться совета одного старого семьянина: «Хочешь, чтобы жена оставалась молодой, — не жди, когда она возьмется мыть посуду, начиная сам». Да и Сережке надо было прививать положительные примеры. Но обед все равно готовит у нас мама. Хотя на мне, как правило, и покупка картошки, и засолка капусты, и заготовка грибов на зиму. Это у меня вроде хобби. А супы, борщи и каши, как ни крути, все же на жене остаются. Между прочим, лет с девяти Сережка тоже научился и картошку, и кашу, и суп варить. Для него теперь даже яблочный пирог испечь не проблема. Жизнь заставила. Он у нас после рождения второго сына за старшего остается. Помощник!

Когда младшему, Лешеньке, года три было, болел часто. Полгода из простуды не вылезал. Галине стыдно было на работу больничные да справки носить. Врачи говорят: «Выход один — отправить его месяца на два в Крым, чтобы прогорел как следует на солнышке». Надо ехать, а денег не хватает. Мне стало стыдно: мужчина, работаю, а семью свою обеспечить не могу. Спасибо, приятель один посоветовал взять отпуск и устроиться в леспромхозе на прочистке: вырубаете топориком все, что мешает расти деловому лесу, складываете, а за каждый кубометр тебе полтинник платят. Прямо по науке: лучший отдых — смена деятельности. Я, правда, и раньше в отпуске на пляже не валялся. Каждое лето — стройотряд... В общем, взял у приятеля адрес и уехал с Сережкой на месяц. Галина, надо сказать, к тому времени тоже проблему Крыма по своему решила — устроилась на одну смену уборщицей в детский сад, выехавший в Евпаторию. Но нам хотелось всей семьей в Крым отдохнуть хоть две недели. У меня как раз и отгулов много набралось... Что-то я разболтался. Вы там не уснули?

— Нет, и не думал. А почему вы о младшем ничего не рассказываете? Вы его меньше любите?

— Разве любовь к детям можно измерить? Я, может, избитую фразу произнесу, но человеку обе руки одинаково дороги. Правда, Лешеньку мы все любим как-то по-особенному. Он всех нас не только счастливее, но и мудрее сделал. Мы сейчас с Галиной жалеем, что второй ребенок появился у нас только через пять лет после первого. Это нас первый Сережкин год так напугал. Не решились мы на второго ребенка. А решились тоже с перепуга. В четыре года пришлось Сережку положить на операцию — обнаружилась у него грыжа. Операция пустячная, но мы перепугались. У нас в доме соседский мальчишка умер, потому что родители поздно спохватились эту самую грыжу вырезать. А без детей мы своей семьи уже не представляли...

И вот привезли мы маму с Лешенькой домой. Вера Платоновна, сразу оценив генеральную уборку, которую мы навели по-мужски, залюбовалась колыбелькой: «Что, Сереж, хороша корзинка?!» А он ей: «Тот, кто в кор-

зинке, еще лучше!» Месяца через три Галина как-то подругу поехала проведать, а мы — три мужика — остались хозяйствовать. Лешка играл-играл, потом хныкать начал. Я бросился на кухню кефир греть. Пока согрел, слышу, уже молчит. Вхожу в комнату и вижу: Сережка его из колыбельки вытащил, и перепеленать пытается, да еще какую-то песенку поет, а младший лежит, от удивления глаза вытаращил и сидится улыбнуться.

Пеленок я с двух сторон уже не гладил, ездил в «Детский мир» за бумажными. И Галина кормила мальчишку тогда, когда он хотел есть, минут не выдерживала. А еще благодаря Лешке мы въехали в отдельную трехкомнатную квартиру. Попрошай тут не заулыбайся. Нам с ним было легко, а ему с нами.

В четыре года он букварь начал читать, складывает и вычитает в пределах десятка, даже стихи сочиняет. Недавно я его стыдить стал: «Матросский костюм надел, а у самого нос грязный!» Он в ванную пошел, умылся, выходит, улыбается и декламирует: «Ку-ку, матрос! Иди и вымой нос!»

Нет, он не вундеркинд. Просто мы с женой в вопросах воспитания детей опытнее стали. Сережку я начал учить читать, когда ему уже шесть лет исполнилось. Мы его частенько поругивали, сравнивали с другими, стыдили, хотя он во многом способнее Лешки. А Лешка только и слышит: «Молодец, умница!» Пусть растет, уверенный в своих способностях. Я, например, играю с Сергеем в хоккей и специально не поддаюсь ему, хоть он и плачет, — приучаю к поражениям... Помню, когда он учился во втором классе, приходит с единицей за контрольную по математике. Стали разбирать — все решает. «Почему же ты контрольную не сделал?» «А я не знал, как правильно записать», — отвечает. Выходит, зажат был, не уверен в себе. И я понял, что тут больше моя вина: это я приучал его бояться отцовского гнева, даже иногда за ремень хватался. Лешка никакого ремня не знает, но он от этого не хуже, а лучше становится: увереннее, спокойнее, добрее.

Недавно, в субботу, приходит Сергей из школы. Шесть уроков, потом макулатуру собирали — устал, конечно. Плюхнулся в кресло, сапоги выставил. Галина только рот открыла мораль ему прочитать о необходимости уважать труд взрослых, а Лешка подходит и кладет перед братом его тапочку. Вот так он нас всех добротой и вниманию учит. Но и ему сестренка нужна...

Попутчик мой замолчал. Весь его рассказ о семье подкупал искренностью, но настораживала идилличность картины, нарисованной им. Может, подумал я, «юбилей» его на такую волну настроил? И, воспользовавшись паузой, оборнил:

— Да... Вам прямо-таки позавидовать можно. А вот мы с женой частенько ссоримся, хотя тоже, кажется, не один пуд соли съели...

— Что вы! Мне многое в розовом свете видится просто потому, что десять лет совместной жизни кой-чему научили. Вы, наверное, знаете, что при разводах частенько употребляют такую формулу: «Не сошлись характерами». Не знаю, как насчет характеров, а температурами мы с Галиной уж совершенно точно не схожи. Я человек взрывной, заводной — работать так работать, отдыхать так отдыхать, ругаться так ругаться. Но и отходчивый. А она и спокойнее и степеннее, что ли. Одним словом, Галина. Это ведь в переводе «тихая» означает. Но уж коли заденешь ее, то обидится надолго, неделями может ходить, поджав губы. Я уже отошел, готов прощения просить, а к ней не подступись. В первые годы дело до того доходило, что раз в месяц мы обязательно ссорились. Прямо как по графику! И вот однажды пошли мы в нарсуд заявление на развод подавать. Идем, друг перед другом независимость демон-

стрируем. Я для убедительности у прохожих дорогу выпрашиваю. Но она идет твердой походкой. Дошли до дверей. Я уже за ручку взялся, Галину галантно вперед пропускаю, а сам боюсь, что она порог переступит... Не переступила. Повернула. Пошла во дворик, на скамейку села. Я сел рядом. Смотрим друг на друга, она мне сквозь слезы и говорит: «Вот видишь, понимаем, что уже друг без друга не можем, а все-таки сами себя травим...» Поморились мы, конечно, и с тех пор стали внимательнее друг к другу относиться.

Тогда же, помнится, прочитал я в журнале «Наука и жизнь» заметку о биоритмах, о том, как с их помощью водители автобусов от аварий предостерегают. Решил я это на наше семейство перенести. Пять листов миллиметровки склеил, на каждый, как положено, по три синусоиды вычертил, чтобы на целый год хватило, определил критические дни...

— Ну и как? Помогло?

— Помогло. Но не столько нам, сколько Сережке. Как только он признается, я к миллиметровке на стене: «Галь, посмотри, кажется, у Сережки сегодня критическая точка?» Она подойдет, посмотрит с умным видом: «Да, и вправду критическая...» А он уже слезы по щекам размазывает и в пику нам заявляет: «Никакая не критическая!» И успокаивается...

— Вы знаете, сейчас во многих молодых семьях живут по принципу — кто кого? Проблема лидерства, как говорят ученые. Вы никогда над этим не задумывались? — задал я своему попутчику вопрос, который самого меня давно волнует. — Ведь многие ссоры возникают из-за того, что один не считает нужным уступить, прислушаться к мнению другого. Вы, я вижу, как-то научились это преодолевать...

— Научился ли? Я перед отъездом с Галиной чуть опять не поссорился... Она у нас в семье командир по части хозяйства. А вот с мальчишками я больше занимаюсь. На днях купила она новые светильники. Ну и просит, чтобы я их на кухне повесил. Стал я один приспособивать на том месте, где она хотела, вижу: он там ни к селу ни к городу. Я ей об этом сказал, она обиделась. Чтобы ее успокоить, стал второй в спальне у ребят прикручивать. Сережка инструмент подносит, Лешка за молоток схватился — тоже помогать хочет. Работаю я и думаю: «Ну, что я за глупец! Разве дело в этом светильнике?» Пошел с ребятами на кухню, там и повесили, светильники.

— Вы не спите, ребятки? — В купе вошел проводник. — Минут через десять придем.

— А в Векшине остановитесь? — спросил мой попутчик, поднимаюсь. — Мне от него до дома ближе.

— Так сейчас Векшино и есть. Еще минуточку постоим. Пойдем откроем.

Я тоже встал. Мы распрощались. В купе остался запах цветов. В тусклом свете векшинских фонарей я так и не успел рассмотреть как следует его лица. И адреса не спросил. А жаль... Этот человек, кажется, понял главное: смысл жизни в ней самой. Как часто мы торопимся, глотаем жизнь, как спешно приготовленный завтрак, большими кусками, даже не пережевывая как следует. А этот человек, я понял, научился чувствовать каждый глоток, каждый миг жизни, находить радость, казалось бы, в мелочах, в каждом прожитом дне.

Смогу ли я вот так же учиться всю жизнь — даже у своих собственных маленьких детей? Не гоняюсь ли за журавлями счастья, когда они совсем рядом, и надо только увидеть их?

ОТ РЕДАКЦИИ.

А что думаете об этом вы, дорогие читатели, молодые и не очень, счастливые в семейной жизни и не очень?

ДУБОВАЯ РОЩА

Владимир ЧЕРКАСОВ

Невольно начинаю с конца.

Когда этот материал о лауреате Государственной премии РСФСР писателе Евгении Ивановиче Носове был готов, я побывал в гостях у другого нашего известного прозаика. Писатель тяжело грустил, душевно измучившись над доводкой своей большой вещи. Чтобы развеять его настроение, я стал подробно рассказывать о встрече с Носовым, по сути дела, подробно пересказывая текст написанного материала. Писатель молчал и слушал задумчиво. Я было уже пожалел, что оказался у него в неурочный час.

И вдруг он оживился, вспыхнул. Я говорил о случае из жизни Евгения Ивановича, связанном с творчеством Валентина Овечкина. Писатель сказал взволнованно:

— Удивительно! Это самое важное, трепетное! В этом эпизоде весь будущий писатель...

Писателя восхитил поступок Евгения Ивановича, и мне дорого было узнать, чем же самозабвенно увлек молодого Носова Овечкин. «Проходили» мы В. Овечкина в институте, помнил: писал этот автор после войны о колхозной деревне, и хлестко.

Я открыл том его избранных произведений. С портрета на меня открыто смотрел спокойный человек с острыми глазами, с волосами, небрежно сброшенными на лоб. В непринужденном жесте, с которым он держал папиросу, во всем облике Овечкина улавливалось что-то схожее с фотоизображениями Твардовского и Константина Воробьева.

Не гладко входил я в Овечкина. Начал с «Районных будней». Сразу, безоглядно увлекся кипучей деятельностью его героев. Потом остановился: не многовато ли нюансов сельскохозяйственных отношений на величину страниц? Писатель писал или журналист? А может быть, труд этот сродни нашедшей сравнительно недавно «производственной» пьесе и фильму? Остро и четко спорят там персонажи об узловых, больших вопросах своей работы, а на поверку не люди это, не образы, а рупоры идей автора.

Стал вчитываться, пошел вглубь, до военных произведений добрался. Нет, зря беспокоился — художник водил пером.

Долго жил и работал В. Овечкин в Курской области и воспел своей густой, неброской, ясной прозой эту землю, где дуб — исконное дерево в лесах. Что ж, без подделки созвучна овечкинскому письму и манера курян Константина Воробьева, Евгения Носова. Хотя не просто было открывать себя, расти дарованиям писателей на здечном бойком месте. Давно уж не охотятся за фольклором и диалектами в этом краю России, пограничном украинским степям. Да, видно, неизбежна поэтическая душа Курщины, освященная подвигами воинов князя Игоря и ратников в танковых шлемах Курской дуги. И, очевидно, не вдруг подарил русскую литературу плеяду блестящих мастеров соседняя Орловщина, откуда до Куликова поля тоже рукой подать.

И вот буквально наткнулся в книге Овечкина на два абзаца, выписываю их:

«...Когда знающий колхозы писатель, проживший несколько лет в деревне, в гуще жизни, причем далеко не

в передовой области, утверждает, что в наши дни в колхозах конфликтов уже нет, остались лишь конфликты хорошего с отличным, — что это, как не сделка с совестью?»

Удивительно, как он не чует своим профессиональным писательским нюхом, что он-то сам и есть персонаж для конфликтов сюжета — да еще какой! — из нашей жизни».

А потом я бережно перенес из закрытого своего текста кусок, который отметил знакомый писатель:

— Ярчайшее событие в нашей литературе — творчество Валентина Владимировича Овечкина, — говорит Носов. — Очень много он дал нам, пиущим о деревне, словно раздвинул целинные дали. Я с волнением вспоминаю, как читали по радио главы его «Районных будней». Интерес был жгучий. Мы, областные газетчики, слушали их зачарованно, как внимали первое время люди сообщениям о запуске космического корабля.

Однажды я возвращался из глубокой командировки.

И надо же было случиться, что очередная овечкинская передача совпала с часом отхода моего, последнего в этот день поезда. Я начал слушать ее из репродуктора за несколько минут до отхода состава. Вот уже лягнули буфера, дал гудок машинист, а я, прижавшись к столбу громкоговорителя, все ловил каждое слово текста Овечкина. Так и не уехал... Смолк голос диктора, я жадно закурил и побрел по безлюдной этой местности ночевать в поле. Не скоро заснул со своими думами в копне под звездами.

(Тут, тут, может быть, отряхнул грусть знакомый писатель, воскликнул:

— Когда спрашивают, что такое писатель, каким он должен быть, — отвечают разные... А ответ — вот он! Писатель совершает художественные поступки, потому что чувствует и живет художественно.)

— Многих ободрил тогда Валентин Владимирович своим примером — писать правду и только правду, — продолжает Носов. — Что ж, дорого это писателям школы «деревенщиков».

А теперь — с самого начала. Июль на дворе. Носов в клетчатой рубашке, рукава завернуты по локоть. Пожилой он человек, а крепкая фигура не гнется. Поседела когда-то рыжая копна волос, но тутже пряди колосятся упорно. Зоркий взгляд из-под мохнатых бровей.

Живет Евгений Иванович в просторной квартире с женой Валентиной Родионовной и семьей сына Жени, в которой самый младший — белоглазый внук третьеклассник Ромка. Но и у Романа есть подчиненный — старинный обитатель носовского дома щупленький, да грозный пес Жакан.

На стенах — картины. Вот работа самого хозяина, написанная гуашью. Это вид его родной деревни Толмачево, что в курском предместье. Строй беленных по-казацки изб аккуратно стоит над местной Сеймом-рекой. Только что дождь просяпал, уходит темная туча. Солнце чисто высветило небо, воду и нежно — влажную траву и землю. Умиротворенно после грозы. Вон вышла в мягкую теплынь девушка в пунцовый юбка, теленок спустился к успокоившемуся плесу.

Самая любимая Носовым из его собраний — копия картины М. К. Клодта

Рекомендуем каждому читателю книги Евгения НОСОВА.

- Рассказы («Молодая гвардия», 1961).
 Рассказы («Курское книжное изд-во», 1963).
 «Где просыпается солнце». Повесть и рассказы («Советский писатель», 1965).
 «За далами, за лесами». Рассказы и повесть («Советская Россия», 1967).
 «Красное вино победы». Повесть и рассказы («Советская Россия», 1971).
 «Берега». Повесть и рассказы («Современник», 1971).
 «Шумит луговая овсяница». Повесть и рассказы («Советская Россия», 1973).
 «Моя Джомартунга». Повесть и рассказы («Советская Россия», 1974).
 «Мост». Рассказы и повесть («Современник», 1974).
 «В чистом поле за проселком». Повесть («Художественная литература», 1974).
 «И усыпляют паромы...» Повесть и рассказы («Современник», 1975).
 «Шумит луговая овсяница». Рассказы и повесть («Советская Россия», 1977).
 «Усинские альпийские» Повесть («Молодая гвардия», 1978).
 «В чистом поле за проселком». Повесть и рассказы («Искусство», 1980).

«Дубовая роща». В яркий жаркий день могучая дубрава раскинулась над излучиной неглубокой речушки, уходящей в поле, где стога, где окомом — синева холмов. На берегу в сени исполинских стволов, ветвей кряжистых, в прохладном сумраке стожка, и двое ребятшек прилегли на легкую траву у выступивших из земли корневич. Неспешно озарена природа родимой земли.

Глядя на картину, Носов говорит: — Не случайно много на свете портретистов, а пейзажистов мало. Самый лучший и трудный портрет — лик Земли.

Евгений Иванович берет ошкуренную суковатую палку, срезанную в лесу. По улочке Лысая Гора мимо бывшей Стреленкой слободы мы спускаемся в глухоманистую пойму притока Сейма — речки Тускарь. Здесь, под шапками деревьев до неба, и по сей день кое-где непролазно. Испокон веку умеренными лесами опоясан Курск, на гербе которого — летящие куропатки. За рощами суходолы. Потому и полюбили его дремучую околицу разные птицы, и прижились тут, словно бы аристократия российских пернатых, курские соловьи.

Секрет успеха писателя. Время духовной зрелости. Произведения дважды кавалера ордена Трудового Красного Знамени и кавалера ордена «Знак Почета» Е. И. Носова, пожалуй, могут уместиться в одном объемистом томе. Но редкий критик, перечисляя лучшие имена современной русской литературы, опустит в числе первых эту фамилию. Как это произошло? Вряд ли кто-нибудь из писателей сумеет точно ответить на подобный вопрос в свой адрес. А Носов — тем более, долго не решался ли посвятить себя литературе полностью. Лишь в 36 лет он, бывший журналист, отдал свое основное время работе над прозой.

Тогда у него была опубликована тоненькая книжка новелл о природе и первый из ныне его широко известных рассказов «Шуба», который он, участь

на Высших литературных курсах в Москве, сочинил в литинститутском общежитии в своей комнате, где часто засиживался, студент в те годы, Василий Белов, по соседству жил Виктор Астафьев. А последняя повесть, «Усыпляют шлемоносцы», явилась жемчужиной его творчества и нашей прозы. Здесь кажется уместным вспомнить замечание М. Пришвина: «Талантливые люди делятся на скоро растущих и медленно растущих».

— Одно ясно, — говорит Носов, — в писательство надо вступать смело, сразу, как в холодную воду.

— Звучит и заманчиво и жутковато, — говорю Евгению Ивановичу. — Для нырка ведь какой-никакой талант и багаж жизненного опыта требуются. Если б знать, сколько их необходимо начинающему...

— Вот что, по-моему, надо понять молодым, — отвечает Евгений Иванович. — Художественный настрой души есть нечто природой данное человеку, но далеко не каждому. Так, один рабочий кроит жест на затовки и думает о всяком таком разном, допустим, о предстоящем вечернем танце в клубе. Иной же — о том, какого чудесного петуха на деревенскую избу из этого материала можно вырезать. Это уже работает художник! Только вот что перетянет — перо или молоток?.. Но и с молотком он остается художником. Определение таланта — это не сита, критерии сложны. Критики не боги. У редакторов случаются перекосы с меркой истинности. Даже если рукопись попадает к большому писателю, ее судьба от ошибок не застрахована, он тоже человек. Очень соблазнитель критерий читателя. Но ведь и он сам часто нуждается в воспитании, в воспитании вкуса.

Выходит, на первых порах трудно разрешимо — есть талант или нет. Да что там начало. Много фактов, когда лишь после смерти писателя становится очевидным, талант огромный! Вот Шукшина поначалу при-

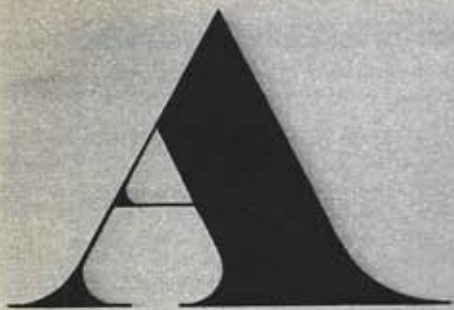
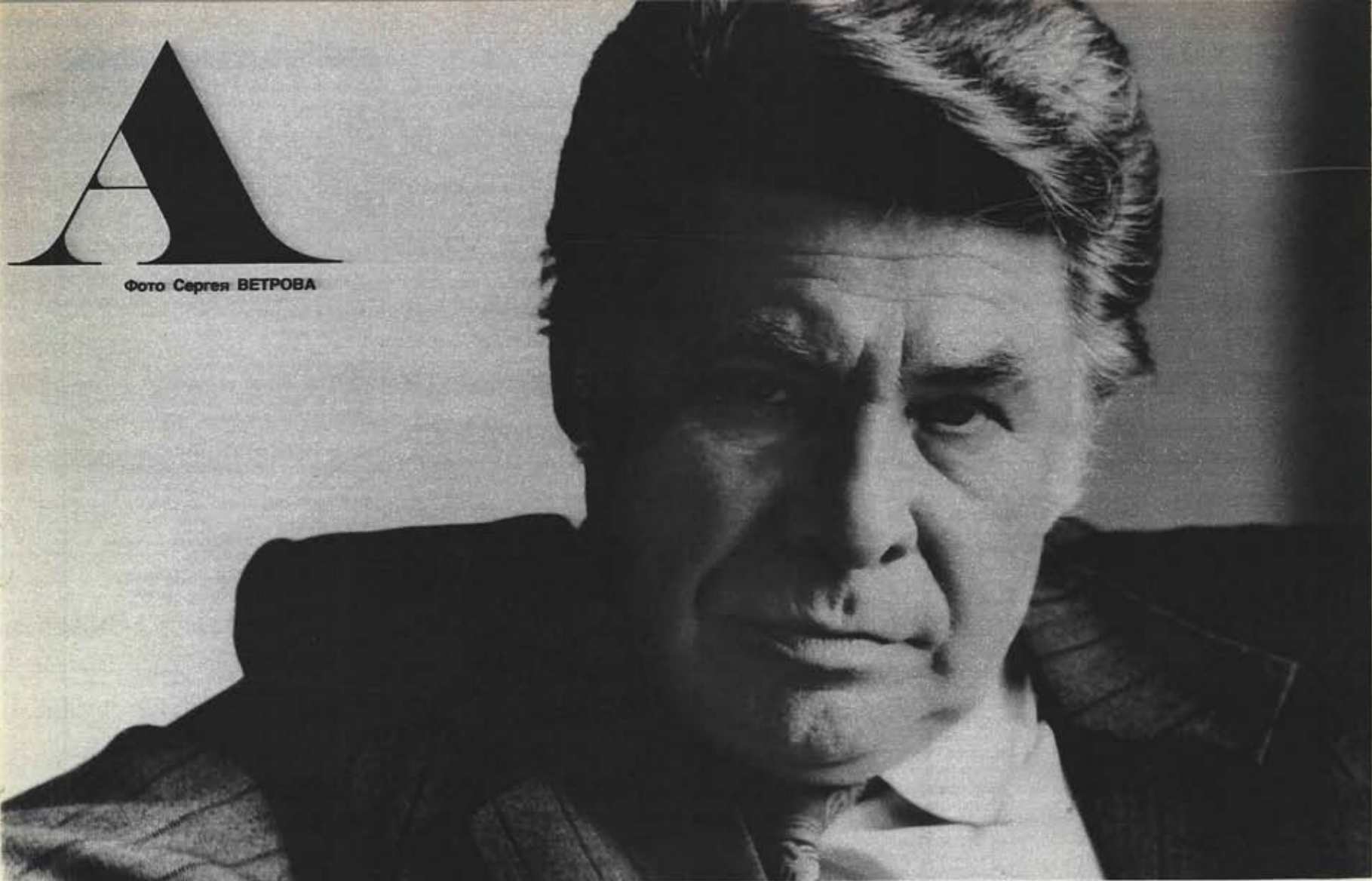

Фото Сергея ВЕТРОВА

нимали за чудака. Неизвестно, как сложилась бы его посмертная слава, не будь он актером, режиссером. Массовый экран помог донести ему свои идеи, теперь и книжки нарастают... Рубцов жил бочком, безденежно, уютно. Безмолвствовал народ в оценке его творчества. Сегодня запоздало читают, стихи переключают на музыку.

Багаж жизненного опыта? Хорошо, конечно, черпать из кладезя. Как бы на ощупь берешь из пережитого образы, ситуации. Но ведь и у молодого человека всегда что-то есть за душой, на памяти. Надо использовать свой кусок жизни. Я на семинарах давно говорю: напишите для упреждения, что в окно видите, — утром, вечером. Удивитесь, как это трудно и интересно. Хотя здесь подход и элементарен, созерцателен. Смелее действуйте. Человек никогда не вместит всего жизненного опыта.

— Беда, беда в расхожем мнении, что писательство как таковое, — это профессия, — размышляет Носов. — Писательство по большому счету — судьба... И чтобы не пустить талант по ветру, нужно четко определить свои ориентиры.

Вот я пишу и порой мучаюсь. Бывает ощущение неловкости после написанного. Оттого, что кажется искусственным: что-то в рассказе придумано, пристроено, добавлено. Ставлю последнюю точку и представляется, будто сбавил, пустил по миру подкрашенную вещь. Этакая построенческая литература. Иссякает немочь, появляется чувство цельного, когда берешь истинный комок жизни, как кусок дерна за травяной чуб. И встряхиваешь!

Сколько обдумывать приходится... Иной рассказ год пишу. Заболел замыслом и долго вынашиваю. Душевные затраты, энергия как бы в строчках материализуются.

Не случайно рассказ «Красное вино победы» больше пятидесяти переизданий выдержал. Все правдиво. Ну разве

придумаешь для «читабельности», удивительности такую грустную деталь: раненые от посетителей букеты цветов с нетерпением ждут. Ждут с благодарностью, но не только из-за эстетических потребностей: стеблями цветочными под повязками нестерпимо зудящие раны удобно чесать.

Долго после удачи ходишь счастливый. Будто бы нашел в земле самородок, узрел в нем сверкающую сердцевину и спрянул с находки, счистил грязь. Дорого, что не добавил к его драгоценной, первородной сути ничего в свою пользу.

Часто и дома и мастерской ему лес, поля, реки. Благословенно для Носова безмолвие, но особое.

— Хочется уйти в тишину души, — рассказывает он. — Есть тишина беззвучия, а есть гармония, когда в сердце что-то может зародиться. Это лучшая тишина. Стоит обрести такое величие духа, как ничто не может отвлечь; пусть дома за стенкой кабинета шумят. То уже внешнее.

Внутреннее озарение, вдохновение мне нужно только для начала работы над вещью. Перед тем, как сесть за стол, словно самолет перед взлетом, раскручиваюсь. А когда «взлетел», живу самим процессом творчества: фразой, союзом, запятой. Мысль спешит, а чувство иногда вязнет в раскинувшейся внезапно тряпине слов. Можно, конечно, это место пробежать. Но возвращаюсь — надо его уверенно пройти. Опять перечитываю кусок, сопоставляю его с соседним, во все глаза гляжу, как они ложатся. Вот две фразы. Каждая сама по себе хороша. Но вместе почему-то не стыкуются. Может быть, убрать деэпричастие? Изъял. Нет, теперь по смыслу глуховато... Перепишу-ка наново этот абзац!

Так, порой на одну выделенную страницу у меня приходится по двадцать черновыч. Немудрено, надо добиваться сколоченности фраз. Молотба. Потом до буквы все помню.

Попробуйте, уверите из текста хоть слово, сразу замечу. Для меня норма — половина безупречной, на мой взгляд, страницы в день. Но как бы то ни было, живу я не конечным результатом, не какой-то сияющей звездой впереди, нерв дела — для меня сама работа. Что-то вроде запоя получается. Окончательно отложил рукопись — и будто бы снова на белый свет родился...

Мы сидим на бревне у Тускари. Полдень. Уже нагрелись деревья. Лес запашисто дышит. Солнце вызолотило день. Ровна блистающая река. На том берегу старик рыбак примостился под кустарником обрыва вместе с внучком. Колдует над бидоном, где суетится только что выхваченная из воды дедушкой серебряная рыбка. Мальчик егизит, а дед насторожен, схватился бурой кистью за удилице, глаз с поплава не сводит, другой рукой тяжело придерживает за плечо негодника.

Носов рассматривает рыболовов с удовольствием. Сам любит ходить по реке и летом и зимой. Больше всего уважает спиннинг и ловлю в проводку. Не каждому это по ловкости. А охотиться на зверье и птиц ему жалко.

— Чем же, по-вашему, рыбы провинились? — спрашиваю.

— Ловля рыбы, — объясняет он, — статья особая. Потому что попадает она на собственное усмотрение. Подсовываешь ей крючок с наживой, а там дело полюбовное: хочешь — хватай, хочешь — плыви дальше...

Мы снова идем в хороводе гигантских деревьев. Носов первым по узкой тропинке, ворошит палкой заросли попутной травы. Поднял свою львиную голову, говорит мерно, в тон нашей поступи к просвету вдаль между столетних стволов:

— Отдача нашего печатного дела. Литература всегда метет, и не порастают люди бытовой плесенью, отшелушивается социальный мусор. Чистка человеческих душ. Не беда, что есть человеческая шелуха, потому как есть и нравственный порядок.

Эта пронзительность чистильщиков идет из народных глубин, от чувства самосознания.

Кто сказал, что при социализме жить просто, легко? Нет, хотя бы потому, что от каждого требуется нормированное правило поведения, жесткость, требовательность к самому себе. Не только брать, а и отдавать уметь надо. Тогда будет полноценная общественная отдача, другого источника для резервов нет. Государство держится во многом от нас, от нашего самосознания и сознательности.

И вот что важно для уяснения литературного процесса. Социализм — не есть движение, где идут ровной развернутой цепью. Это как бы человеческая колонна, впереди которой — герои, называемые положительными в литературных пенатах. Но есть в ней и середина и отстающие. Я больше обращаю внимание на отстающих, чтобы не отстали вовсе, не потерялись...

В этот день много мы отмерили с Евгением Ивановичем курских старинных и новых улиц, леса, побережья реки. Он ходонок неутомимый. Вечером пошли в гости к товарищу Носова художнику Михаилу Степановичу Шорохову. Дом, где его мастерская, вознесся на косогоре, под увал которого круто стремятся раскидистые яблони. Поблизости — спокойствие белоснежно-голубых куполов Никитской церкви. А дальше, в этом же направлении — печально известная Тазовская церковь. Там впервые в России было провозглашено отлучение от церкви графа Льва Николаевича Толстого. Под ее сводами написали специально фреску: Л. Н. Толстой — в кострище ада...

— Об этом происшествии и другом интересном в истории литературы Михаил Степанович много расскажет, — напутствует Носов. — Всегда почему-то так: встретимся, разговоримся, и я все о живописи, он — о литературных ипостасях...

Литератор и живописец. Одному за счет подручных средств дано изображать жизнь во времени, другому — красочно запечатлеть в пространстве. Но прекрасный результат их вдохновения для читателей и зрителей един — замирает сердце человеческое. Жаль, не часто встретишь, а сколько искристых, упругих струй живой воды в будничной приязни, общении писателя и художника.

В мастерской на фоне многоцветья картона этюдов, под сенью завешенных материей полотен на треногах, существ норова и возраста на обочину: жеребят, кобылок, мощных коней под попонами, — живописец Шорохов мановением складника в точной руке сработал на чистом листе ватмана натюрморт на наше съедение. Алела помидорная вскрытая мякоть, оперенно легли зелено-белые стрелы лука, золотисто текла плоть курятины. Картофельны в мундирах. Хлеб. Сыр слабо медвянел...

Помогал литератор Носов, приговаривая:

— Невозможно понять — раньше натюрморт был в заоне, главным жанровое считалось. А пройди по квартирам — он, как и пейзаж, всюду висит. А несчасье, что пейзажи Шишкина затаскали по значным местам. Обывательская стадность вкусов. А ведь Шишкин по-своему открыл Россию.

Мы вкушали запахи красок и чудесное присутствие доблестных личностей. Литератор призвал гостей всемогущих, братьев в искусстве, независимых от вероисповеданий и национальностей. Здесь был русский Александр Иванов, мыслитель, предтеча импрессионистов. Находился Исаак Левитан, со слезами глядящий на небо и землю: миновал, миновал новый миг, а он не успел положить его на музыку красок. Пришел художник с кавказской фамилией Куинджи, гоголевский двойник в живописи...

Живописец цитировал Белинского из раскрытого потрепанного тома на этюднике, брал с книжной полки и листал издания Астафьева, Распутина... Удлиненным лицом, чеканным носом над седыми остроконечными усами живописец походил на старинного русского офицера. Он и был в 21 год капитаном, командиром фронтальной батареи.

Живописец и литератор — во всем товарищи по оружию. В артиллерии воевал и рядовой Носов. Художественная слава переменчива, но непреходящий титул защитника Отечества. Полновесны награды. Среди других отличий получил Евгений Иванович медаль «За отвагу», ордена Красной Звезды и Отечественной войны. За что удостоен? За то, что в сражениях не трусился, от опасности за спины товарищей не прятался ни в рукопашной, ни в бессчетных дуэлях с танками. Так всегда было: на Брянщине, под Бобруйском, у Варшавы, в Пруссии. И в том бою у реки Дзурд.

...Была немецкая контратака. На русскую пехоту, только что взявшую вражеские траншеи, пошли танки и транспортеры с черными крестами. Солдаты отступали по просторному скошенному полю и перебегали, залегая под копыта. Но не стало спасения. С транспортеров по ним били огнеметчики. Струи огня вздымали сено кострами, и бойцы в горящих гимнастерках металась и падали на колкое подножие.

Орудийный расчет Носова лихорадочно готовил позицию на краю почерневшего луга. Их было четверо вместо семерых, но пушку быстро развернули, и горка снарядных ящиков со стudeбеккера мгновенно выросла рядом.

Пехота отхлынула за спины артиллеристов. Снаряд лег в ствол. Танки неслись на батарею. Один из них шел прямо на пушку.

Носов ловил его башню в перекре-

стке прицела и посылал снаряды. Немецкий танкист отвечал немедленно.

Таяло расстояние. Носов вновь и вновь отчаянно впивался в окуляр.

Танк прицельно стрелял, скрываясь за копыта, и лишь несокрушимый узкий лоб виднелся в его броске вперед.

Только на расстоянии 300 метров немец показал борт, рванувшись из-за копыта... И Носов верно ударил в мелькнувшее магическое это пространство!

Горел танк. Теперь уже горели немцы в других машинах. И захлебывалась стальная контратака. Пристрелялась, успокоилась батарея...

Мы выходим далеко за полночь из мастерской под ясную от луны и звезд вышину.

Я смотрю в осиянную верхотуру и думаю о сказанных сегодня словах Носова: «Каждый писатель — это мир, бесконечные грани которого — вся Вселенная. Только малая толика испытанного, пережитого ложится на бумагу. Несовершенство пера не дает все высказать. Самое безупречное искусство все-таки музыка. Она всепроникающая, она — отражение неисповедимых глубин».

Нет, не так — не соглашаюсь в этом с ним в своей душе. Потому что слилась сейчас моя душа с чутко настроившейся ночью перед началом нового, неизвестного дня. Потому что в такую же замершую июльскую ночь неподалеку отсюда увятский шлемоносец Касьян пришел на родное подворье после застолья у бабушки Селивана, где толковали его сотоварищи о высокой участи русского ратника.

Мы шагаем с писателем по гулким мостовым предрассветного города. Невесомы силуэты домов. Незримы досточтимые тени.

Носов мыслит вслух:

— Лев Толстой мне ближе всех из писателей. Он дает отдохновение душе. После чтения Достоевского не спишь, казнишься и мучаешься. А Толстой тем люб, что обнажает душу шадяще. Он лечит и исцеляет. Его вещи сделаны в фас, при ровном свете полудня, без кулис. Ничего не хотел скрыть, лишь высветить. Горел, как солнце. Само солнце раскалено, на грани взрыва, ему очень трудно, а лучи благотворны.

А Гоголь неповторимый воспринимал мир всегда как бы с подсветом, вечерним ли, зоревым. В тенях, стужках, во всем, что рождает игра света. Азартно, истово. Разве не поверишь, что шаровары у Тараса Бульбы были шире Черного моря? Органична любая деталь в атмосфере гоголевской живописи. Завязано в словесную систему — она и сверкает, как бриллиант.

Наше величавое дарование — Тургенев. У него и Толстой учился. Иван Сергеевич раньше начинал, все у него в пристойных костюмах, чувствуется забота о пуговицах, о методе, писательстве.

А Толстой ушел дальше, он бился над домыслием чувства, над очищением слов. Сбрасывал с себя литературные одежды, доводил фразу до отрешен, до рубища. И его образы необыкновенны при всей обыденности и реальности. Эпохально запечатлел Толстой современное ему состояние общества, его готовность к совершенству, какому-то историческому новому качеству.

Биография литературы... Время расставляет свои акценты. Например, Чехов, по-моему, как-то перешел в историю литературы, а Бунин — все еще для меня тайна. Нет, бунинское письмо не «сгущенный бульон», как однажды указал Чехов. Это стихи.

Великие литераторы. У каждого было свое поле, бесподобие характеров, а охватить всю ширь никто не одюжил. Огромна Россия, пахать ее не перепадать...

...Солнце поднималось. Летняя земля этой южной окраины России по благодарной многовековой привычке пила его устойчивую лучезарную массу...

Из Курска я возвращался в Москву через Орел, Мценск, Тулу.

В Орле пошел в «Дворянское гнездо» — в утопающую в зелени над рекой бывшую барскую усадьбу — в дом с колоннами и флигелями, в покоях которых хранятся реликвии жизни писателей-орловцев — И. Тургенева, И. Бунина, Л. Андреева, М. Пришвина, П. Новикова. Дольше всего стоял в комнате Бунина перед фрагментом его кабинета, вывезенного из Парижа после смерти жены писателя.

Приземистый письменный стол, каминное зеркало, другие предметы... Нет, не главное, что в обиходе сидел, писал, брился, ел среди них Иван Алексеевич... И я вышел на горячую улицу, на обрыв под деревьями — к бессмертному, вечно исповедальному источнику откровений художников. Гибкий Орлик струился под ивами далеко-далеко. Холмы и доли.

По берегу вскоре приблизился я к деревянному зеленому дому Н. С. Лескова. Он был за спиной, а я глянул с балюстрады белой беседки вниз на распахнувшийся извив реки... Вон то желтое поле прикрыло изумрудными кустами своей оконечности новый речной поворот...

Под Мценском, в Спасском-Лутовинове у Тургенева мне довелось побывать с первым рейсовым автобусом. Лишь парка усадьбы только-только оживали под солнцем. Я спустился по уклонистой тропе к зарастающему осокой пруду. Штиль пели в высоких ветках. Обошел росяной прогалиной полукруг розового господского дома и услышал, как в кирпичной конюшне подле каретного сарая пофыркивают и едят сено лошади. Две телеги рядом опустили оглобли под березой, поднявшейся над драмочными крышами.

К срубам бывшей бани, теперь конторке музейного хозяйства, шел, загребая сапогами мокрую траву, одинокий мужчина в кепке на седой шевелюре, в старом пиджаке поверх вылинявшей военной рубашки. Мы разговорились.

— В бригаде я по уходу за усадьбой, — рассказывал, покуривая он, — дорожки метем, ремонт музея делаем. А пара коней нам в подмогу. Сегодня сад косить, — он показал на гушину яблоню неподалеку, — некоторые деревьям по 80 лет, а нет-нет и плодоносят. Откуда здесь воинское кладбище? Бой эти ребята держали тут поблизости, на реке Зуше. Стояли до последнего, как снопы полегли. Не всех удалось схоронить, вода долго еще потом кости вымывала...

Над парком царил дуб, заложныйный молодым Тургеневым. Изуродовал ветви дождь и ветер, но даже на замшелых сухих прывалась яркая сочность побегов — совсем как «говорящий» дуб Андрея Болконского...

В Ясной Поляне под Тулой я стоял на могиле Толстого на закате. Как он и просил, положили его под дерн у оврага, где когда-то зарыл счастливого Зеленую палочку его брат Николенька. Невысокий безымянный холм в глуши усадебного леса.

Шумели под полевым ветром разнообразные кроны деревьев, стволы поскрипывали, и лишь дубы не беспокоились. Не пристал им, «патриархам лесов», как выразился Пушкин, мимолетно тревожиться, попусту сокрушаться...

На память пришло замечание Носова: «Дуб не гниет, у него дупел не бывает. Железная сердцевина».

Дубрава — быль и явь нашей отечественной литературы.

Виктор СМЕРНОВ-ФРОЛОВ

*Механик заглянул в бумаги:
— Вот номер двести тридцать пять...
Ну что ж, — сказал он, —
Век труяги
Считать законченным, списать!*

*...Устало трясся экскаватор
И накипь скидывал земли.
Ворота — настезь.
И ребята
Его на мойку повели.*

*Шар-бабой — солнца шар горячий,
И неустанен ветра труд...
Брандспойта луч тугой, прозрачный
Разбился о стальную грудь.*

*На части будет он разобран,
Возможно, завтрашней зарей
Бригадой слесарей проворной,
Бригадой дружной, озорной.*

*...А машинист прощался, словно
Воинным озарен огнем,
Не с экскаватором огромным —
Прощался будто бы с конем.*

*Разветвившись
под землей корнями —
Трубами
и жилами проводов,
Скоро дом засветится огнями,
Как кристалл заблещет самородок.*

*Как бы ни легко ему блистало
Среди даже самой темной ночи,
Буду знать о том
Лишь я,
Рабочий, —
Эта легкость
Нелегко досталась.*

Сторож

*Не надо деду Павлу ничего:
Ни славы, ни солидного оклада.
Полгода, как старуха от него
Ушла навеки в холмик за оградой.*

*Приходит дочка постирать белье,
Приходит сын:
— Ну как, отец, здоровье?..
Освещено все ж как-никак житье
Дочернею, сыновнею любовью.*

*В его окошках — новая Москва.
Со стройплощадки
голоса влетают бойко.
И вышел дед:
«Сынки, сгожусь ли вам
Вот здесь,
на этой вашей новой стройке?..»*

*Сторожевых он приласкал собак,
Как будто раньше знал науку эту...
При деле дед. А если вышло так —
То сохранили радость жизни деду.*

*Не у дел теперь вы, паровозы,
В тупики загнали нынче вас.
Вдоль путей вам видятся покосы
И деревьев встречных тихий вальс.*

*Вот на все пары вы поднажали
В сорок первом, оглашая лес.
К вам спастись березы побежали,
Норовили на подножки влезть...*

*И бежит он, паровоз, кричащий
В ухо «мессершмитту» об одном,
Что не может он взлететь из чащи
И сразиться с черным тем крестом...*

*Не у дел теперь вы, паровозы,
В тупики загнали нынче вас.
Вдоль путей вам видятся покосы
И деревьев встречных тихий вальс.*

МАНЕВР МАЙОРА ТОРОПОВА

Ярослав ШИПОВ

РАССКАЗ

Жизнь наша протекала легко: мы охраняли и обслуживали небольшой склад горюче-смазочных материалов. Располагался он в стороне от войсковой части, и начальство навещало к нам редко.

Мазутная команда, как мы сами себя называли, состояла в основном из «военкоматовских отходов», то есть из призывников старшего возраста, у которых кончились существовавшие по тем или иным причинам отсрочки. Были среди нас и выпускники и недоучившиеся студенты, доблестные папаша и разведенные холостяки.

Служилось нам спокойно и тихо: ни ссор, ни поломок да и вообще никаких ЧП. Все бы ничего, да только, как дойдет дело до стрельб, смотров, соревнований, мы, как ни стараемся, выше последнего места подняться не можем. И ладно бы: раз — последнее, другой — еще какое-нибудь, так нет ведь — решительная определенность.

Наш командир капитан Белочкин, столкнувшись с этим удивительнейшим явлением, испробовал все традиционные средства, но ничто так и не помогло. И оттого, вероятно, что средства эти рассчитаны на подростков, а мы... Ну, отправят на кухню. И что? У меня, скажем, мать никогда не умела готовить, да и жена, надо отдать ей должное... И я к тому времени уже столько картошки начистил, столько щей наварил, столько котлет навертел, что всей мазутной команде за год не съесть, даже если всяк будет в три горла лопать.

Мыть пол в туалете? Мусор вывозить? Ну так за людей эту работу никто никогда еще и не делал. Я вот с тех пор, как перебрался в дом-новостройку, чуть ли не ежедневно собирал на лестнице мусор, вываливаемый жильцами мимо мусоропровода: картофельные очистки, пивные пробки и папиросные окурки определял в совочек венником, а что покрупнее или погрязнее — рукой, знают: кто-то все равно приберет. Полагают, наверное, что уборщица. А я, между прочим, ее ни разу так и не видел. Скорее всего ее вообще нет, потому как лестницу не только подметать, но и мыть приходится.

Неумение преодолевать брезгливость — свойство людей несамостоятельных. В нашей команде таковых не было. Мы хладнокровно выполняли все, что приказывал капитан: чистили, драили, мыли, скоблили, красили, в отличие от восемнадцатилетних никогда не высказывали недовольства: какая, собственно, разница, все равно что-то делать надо, не одну работу, так другую какую-нибудь, лишь бы была в ней хоть капля смысла.

После того, как мы в очередной раз заняли последнее место, к нам прислали проверяющего. Им оказался майор Торопов.

В каждой части есть офицер, о котором рассказывают легенды. У нас таким офицером был Торопов. Ходили слухи, что он отлично стреляет из любого оружия вплоть до минометов и пушек, что в совершенстве владеет приемами самбо, дзюдо, каратэ, бурятской, таджикской, грузинской и других национальных видов борьбы, что умеет водить машину, бронетранспортер, танк, трактор, косилку, комбайн, катер и самолет.

Рассказывали, как на учениях он помешал превосходящим силам «противника» форсировать реку. «Противник» все вроде предусмотрел: навел переправу ночью, навел быстро, бесшумно. Когда разведчики доложили об этом Торопову и когда Торопов узнал, что командование поддержки не обещает, он решил воспользоваться единственным выигрышным в его ситуации моментом: переправа была на километр ниже по течению. Скотив в воду десяток бочек из-под горючего, Торопов отправил вместе с бочками пару солдат. Пока «противник» вылавливал скребущиеся о металл переправы бочки, солдаты ручными дрелями просверлили дырки в понтонах. А потом уплыли дальше и выбрались в распоряжение «своих» войск. Едва начало светать, еще в тумане «противник» двинул вперед технику. Два танка перекатились, и мост стал тонуть. Пришлось срочно разбирать его, наводить новый. Туман рассеялся, поналетели самолеты,

форсирование сорвалось. А переправившиеся танки Торопов будто бы еще и в плен взял.

Конечно, не все в этих байках точно соответствовало действительности, к тому же и вариантов ходило множество, однако нетрудно было заметить, что во всех вариантах майор неизменно предстал высокопрофессиональным военным. А тот уважительный, подчас даже восхищенный тон, с которым рассказывали о нем солдаты, наводил на мысль, что Торопов, как принято говорить, «родился в офицерских погонах».

И вот он приехал. Ничем не примечательный майор лет тридцати пяти. Обошел территорию, осмотрел помещения, сделал мимоходом несколько деловых замечаний. Потом мы провели показательные физзанятия, погасили учебный пожар, ручной аварийной помпой перекачали горючее из одной цистерны в другую. Майор пообедал с нами в нашей столовой, переговорил с Белочкиным, и мы построились для того, надо полагать, чтобы ознакомиться с выводами и рекомендациями.

— Вы все делаете правильно, — сказал Торопов, глядя нам под ноги, — нормально делаете. Но вы работаете. — Поднял глаза. — Да, работаете. — Всмотриваясь в лица, он медленно переводил спокойный взгляд. — Конечно, — согласно кивнул головой, — воинская служба — это прежде всего работа. Но не только она. — Майор задумался, не то подбирая слова, не то вспоминая что-то. — В вас крепко засела гражданская жизнь. Ну, да это вполне естественно, — он вздохнул, помолчал и с внезапной строгостью в голосе громко спросил:

— Значит, так: кто с Украины?
— Я! — вышел из строя рядовой Пересащенко.
— Спойте нам во весь голос: «Запрягите, хлопцы, коней».
Пересащенко недоуменно смотрел на Торопова.
— Пойте, пойте, пожалуйста, — повторил майор.
Солдат воздел лицо к небу и начал...
— Стоп! — приказал Торопов. — Станьте в строй.
Мы растерянно ждали, что последует далее.
— У кого есть наколки?
Вопрос был совершенно неожиданным, да и мало кто понял смысл его, но рядовой Круглов, понурился, молча шагнул вперед.

— Голубей гонять приходилось?
Круглов невесело усмехнулся:
— Приходилось, а что? — Но, посмотрев на Торопова, в мгновение посерьезнел. — Так точно!

— Просвистите: «Здравия желаю, товарищ майор».
Выпятив нижнюю челюсть и растянув губы, солдат отчетливо просвистал заказанное приветствие.

— Хорошо, — заключил Торопов и попросил нас назвать несколько строевых песен. Кто-то сказал: «Не плачь, девчонка», Круглов — «Через две зимы». «А из старых — ничего не знаете?» — поинтересовался майор. Мы стали припоминать. Припоминали, припоминали, и майор выбрал две, одну из которых от начала до конца знал Пересащенко, другую — я.

— Кто обучался в музыкальной школе? — спросил вдруг майор.
Двухметровый Лаппо медленно склонил голову набок. Я прикинул: музыкалку он окончил лет десять назад, после этого стал ватерполистом, и, конечно же, не до музыки было.

— Учили, — вспомнил Лаппо. — Окончил.
— А на чем вы играли?
— Я... На этом... На фортепиано...
«Рояли таскал», — пробормотал кто-то во втором ряду. Мы дружно хмыкнули.
— Ладно вам, — обиделся ватерполист. — Я ж тогда не такой был. — Растопырив перед собой пятерни, в каждой из которых, без сомнения, умещалось как раз по мячу. — Я ж маленький был, худой.

Оставив без внимания наши реплики и смешки, майор сказал:
— Вас, Лаппо, я назначаю хормейстером — займетесь аранжировкой, понятно?

Рисунок Олега ВУКОВОЛА

Помолчали. Майор продолжил:
— Пересаденко — запевала, Круглов — свист, остальные — по голосам, понятно? Сегодня у нас что, четверг? Так вот: двое суток на репетицию, а в воскресенье утром вас будет прослушивать комиссия. Форма чтоб, сапоги... — Обернулся к Белочкину:

— По банке гуталина на брата! — С тем и уехал.

Белочкин поморщился, укоризненно проворчал: «Проверяют, проверяют тут», — и вдруг взвился:

— А вы что стоите? Двое суток у вас, понятно? Орите, свистите, только от моего дома подальше! Дуйте куда-нибудь: за сарай, за столовую... Стрелять не умеете, придется теперь через худсамодеятельность выбиваться в люди — капеллу организовывать. Начнем, значит, с пения, а там, глядишь, и до балета дойдем. Лебеди...

Самодеятельность так самодеятельность — чем не занятие? Опять же названия своих голосов впервые в жизни узнали. У меня, например, Лаппо выявил баритон и сказал, что такой голос в каждой опере нужен. Круглов ему сказал: «Чего ж мелочиться? Давай тогда «Даму виной» замастрячим». Лаппо подумал, подумал и возразил: «Сопран нету».

На другой день с утра обосновались мы в лопухах за казармой. Белочкин тоже пришел. «Негоже, — говорит, — в трудный час от своих солдат отрываться». Он любил нас, капитан Белочкин, мы это знали. Было ему с нами интересно и в общем-то, несмотря ни на что, спокойно, только вот несколько непривычно, пожалуй.

Его определили в альты.

Выучили мы за два дня эти песни, вычистили пуговицы, пряжки и сапоги — готовимся к приезду комиссии. Но в воскресенье выясняется, что вместо выступления будут стрельбы. Стрельбы так стрельбы — тоже дело: взяли автоматы, сели в грузовики и поехали. На полпути, перед самым поселком, догоняет нас майорский «уазик». Остановились. Поспрыгивали на шоссе. Майор отогнал машины вперед, мы выстроились в колонну по четыре и потопали, сверкая надраенными сапогами. Пешком так пешком — занятие для солдат, известно, нужное и полезное. Шагаем себе и шагаем, вдруг:

— За-певай!

Пересаденко, шедший со мною рядом, судорожно хватанул воздуху, вытаращил глаза и:

— Нас по-бить, по-бить хо-те-ли...

Тут Круглов спохватился и как засвищет!

Белочкин шел впереди, майор слева, против середины колонны.

— Веселей! — успевал он выкрикивать в паузах. — Шире шаг!

— Ес-ли ра-нат те-бя боль-но...

Песня длинная — пока допели, в поселок вошли. Круглов говорит:

— Интересно, он и через поселок нас с песняком погонит?

— Братцы, — прошептал Пересаденко, — а у меня стихотворение получилось!

— Как это? — не понял Лаппо, шагавший впереди справа.

— Ну просто из души выскочило.

— Спрячь обратно, — порекомендовал Круглов. Но Пересаденко не услышал, он уже начал читать:

— Идет солдат в строю веселый, выше ногу подыма, руками машет до отказа и соседу он морга! А? Как?

— Сам сочинил? — не поверил Лаппо.

— Ей-богу!

— Отправь в «Крокодил», — посоветовал Круглов, — это ж — нарочно не придумаешь».

— Запевай!

— Вдоль квар-та-ла, вдоль квар-та-ла взвод ша-гал...

У калиток кое-где появились люди.

— Позорище с нас хочет сделать, спектаклю, — сказал Круглов.

— Левой, левой, рраз, два, три-и! Рраз, рраз, рраз, два, три-и! — яростно командовал майор Торопов.

— За-певай!

— Вдоль квар-та-ла, вдоль квар-та-ла взвод ша-гал...

Мы прошли через весь поселок. Увидели старика, спешно пришибивавшего медали, старуху, отвешивающую поклоны, женщины, смотревших на нас тревожно и зорко, смеющихся девушек, серьезно и понимающе глядящих мужчин, мальчишек, то там, то здесь пристраивающихся к колонне. Лица были повсюду: за стеклами встречных машин, у калиток, за оградками, окнами.

— Ну, значит, так то-му и быть!

— Рраз, рраз, рраз, два, три-и! Рраз, два, три, за-певай!

— Вдоль квар-та-ла, — то ли Пересаденко очень полюбил эту песню, то ли внутри у него что-то заело, но мы еще два раза подряд пели про Васю Крючина.

Поселок остался далеко позади, однако, оборачиваясь, мы видели людей, все стоявших возле дороги. Наконец, майор приказал остановиться. Подождал, пока мы отдышимся, потом без каких-либо эмоций в голосе полюбопытствовал:

— Так кто вы?

— Мазутная команда, — робко ответил кто-то из нас.

— Не-эт! — Торопов покачал головой и, выставив перед козырьком своей фуражки кулак с оттопыренным вверх указательным пальцем, призывавшим к особо пристальному вниманию, объяснил: — Вы — армия.

Тут подкатил «уазик». Белочкин спросил, будет ли майор наблюдать за стрельбами. «Зачем? — пожал он плечами. — Отстреляетесь», — и уехал. Подошли наши грузовики. Белочкин хотел было скомандовать: «По машинам», — но передумал: «Чего тут идти-то? Километр до поворота, а там — всего ничего... Шшагом аршш! За-певай!» И через полчаса, когда мы приблизились к проходной полигона, те самые дневальные, которые обычно встречали нас чем-нибудь вроде «Привет снайперам», торопливо распахнули ворота и, отдавая честь, окаменели в явной растерянности.

— Эй, ком-роты, даешь пулеметы!..

Мы входили на полигон так, как, наверное, некогда входили армии победителей в ворота сдавшихся крепостей.

Сам черт был нам не брат!

Не могу сказать, что стрельбы завершились полным успехом, но авторитет «мазутной команды» с этого дня стал расти, и последних мест мы, как ни странно, вполне не занимали.

Пересаденко вскоре стал солистом ансамбля песни и пляски округа. Но мы нашли нового запевалу — Андрищенко.

Майора с тех пор я так и не видел. Говорили, что он направлен на учебу в военную академию.

Уже потом, думая о Торопове, я неизменно вспоминал его слова, сказанные о военной службе: «Конечно, это прежде всего работа, но не только...»

ЭРА БИОЛОГИИ МИ АТАКУЮ

**Олег МИРОНОВ,
доктор биологических наук**

Возможно, нефть как основной источник энергии сменит что-то другое: то ли атомная станет преобладать, то ли энергия ветра, то ли солнце окажется способным на еще одну неочевидную услугу человечеству. Ведь поступило же державное светило в кочегары, обогревает жилые дома (пока экспериментальные), гостиницы с помощью гелиоустановок.

Но в обозримом будущем двигателям — в частности судовым — придется работать на нефти, так что...

А морская среда подвижна. Например, вылилась нефть в Мексиканском заливе, из Мексиканского двинулась дальше, путешествовала вдоволь и осела у нас в Баренцевом море. Что касается ущерба, который наносится нефтью флоре и фауне подводного мира, приведу один факт: в течение 50 лет исчезло более тысячи видов морских животных.

Вопросами защиты мирового океана от нефти занимаются во многих научных учреждениях, однако отдел морской санитарной гидробиологии, созданный в Севастополе при Институте биологии южных морей Академии наук УССР — единственный в мире. Заведующий отделом — доктор биологических наук, профессор Олег Глебович Миронов. Он и его сподвижники, взяв за основу естественный процесс самоочищения морской воды — с участием микроорганизмов и мидий, — вплотную подошли к практическому решению проблемы.

— Олег Глебович, сотрудники отдела гордятся своей работой — внедрением гидробиологического метода очистки воды от грозных токсикантов, нефти и нефтепродуктов. Хотите подробно узнать о сути вашего метода.

— Прежде чем углубиться в его изложение, попытаюсь очертить контуры проблемы, вызвавшей беспокойство во всех уголках земного шара. В мире действует огромный танкерный флот. Случаются аварии, в результате которых в море попадают десятки и сотни тысяч тонн нефти. Широкою огласку получила катастрофа, происшедшая с «Торри Каныоном» у берегов Великобритании. Этот американский танкер, зарегистрированный под либерийским флагом, с итальянской командой на борту в 1968 году сел на рифы. Подобная участь спустя десять лет постигла другой нефтяной гигант, «Амоко Кадис». Загрязнение нефтью океана происходит и по другим причинам. Танкер, выгруживший нефть в порту, не рискнет идти через океан, не заполнив пустые танки. Иначе его перевернет первым же штормом. Чтобы увеличить осадку, в емкости закачивают морскую воду — в качестве балласта. Судно везет обратно воду, а в конце пути от нее освобождается. Но после разгрузки в резервуарах танкера остается до одного процента нефти. Вместе с балластной водой она попадает в море. Это может быть и пятьсот и тысяча тонн нефти. С одного танкера,

другого, третьего... Значит, море разливное жидкого горячего трюма все живое, что попадает на пути.

Установлено: действие нефтепродуктов наиболее губительно для организмов на ранних стадиях развития. Особо высокую чувствительность при экспериментах проявляли икринки камбалы, хамсы. Что касается взрослых рыб, они более выносливы и долго оставались жизнеспособными в высокой концентрации нефти, но кефаль, к примеру, за время малоприятного соседства бесповоротно теряла свои вкусовые качества. Попадись она сильно проголодавшему человеку, пожалуй, даже он не решился бы ее зажать.

— То есть, пока радужная пленка сверкает на поверхности воды, нам нечего думать о вкусных блюдах из камбалы и кефали?

— Конечно, нельзя представлять дело так, будто мировой океан загрязнен сплошь и рядом. Есть акватории сравнительно чистые. В то же время вы сказали: пленка на поверхности воды. Если бы только на поверхности! Нефть, сброшенная в море, способна накапливаться на дне, затем всплывать.

Действие нефтепродуктов, которому подвергаются организмы и растения, может сказаться в «каком-то колене», что наблюдалось нами на микроскопических планктонных водорослях. Правда, подобная проверка на рыбах непростая: специалисты утверждают, что получение такой информации для осетра требует 150—200 лет, для белуги — 250—300 лет. Как видите, стоит пару веков понаблюдать, поизучать — и результат в кармане. Но шутки шутками, а коль мы сегодня хозяйничаем на планете, то безответственно оставлять ее потомкам старухой изощенкой.

Известно, что нефть попадала в морскую среду еще с доисторических времен, когда человека на Земле не было, — в результате естественных выходов на морском дне. Однако море в то время справлялось с нефтью за счет естественного процесса самоочищения. Загрязнение в настоящее время столь велико, что некоторые акватории уже не могут с ним справиться. Получается безвыходное положение? Нет. Мысль такова: если в море непрерывно совершается самоочищение и основную роль в этом играют микроорганизмы — они активно набрасываются на нефть, разлагают ее до обычных углекислоты и воды — почему бы этих крохотных, но очень бойких санитаров не заставить работать в очистных сооружениях? Надо сказать, что идея не была новой, только вот как ее реализовать? Этот вопрос встал перед нами со всей остротой.

Отдел разработал теоретические основы гидробиологического метода, предложил принципиальную схему установки для очистки балластных вод. Заместитель министра нефтяной промышленности дал телеграмму в Краснодар, наказав проектировщикам незамедлительно взяться за нашу схему. Все идет как по маслу — так нам казалось до моей поездки на Кубань. Проектировщики сказали, что теле-

КРОВЬ И НЕФТЬ

грамма замминистра — бумага серьезная, от нее не отмахнешься, а очистка балластных вод — дело архиважное. Но в то же время они вызывают к нашим человеческим чувствам. Планы на пятилетку сверстаны, а схема установки для института настолько нова и оригинальна, что взяты за нее — значит завалить плановые темпы. «Пощадите!» — это обращение меня буквально преследовало.

И я отступил... Но не для того, чтобы сдать работу отдела в архив: появилась мысль сделать установку самим. Когда я вернулся в Севастополь, вокруг этого предложения разгорелись споры. Некоторые приверженцы академизма в науке скептически отнеслись к подобному намерению. Однако многие меня поддержали. В итоге было сделано несколько вариантов лабораторных установок, что позволило лучше отработать технологические звенья, затем началось создание опытно-промышленной установки (ее еще называют пилотной) на нефтебазе «Шесхарис» под Новороссийском. С начала этой пятилетки мы приступили к непосредственной реализации гидробиологического метода очистки.

— Любопытно, почему выбраны Новороссийск, «Шесхарис»? Есть ли там какая-то причина?

— Даже две. Новороссийскую биологическую станцию, созданную в двадцатые годы, по праву считают пионером санитарной гидробиологии. Естественно, что именно там мы искали сочувствия своей идее. Новороссыцы живо откликнулись на предложение о сотрудничестве, стали соавторами наших разработок. Кроме того, нефтебаза «Шесхарис» — крупнейшая на Черном море. Масштабы сыграли не последнюю роль.

Подсчитано: в балластной воде супертанкера «Крым» содержится столько горючего, что им можно заполнить железнодорожный состав цистерн. «Скормить» это богатство микробам? Расточительно. Поэтому на первых этапах очистки выгодно применять физические методы и собранную нефть утилизировать. Оставшаяся движется дальше, попадает в нашу установку, атакуется микробами, они на нефти растут, размножаются, затем вода переходит к мидиям, которые доочищают ее. Еще в сороковые годы мой отец, биолог, Глеб Николаевич Миронов, изучал фильтративные возможности мидий. Если проделать простейший опыт: в мутную воду опустить мидию, то вода на наших глазах светлеет. Знаете об истории с одесскими пляжами? Скалистые, рваные ноги острыми камнями, они вызвали недовольство отдыхающих. Завезли песок, ступать стало удобно, но гигиеническое состояние пляжей ухудшилось, так как в песке не водилось никаких живых организмов. Пример того, как опасно забывать о роли санитаров из животного мира.

Мой рассказ о переговорах с краснодарскими проектировщиками не примите за похвалу: какие-де молодцы биологи! Заткнули всех за пояс. Просто хотелось показать, что в науке новое нельзя оставлять на произвол судьбы, приговаривая: я свое сделал,

теперь пусть другие доводят до ума. Где-то встречал определение «рыцарь несбывшихся замыслов» — печально было бы уподобиться такой фигуре.

— Вы стали в 37 лет доктором наук. Чтобы судьба ученого сложилась удачно, что нужно? Обстоятельства? Качества характера?

— Сначала относительно возраста. Никогда не ставил во главу угла прагматические соображения: во сколько лет защитить кандидатскую, во сколько — докторскую. Было дело — это прежде всего. Работы о влиянии углеводов на морские организмы носили тогда эпизодический характер, и меня привлекло широкое поле деятельности. Была молодость: мне тридцать едва минуло, моим помощникам и того меньше — пора, когда сил и энергии очень много. Лаборатория начиналась с трех человек: я и лаборантки. Потом переросла в отдел, потом отдел воспитал своих кандидатов наук.

Коллектив складывался своеобразно. Приходили в основном выпускники биофаков из самых разных вузов — томского, одесского, дагестанского, симферопольского. В Севастополь они попадали в какой-то мере случайно — ехали вслед за мужьями. Равно любили мужей и биологию, и куда, как не в наш институт, им было направлять стопы? В кадрах биологам говорили: «Идите к Миронову, у него отдел распухший». И они шли, шли... А у меня, сами понимаете, штатное расписание не безразмерное, кое-кому долго пришлось ждать вакансии. Живо помнится появление заплаканной Людмилы Кирыхиной. Она в 22 года окончила Томский университет, распределилась в Барнаул, поработала там, затем была вызвана в родные пенаты, где ей предложили преподавательскую должность. «Всегда чувствовала свою необходимость», — сказала мне сквозь слезы. Здесь же постучалась в один отдел, второй, третий — не нужны нам работники, отвечаю, штат укомплектован. Спросил ее о специальности, оказалось — почвовед. Отдел морской санитарной гидробиологии и человек, изучавший «тонкую поверхность земного шара, которая плодоносит»? Пришлось пораскинуть мозгами, пригодятся ли нам эти знания. Еще как пригодились! Кирыхина стала заниматься химизмом донных осадков, провела любопытные исследования, вылившиеся впоследствии в крепкую диссертацию. Так вот, ей три месяца пришлось дожидаться места в отделе. А Агнесса Лебедь два года ждала!

Само собой, и обстоятельство помогали нам расти. Вопрос о борьбе с нефтяными загрязнениями предельно заострился, тревожные сигналы шли непрерывно с разных точек планеты. Подстегивало сознание, что мы занимаемся актуальнейшей из проблем. О качествах характера спрашиваете? Мне неловко говорить о себе лично, но в целом, думаю, каждый, кто намерен своей деятельностью приносить пользу обществу, старается воспитать в себе чувство ответственности, принципиальность, смелость. И все же на первое место выдвину неустанность в

труде, непрерывность усилий. Об этом мне лучше поэта Валерия Брюсова не сказать, поэтому приведу его строки: «Вперед, мечта, мой верный вол! Неволей, если не охотой! Я близ тебя, мой кнут тяжел. Я сам тружусь, и ты работай».

Вот мы и работали. Собирали пробы, проводили эксперименты, изучали сообщества микробов, способных разрушать нефтяные фракции. В семидесятых годах летал в Рим, принимал участие в исследованиях группы экспертов. В группе были норвежец, швед, американец. Ставилась цель разработать для Международного океанографического комитета регламентации по борьбе с нефтяными загрязнениями мирового океана. Трижды бывал в США. Из прессы известно, что в последние годы американцы свернули многие контакты, наметившиеся было с представителями различных областей науки, искусства социалистических стран. Но в 1975 году у них только-только начинались серьезные исследования по проблемам охраны моря, а советские ученые к тому времени сделали немало.

— Кстати, по поводу американских ученых. Мне вспомнилась беседа с кандидатом биологических наук, доцентом кафедры зоологии Симферопольского университета Михаилом Владимировичем Юратно, открывшим ряд новых видов гельминтов — паразитических червей, встречающихся в организмах морской, тюленей, китов, нерп. Участвуя в советско-американской научной экспедиции, Юратно заметил: западных коллег весьма удивляло, что после ужина он спускался в цех и продолжал делать вскрытия животных. Сами американские биологи трудились добросовестно, однако если что не успевали сделать до ужина, откладывали на следующий день. С середины рейса они стали называть Михаила Владимировича не по имени-отчеству, а следующим образом: «Миша, который любит работать». Работоспособность, присущую нашим исследователям, ученые западного полушария назвали феноменом людей из «загадочной России»...

— Хотите, чтобы я подтвердил так называемую феноменальность примерами, лично мне известными? Зарубежные биологи заявляют, что общий счет микроорганизмов под микроскопом могут вести только русские женщины, поскольку это занятие требует напряженного внимания, скрупулезности. Или расскажу об одном рейсе на «Академике Вернадском» к берегам Канады. Как раз в нем участвовала Агнесса Лебедь, тема ее кандидатской была связана с Атлантическим океаном. Через сутки после Калининграда корабль так завертело, что, казалось, он попал в преисподнюю. Все вокруг ревели, выло, скрежетало. Палубные работы были прекращены, а район интересный, в нашем аспекте не изучен. Тем более, что большая масса воды поднималась из морских глубин вверх — взыв пробы, микробиологи узнали бы, попадает ли нефть в глубинные слои. Упускать случай было нельзя. Один человек вешал пробоотборник на леску спининга и, когда корабль наклоняло, забрасывал за борт, второй держал коллегу. Круглосуточную вахту установили. Сколько шли, всю Атлантику шторм трепал. Так что диссертация Агнессы Александровны сильно пропахала океаном.

— Олег Глебович, теперь давайте заглянем в завтрашний день. Точнее, это уже будет послезавтрашний. Рисуется картина: серьезная установка для очистки морской воды есть на всех нефтебаз. Микробы и мидии, отличные санитары, выполняют волю человека: активно набрасываются на нефть, разлагают ее, как вы объясняли, на углекислоту и воду. Проблема чистой воды решена. В итоге беспокойство о жизни моря отпадает?

— Не все так просто. Полное решение проблемы чистой воды — перспектива неблизкая. Мы приступаем к реализации только части проблемы — ограничению сброса в море нефтесодержащих вод. Но ведь бороться надо и с тем, что уже есть в океане.

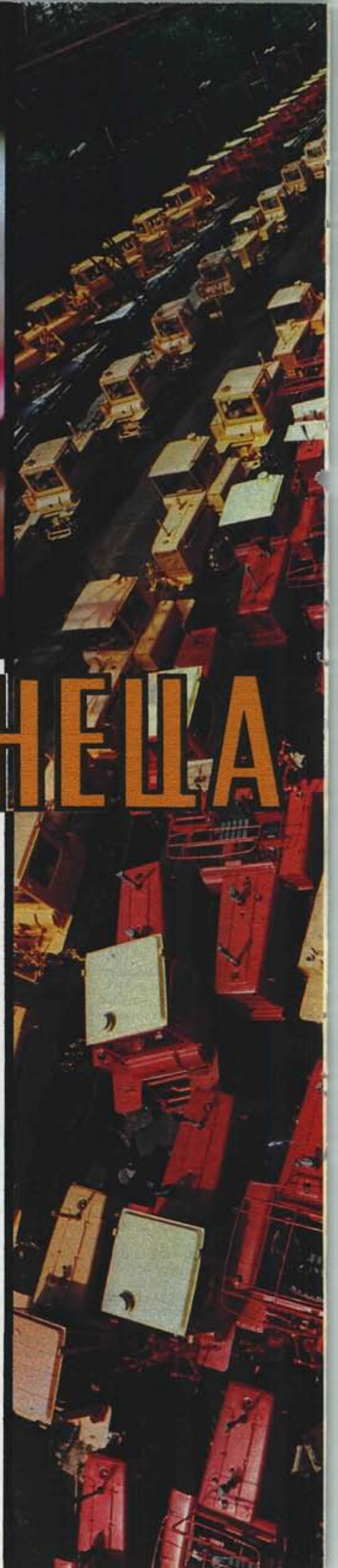
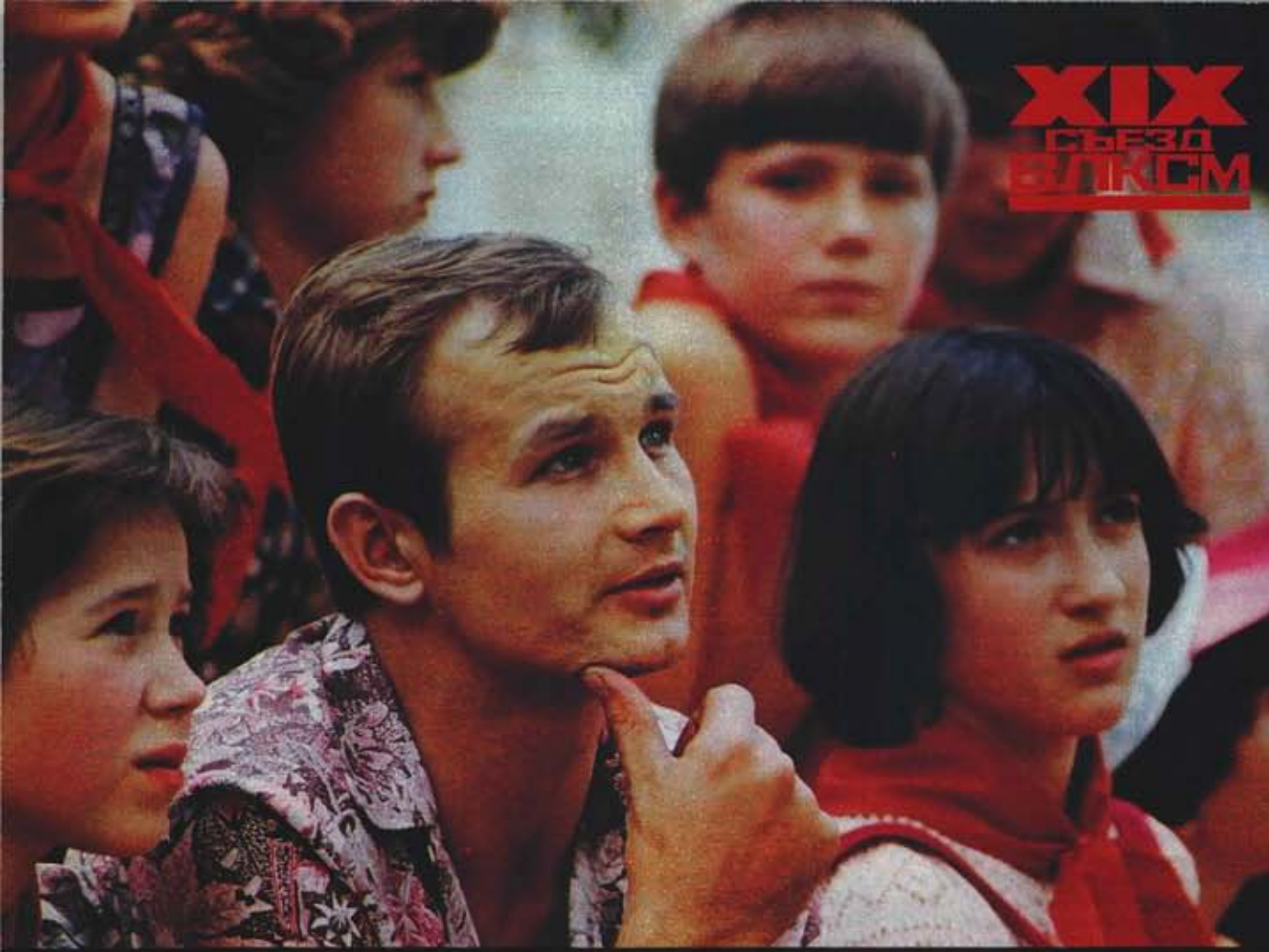
Теперь вспомним кое-что из истории древних веков. При первобытно-общинном строе люди занимались охотой и собирательством, а о земледелии, животноводстве понятия не имели. Печальная параллель: в настоящее время в море ведется охота и собирательство. Плановое разведение морских обитателей — эта проблема заявляет о себе все настойчивее. Для некоторых народов отказать себе в рыбе — все равно что русскому человеку отказать от картошки. В нашей стране рыба также высоко ценится. Вопрос по рациональному использованию биологических ресурсов входит в число слагаемых Продовольственной программы. В нашем институте создается отдел аквакультуры, сотрудники которого займутся искусственным разведением морских организмов. Понятное дело, оно возможно лишь в чистой воде, поэтому мы должны разработать научные основы использования гидробионтов — микроорганизмов для улучшения качества воды. Мы станем очищать акватории, специалисты другого профиля — разводить в них ценных промысловых рыб.

Наш отдел работает на многих направлениях. Журналисты, желая придать факту эмоциональную окраску, назвали микробов ужасными обжорами, сласными, обильными, что основным лакомством для них является нефть. Так-то оно так, только не все микробы, к сожалению, перспективны в плане службы на благо человека. С одними возникают трудности при их культивировании; другие, поглощая нефть, концентрируют ее в себе и сами становятся источниками загрязнения... Есть микробы — любители холода, есть — теплолюбивые. И все это надо учесть. Словом, тонкостей и сложностей достаточно. Мы поставили своей целью выделить определенные группы микробов, которые в экстремальных условиях (повышенные концентрации нефти, тяжелые нефтяные фракции) будут отличаться неприхотливостью, выносливостью и другими нужными нам свойствами.

Параллельно наблюдаем за поведением мидий, изучаем условия, влияющие на их жизнедеятельность. Эти моллюски должны проявить свою работоспособность на второй очереди очистительного комплекса. Как это будет выглядеть практически? На специальных сооружениях, напоминающих плоты, мидий опускают в море, куда сбрасываются очищенные микробами балластные воды. Дальше обитатели своеобразных плавучих домов доочищают воду...

...Кто сказал, что служитель науки должен ходить если не с чопорным или постным выражением лица, то по крайней мере не так энергично смеяться? Атмосфера студенческого задора, капутника ничуть не мешает серьезной работе. Серьезность — синоним слова «ответственность». Ответственность здесь понимают широко. Все научные сотрудники отдела морской санитарной гидробиологии — лекторы городской организации общества «Знание». В разных аудиториях говорят они о нефти и море, состоянии рыб в замутненных водах. Знакомят с проблемами студентов Симферопольского университета. Записывают лекции на магнитофон, посылают кассеты с пленкой на корабли. Работают в морях: Черном, Мраморном, Северном, Эгейском, Баренцевом. Берут пробы из океанов — Тихого, Атлантического, Индийского. Работают над важнейшей проблемой для людей всех континентов.

Беседу вела
Нина СТАВИЦКАЯ.

ПОРТРЕТ КУЗНЕЦА

**Валерий ЛЕОНИДОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА**

Давайте признаемся сами себе: говоря о таланте и о призвании, мы все же — может быть, даже подсознательно — связываем эти понятия чаще всего с профессиями яркими, необычными. Социологи формулируют это строже и четче: престижность редких профессий, как правило, выше, чем профессий массовых. Для наглядности этого социологи рисуют пирамиды. Первая, стоящая, как и положено пирамиде, вершиной вверх, — это своеобразный график потребностей общества в тех или иных специалистах. Здесь у основания отложены те профессии, надобность в которых наибольшая. Вторая пирамида — это график популярности, привлекательности этих же профессий. Вот здесь-то и начинаются «чудеса». Пирамида встает с ног на голову.

Конечно, в детстве все мечтают стать космонавтами, моряками, артистами... Этот перечень можно продолжить, только я что-то не помню, чтобы кто-то с малых лет лелеял мечту о профессии кузнеца. Но кузнецов, токарей, пахарей всегда будет требоваться больше, чем космонавтов и артистов. И, разумеется, большинство «соискателей» на лавры киноартистов рано или поздно придут в заводские цеха и на колхозные поля. Однако работников отделов кадров это обстоятельство не утешает. Потому что сегодня требуется не просто человек на рабочее место, сегодня требуется человек, решивший посвятить себя той или иной специальности не на год-два, а на всю жизнь, человек, нашедший свое приз-

вание в рабочей профессии. Конечно, никто не вправе запретить молодым «испробовать» две-три, а то и пять-шесть профессий, прежде чем найти одну свою, но тем не менее внимание и уважение всегда вызывали люди, в чьих трудовых книжках всю жизнь сохраняется запись названия одного-единственного предприятия. И всегда возникал вопрос, как удалось им найти свое призвание, свою судьбу. Впрочем, здесь следует оговориться. Когда речь идет о ветеранах, всю свою жизнь посвятивших одному заводу, одной фабрике, люди помоложе, а уж тем паче совсем молодые сразу же выдвигают «контрдовод». Дескать, в ту пору, когда ветераны начинали свою карьеру, выбора у них практически никакого не было: родители твои были сапожниками, стало быть, и тебе драться в руки. Иное дело сейчас...

И вот тут-то мне кажется, пришла пора познакомить читателя с героем этого очерка. Ему 26 лет. После окончания десятилетки все время (с перерывом лишь на армейскую службу) — на Волгоградском тракторном заводе, последние семь лет — кузнец. Обделенным себя не считает, более того, утверждает, что именно в этом его призвание, хотя путей-дорог перед ним было открыто немало иных: и в педагоги его прочили, и спортивная карьера «светила», и... Впрочем, начнем все по порядку.

Нельзя сказать, что он с детства мечтал стать кузнецом. Иные планы — по-юношески восторженные, слегка абстрактные, но весьма далекие от заводской проходной — кружили его. Была отдана дань и мужественной морской службе, и космосу, и серьезной науке бионике. Это в седьмом классе, а в восьмом... Заканчивая

школу, он уже играл в дубле за мастеров правым крайним; пацаны восторженно таскали за ним спортивную сумку, мужчины во дворе с некоторой долей почтения расспрашивали о перспективах команды в очередном сезоне.

Семья Бобровых корнями связана с Волгоградским тракторным. Отец — сталевар, мама работала на кране в этом же сталелитейном цехе, брат — токарем в инструментальном, сестра — в отделе техконтроля. И дядя и другие многочисленные родственники — все трудились на ВТЗ. Когда собирались за большим семейным столом, только и разговоров что о заводе.

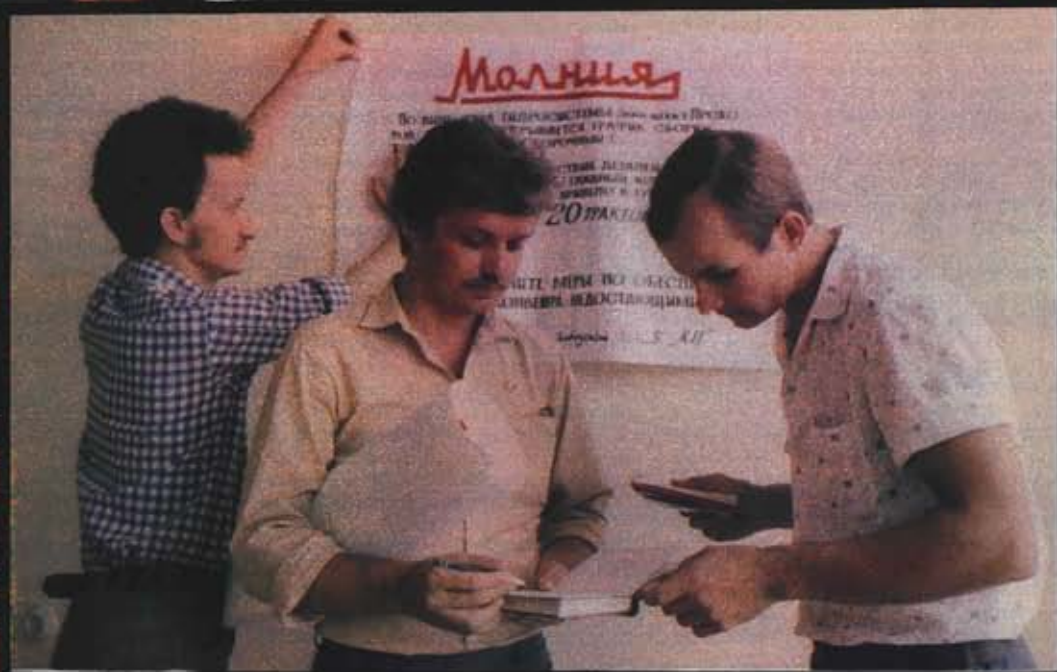
Сейчас Бобров-младший говорит так:

— Понимаешь, завод для меня — как бы часть нашего дома, семьи. Я с детства бегал к проходной, рос в заводском поселке. Для меня тракторный был как бы привычкой. Чего тут мечтать — вот он, под рукой. Все просто, обыденно. А ведь мальчишеская душа тянется к необыкновенному, исключительному... Словом, сначала судьбу свою я с заводом не связывал. Честно говорю.

— После школы, — продолжил он, — пошел в цех консервации, чтобы до армии дотянуть, чего без толку болтаться. Да глядишь, за годик и на мотоцикл соберешь. Потом уже меся-

**ВЯЧЕСЛАВА НЕРЕДКО МОЖНО
УВИДЕТЬ СРЕДИ ПИОНЕРОВ. НЕ-
ДАРОМ В СВОЕ ВРЕМЯ ЕМУ ПРО-
ЧИЛИ КАРЬЕРУ ПЕДАГОГА.**

КОНВЕЙЕР ВТЗ.

СЕМЬ ЛЕТ РАБОТЫ У КУЗНЕЧНОГО МОЛОТА ЗА ПЛЕЧАМИ У 26-ЛЕТНЕГО БРИГАДИРА.

«СТАРАЮСЬ НАЧАТОЕ ДОВЕСТИ ДО САМОЙ КОНЕЧНОЙ ТОЧКИ—ЭТО В КОМСОМЛЬСКОЙ РАБОТЕ ОЧЕНЬ ВАЖНО».—СЧИТАЕТ КАНДИДАТ В ЧЛЕНЫ ЦК ВЛКСМ ВЯЧЕСЛАВ БОБРОВ.

ВОЛГОГРАД—ГОРОД ВЕЧНОЙ СЛАВЫ.

ца за четыре до призыва перешел в механический, стал учеником токаря. Другок мой там работал, Володя Долин...

В армии младший сержант Бобров, мотоциклист-регулировщик ВАИ, все чаще и чаще вспоминал завод, товарищей, с кем успел сдружиться. Он писал отцу: «...почему-то все время думаю о заводских делах, как идут промышленные испытания ДТ-75. Вспоминаю цех, наши бригадные собрания. Всем, батя, передавай привет. Скоро увидимся».

Перед уходом в армию его приняли в комсомол. На цеховом комсомольском собрании спросили: «После службы, Бобров, чем думаешь заняться? На завод придешь?» Тогда он, особо не задумываясь, ответил с улыбкой: «Чего загадывать, еще отслужить надо, два года впереди». А теперь, когда из этих двух лет оставался месяц с «хвостиком», он уже знал точно: его жизненная дорога пойдет через проходную Волгоградского тракторного.

Из письма В. Боброва в комитет комсомола ВТЗ: «...меня избрали комсоргом роты. Дел много и по службе и по общественной линии. Имею личный план работы на каждый день. Стараюсь начатое довести до самой конечной точки—это в комсомольской ра-

КАНДИДАТ В МАСТЕРА СПОРТА И СЕГОДНЯ ВЕРЕН СВОЕМУ МАЛЬЧИШЕСКОМУ УВЛЕЧЕНИЮ—ФУТБОЛУ.

боте очень важно. Вообще армия в этом смысле дала мне многое. Понял главное: в одиночку, как бы ни старался, ничего не сделаешь... Скоро демобилизация. Ждите меня, ребята. Прощайтесь не буду, с ходу включусь в дело...»

Так оно и случилось.

В заводском музее я увидел старую, пожелтевшую от времени фотографию. Полоса полевой степи вдоль Волги. На вершине бетонной пирамиды укреплен металлический знак с надписью: «ВСНХ СССР. РЕПЕР № 1. ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД». А вокруг группа улыбающихся людей. Ветер треплет волосы, рукава косовороток и нарядных довоенных вискозных сорочек закатаны выше локтя.

Так начинался легендарный Сталинградский завод.

Более полувека назад сделали волжане СТЗ-1. Работал он на керосине, мощность — 30 лошадиных сил. Завод, построенный в сжатые сроки, всего за одиннадцать месяцев («сверхамериканские темпы!»), уже к 1932 году достиг проектной мощности — 144 машины в сутки.

Тут уместно нам вспомнить, что трактор — изобретение русское, волжского уельца-самоучки крестьянина Федора Блинова, получившего патент на «особого устройства вагон с бесконечными рельсами». Это и был первый в мире гусеничный трактор, испытания которого в 1880 году повергли в изумление жителей города Вольска Саратовской губернии.

Каждый третий пропашной трактор, работающий сегодня на полях страны, сделан здесь, на ВТЗ.

А зарождается каждая новая машина в огненной сталелитейке, где работает Бобров-старший, в кузнечном цехе, где из поковок, отлитых отцом, готовит детали для ДТ Бобров-младший.

И об этом тоже рассказывают стены заводского музея, имея в виду, понятно, не технологическую цепочку, а ту нравственную нить, что тянется от одного рабочего поколения к другому.

Под стеклом один из самых ценных экспонатов — комсомольская путевка А. И. Яковлева. Квадрат серой бумаги с обгоревшими краями — комсомолец Яковлев спасал от пожара ценное оборудование, путевка лежала в нагрудном кармане, слева... Читаю: «...направляется на Тракторострой, как преданный боец за строительство новой жизни».

А рядом — мандат делегата XIX съезда ВЛКСМ Вячеслава Боброва, бригадира комсомольско-молодежной бригады кузнецов, ученика Яковлева, продолжателя его дела...

Вячеслав в музее не гость. Он член Совета, общественный экскурсовод. Вот и сейчас его окружают ребята. Для них, как и для Боброва когда-то, путь на ВТЗ начинается отсюда.

— Вячеслав Иванович, а вы видели первый трактор?

— А правда, что наш завод во время войны под огнем танки выпускал?

— Скажите, Вячеслав Иванович, трудно быть бригадиром?

— А вы молотом спичечную коробку закроете?

Под градом вопросов, под пристальными ребячьими взглядами, ждущими ответа, немудрено растеряться. Но, смотрю, Слава Бобров чувствует себя вполне спокойно. Недаром и нынче все дворовые пацаны тянутся к нему. Есть, видимо, в Боброве педагогическая жилка. Советовали даже учиться на педагога, да он выбрал политехнический.

— Темп, Володя, темп!

Клещи выхватывают раскаленную поковку из белесого пламени, стайка золотистых брызг порхнула над печью, движения подручного выверены до сантиметра, миг — и поковка

вставлена в «ручей», за ней вторая, третья.

Горячечная машина через каждые шесть секунд, ворча и содрогаясь, выплевывает готовую деталь. Багровый, сочный по цвету металл медленно, остаява, твердеет, гаснет. Будто на фотобумаге, опущенной в проявитель, проступают в нем резкие, граненые очертания торцового ключа, пожалуй, самой сложной детали, которую можно отковать на ГКМ.

«Научишься ключ работать, считай, что ты кузнец» — так говорил Яковлев Славе, когда тот пришел в цех.

Да, не задержался демобилизованный младший сержант в токарях. Дядя, Бобров Николай, двадцать лет отработавший в кузне, сказал ему, хлопнув широченной ладонью по спине:

— Ты, парень, к нам давай, в кузнечный. У огня будешь, характер откуешь, кузнец — настоящая мужская профессия. И заработок опять-таки подходящий. А тебе после армии одеться-обуться надо. Красавец ведь! — И вздохнул с шутивым сожалением. — Вот только девчат у нас в цехе не густо, на стороне придется невесту искать.

Как раз в этом дядя ошибся. В кузнечном познакомились они с Валентиной. Тоненькая русоволосая инженер-экономист проходила по цеху быстро, не глядя по сторонам, прижимая к себе пухлую папку с бумагами. «Гордая, — помнится, сказал кто-то, — даже взглядом не подарит».

Как-то, уже после свадьбы, Слава спросил ее: «И вправду от гордости не смотрела на нас — все бегом и бегом?» «Ды что ты, — искренне удивилась Валя. — Просто боялась я. Кругом огонь, грохот, работа такая тяжелая, а я тут с бумажками иду... Совестно как-то было...»

В кузнечном цехе сложилась жизнь Боброва. Через год его выбрали освобожденным секретарем цеховой комсомольской организации.

— Вот где горячая работенка была, — вспоминает Вячеслав. — Я приходил в цех вместе с первой сменой. А уходил со второй. Но случалось, выкрою минутку, подойду к кузнецам: «Дайте у молота постоять». «Попробуй, — отвечают, — не разучился ли».

Разучиться не разучился, а скучал по своей кузнечной работе — это точно. Оттого старался почаще бывать в цехе, возле рабочих мест, где грохот, огонь, дымный, горячий запах теребили и успокаивали душу.

— Мне снова повезло. Секретарем партбюро избрали Анатолия Ивановича Яковлева. Так что я вроде по новому кругу к нему в ученики попал. «Ты, Слава, учишь человека слышать, — говорил он. — Не просто слушать его, а слышать, что в нем живет: сомнения, радость, обида, одиночество». Не сразу, а все же понял я, что имел в виду Иваныч. Не хватает у нас порой терпения взглянуть в человека, все бегом, на ходу. Остановиться надо, помолчать, прислушаться друг к другу...

В тот год его приняли в партно. Одним из рекомендовавших был Яковлев.

Бобров не ведет дневника, но от случая к случаю записывает наблюдения, неожиданные мысли — словом, «над листом бумаги размышлять сподручнее».

Слава показал мне некоторые заметки. О бригаде, о комсомольской работе, о дружбе...

Из записей В. Боброва: «Вчера исключили из комсомола Николая К. Исключили единогласно. Он бросил билет на стол: «Подумаешь, без вас проживу». Проживет, но как? Не слышком ли мы поспешили? Об этом, кстати, спросили меня в заводском комитете. А Прошин засомневался: «Райком не утвердит. ЧП — на тракторном из комсомола исключают, да

еще где — в кузнечном. Лучшая первичная организация района»... Думаю, утвердят. Мы не сплеча рубили... Нужно быть добрыми, но не добренькими. Если есть в Николае еще совесть, порядочность, сумеет снова стать на ноги. Ребята вокруг крепкие — хотел уйти из бригады, не дали. «Здесь напакостил, здесь и отмываться будешь», — резко сказали грубовато, но, по существу, верно...»

Два года был он секретарем цехового бюро. И неплохим секретарем. Именно тогда его наградили медалью «За трудовое отличие». Поступил в институт (тут и Валю зашла: «...Скоро без инженерного образования и у молота нечего будет делать»), предлагали работу в райкоме инструктором. А его тянуло к молоту, к прессам, к ГКМ. Днем бегал, крутился в гуще ребят, гора неотложных, сиомиунтных дел; ночью вдруг просыпался, курил, стоя у окна. На душе было беспокойно, чувствовал, что не может без кузнечного дела.

Из записей В. Боброва: «...никуда мне не уйти от молота. Видно, призвание это мое. Странно — призвание быть кузнецом? Ну, артистом, писателем, спортсменом, наконец. А то — кузнец. Каждый день возле огня и металла. А ребята из бригады встретили отлично: будто я и не уходил от них. Да и вправду не уходил — вместе работали, одно дело делали...»

И вот мы снова вернулись к началу нашего разговора, к вопросу о призвании.

Вячеслав рассказывал, что в кругу его приятелей тоже как-то зашел спор об этом. Летчик, артист, писатель — тут дело понятное, говорили ребята. Ну, а когда речь идет о рабочем, о токаре, слесаре, кузнеце, какое здесь может быть призвание, какой талант? Ремеслу обучили — и действуй!

— Вот ты, Слава, кузнец шестого, самого высшего разряда, ну и что, особый дар для этого нужен?

Тогда Бобров промолчал. Растерялся, наверное, не нашел нужных слов. А позже задумался: в чем же на самом деле секрет их мастерства и может ли каждый стать классным кузнецом? Вспомнилось, как говорил ему Яковлев: «Металл, он, Слава, живой, его душой чувствовать надо... А молот — продолжение рук твоих...»

Он видел, как тот же Яковлев или Михаил Аркатов, один из лучших кузнецов страны, Герой Социалистического Труда, показывал на тяжелом молоте чудеса, что сродни фокусам: многотонная громада молота, послушная чутким рукам кузнеца, мягко закрывала спичечный коробок, поставленный на попа, крышку серебряных карманных часов фирмы «Павел Буре».

Разве это не талант?!

Ну, а обыденная, каждодневная работа? И здесь от умения, таланта кузнеца зависит многое. Чем выше класс работы, тем меньше откованная деталь требует механической обработки. Ведь и на ковочных машинах можно сделать деталь «вчистую», а можно так, что после слесарям придется попотеть, доводя ее до кондиции.

Тут все зависит и от правильного нагрева болванки и от регулировки самой машины. Бобров отлаживает машину сам. Обучить этому делу помог Яковлев, и теперь бригада обходится без наладчика. Бригадир взял на себя его работу.

В Москве, в Музее Революции, есть необычный экспонат. На постаменте словно памятник — колесный трактор СТЗ-1, «Интернационал». Его трудовой стаж двадцать три года, 12880 гектаров земли поднял он.

Коленчатый вал к этой машине отковал комсомолец Анатолий Яковлев. А вал к юбилейному отечественному трактору сработал его ученик, кандидат в члены ЦК ВЛКСМ кузнец Вячеслав Бобров.

Что к этому добавить?..

Зиннур МАНСУРОВ

Ворота

Столбы ворот сияли так светло, их мать ножом до белизны скоблила. И на крыльчке посидеть любила, когда катилось солнце за село. Не отмахнуться от тшеты рукой: мол, надоела черная работа... И начиналась празднично суббота. Свежи ворота. В мир сошел покой. А все успела, что ни говори. Никто не видел — и когда успела! — звезда ли сон нечаянно задела, и вышла мать к воротам до зари. Скребла и мыла...

Беспределен мир. Как крылья, растворяются ворота: встречать кого-то, провожать кого-то... Благословенен каждый миг! Но вот и солнце. И блестит роса. И мама отдохнуть присела. Смолистые ворота оглядела. Заслышала с колодца голоса. А свод ворот как будто дышит сам. Медовый свет по трещинам стекает. Усталость понемногу затихает, пока разлив скользит по небесам. Кому-то вздор — скрести чужую грязь с наличников. До этого ли сердцу! О свет рукой возможно ль опереться? И чистой ли насытится ли властью? Придут дожди — дорогу измочалят, ошметки полетят из-под колес. О, как ворота выглядят печально в потоках черных бесконечных слез! Но дням погожим над землей плыть, и солнцу за горою не укрыться. А в ясный день,

в народе говорится, ворота настечь надобно открыть. Ворота матери.

Да будет чист их свет! ...Омыты кровью Бранденбургские ворота... Встречать кого-то, провожать кого-то — прекрасней маминых ворот на свете нет.

Вот вышла. Рассиялись кавуши¹ навстречу гостю, путнику, простору. Здесь, у ворот, и старость встретит скоро. О снег зимы, подольше не спеши!

Бязь

Забрызганная грязью бязь как отбеливается? На морозном ветру поутру костенеет зеркальная ртуть — там отбеливается. Податливая в объятиях бязь как отбеливается? Как в снегу куропатка, обмирает от шороха зябко — так отбеливается. Побитая молью бязь как отбеливается? Бьется о жесткие ребра доски от смертельной тоски — так отбеливается. Маркая к свадьбе бязь как отбеливается? Извивается у ручья на камне под скалкой нагая, дышит едва — так отбеливается. А душа-замарашка чем очищается? Слезами тихими, слезами горькими.

Перевел с татарского Рустем КУТУЙ.

¹ Кавуши — мягкая кожаная обувь, галоши (тат.).

Американский журнал «Ньюсуик» свидетельствует...

Характерная примета времени: над центральной подъездом штаб-квартиры АФТ — КПП¹ в Вашингтоне установлено большое информационное табло, очень напоминающее те, на которых появляются сообщения о численности населения земного шара или о случаях дорожных инцидентов со смертельным исходом. Но это табло регистрирует безработицу в стране.

По данным министерства труда США, в Америке насчитывается 11 миллионов 300 тысяч безработных. Профсоюзы считают, что число безработных составляет 15 миллионов.

Согласно официальной статистике, безработицей охвачены 20,4 процента белой молодежи и 48,5 процента негритянской молодежи.

6 миллионов 400 тысяч безработных и их семьи не получают пособия.

«Ньюсуик» приводит слова уволенного сталелитейщика Уэсли Джонса: «Я как будто свалился в ад, и нет никого, кто бы вытащил меня оттуда»...

Мы предлагаем вниманию читателей «Смены» беседу с одним из миллионов безработных американцев, записанную в Нью-Йорке.

Мир капитала:
когда человек
никому не нужен

ИСПОВЕДЬ БЕЗРАБОТНОГО

Сергей ЯКОВЛЕВ

...В этой очереди на нью-йоркскую биржу труда не дают интервью журналистам. Здесь все — обездоленные, отверженные и потому настороженные. Услышав, что перед ними советский журналист, люди отводят глаза, произнося: «Мне нечего вам сказать, пожалуйста, не задавайте вопросов».

Поэтому, чтобы заговорить с одним из тех, кто в надежде получить работу стоит в этой очереди, мне пришлось сделать вид, что и сам я имею отношение к очереди.

— Скажи, пожалуйста, — не представившись, спросил я, — каков размер пособия, которое ты получаешь?

— Пятьдесят восемь долларов в неделю, — ответил он, пристально глядя мне в глаза, словно ожидая подвоха.

— 232 доллара в месяц, — вслух прикинул я. — Совсем неплохо. Вполне приличное пособие.

И тут он взорвался:

— Говорите, вполне приличное? Сейчас я объясню вам, что это такое, — произносит мой собеседник, едва сдерживая раздражение...

Почему я выбрал именно его? В этой очереди он стоял девяносто шестым. На вид Биллу Стивенсу — так он назвал себя — было лет двадцать пять. Высокий, спортивного вида парень. Красивый и сильный. Будто сошедший с рекламного плаката. Только одет победнее. Под потрепанной джинсовой курткой угадывались сильные плечи атлета. Четкий овал лица, крепкий подбородок, твердый, прямой взгляд карих глаз. У меня было такое впечатление, что этот человек случайно оказался здесь. Он стоял между пожилой женщиной, закутанной в пестрый, выдавший виды плед, и высоким сгорбленным стариком. На лице старика, изборожденном глубокими морщинами, резко выделялись крючковатый нос и тонкие посиневшие губы. Парень стоял, засунув руки в карманы залатанных брюк, постоянно вытаскивая то одну, то другую и отогревая подбородок, нос, уши. Время от времени он начинал усиленно размахивать руками и подпрыгивать на месте, пытаясь согреться.

Это только кажется, что зима в Нью-Йорке теплая. Когда задувает вот такой, как сейчас, ветер, несущий по обледеневшим улицам колкую поземку, даже в теплом пальто пробирает дрожь. Можно себе представить, каково было этому парню в легкой куртке.

Мне давно хотелось услышать, что думают о своей горькой доле безработные молодые американцы, эти изгои «процветающей Америки», которых нынешний президент США Рональд Рейган обвиняет в лени, нежелании как следует работать, стремлении жить за счет общества.

Судьба девяносто шестого в этой продрогшей очереди поведала мне вот еще о чем. Есть своя жестокая логика в том, что в праве работать отказывают старым, больным и немощным. Предприниматели, стремясь максимально нажиться на каждом работающем, чужды благотворительности. Понятно, почему отказывают неграм: белая Америка упорно не желает признавать равноправие для цветных. Но вот этот молодой, полный сил американец, настоящий стопроцентный янки, и другие, такие, как он... Цвет нации, ее

надежда и опора! Почему не нашлось им места в самодовольной и сытой Америке, объявившей себя обществом «всеобщего благоденствия», страной «равных возможностей»?

— Они думают, что облагодетельствовали нас этими жалкими пособиями, — продолжает Билл, делая особое ударение на слове «они».

Они — это предприниматели, американское правительство и законодатели в конгрессе, считающие безработицу чуть ли не нормальным явлением, узаконившие ее, поставившие 15 миллионов американцев в эту страшную, стынущую на ветру очередь.

Пятьдесят восемь долларов... Я знаю, что, по американским масштабам, это крохи, зачастую не покрывающие даже плату за квартиру. Но Билл, словно боясь, что его не дослушают, начинает перечислять, загибая пальцы:

— За койку в ночлежке на 3-й стрит я каждую неделю плачу 35 долларов, по 5 долларов за ночь. Остается двадцать восемь. Что такое эти 28 долларов? Пара ботинок стоит 50—80 долларов, вот этот шарф, — он показывает на шею, — стоит 26 долларов. Его подарил мне отец, когда был еще жив, — тихо добавляет парень. — Самое дешевое пальто в магазинчиках, где торгуют поддержанными вещами, стоит 60 долларов. А ведь надо еще и что-то есть каждый день.

— Как же тебе удастся сводить концы с концами? — интересуюсь я.

— Да вот, перебиваюсь случайными заработками. То мусор вытаскиваю из ночлежки, то владелец какой-нибудь лавочки попросит разгрузить машину с продуктами. Приходится и улицы подметать. Тут вот подраядился мыть полы в общественном туалете...

— А специальность у тебя есть?

— Я инженер-физик, — сказал Билл. — Когда учился, мечтал о научном поприще. Моя дипломная работа была признана одной из лучших на курсе. Словом, пока был жив отец, худо-бедно, а денег хватало и на жизнь и на оплату учебы. Отец работал механиком в автомастерской. Дела у хозяина шли неплохо, он даже подумывал о расширении дела. Но неожиданно все лопнуло. Хозяин обанкротился. Отец оказался на улице. Первое время он как-то держался, аккуратно ходил на биржу отмечаться, не терял надежду, что удастся найти работу, что все еще поправится, все будет хорошо. Он очень верил в нашу страну, вернее, в тот миф об «обществе равных возможностей», который столь умело создают пресса, радио, телевидение. «Любой американец, если очень захочет, может стать миллионером! Любой американец может стать президентом!» — зло передразнивает кого-то Билл. — Теперь в эти сказки уже никто не верит. А отец верил. Я думаю, это и помогло ему держаться... Отец рассчитывал подработать и выплачивать хотя бы взнос за квартиру. Но работы все не было. Сбережения таяли. За неуплату хозяин выкинул нас на улицу. Пришлось нам из нашей трехкомнатной квартиры перебраться в каморку на 17-й стрит. Той же осенью отец сильно простудился, подрабатывая в порту. Он слег и подняться уже не смог... Денег на лечение не было. Вы знаете, сколько стоят лекарства? А во сколько обходится каждый визит к врачу? Страшно вспомнить, как однажды, когда отцу стало совсем

худо, мать собрала последние деньги, продала кое-что из вещей и уложила-таки отца в больницу. Через неделю оттуда позвонили, сказали, что пора вносить плату за лечение. Деньги кончились. Никакие уговоры не помогли. Матери пришлось забрать отца домой. Вернулись оба бледные, как-то сразу постаревшие.

— Однажды я вернулся домой, — продолжал Билл, — матери не было. На столе лежали записка и смятая пятидолларовая бумажка. «Родные, простите меня, — писал отец. — Это все, что у меня осталось. Дальше жить нет ни сил, ни возможности. В пособии нам отказали. Прощайте». Он бросился с Бруклинского моста, как это делают многие самоубийцы. Его труп выловили на третий день. Он был страшен: черный и распухший до неузнаваемости. На последние деньги мы его схоронили. Я в то время как раз заканчивал учебу. Мать полгода была сама не своя, потом слегла. Однажды ночью я услышал страшный крик. Мать хваталась за грудь, от боли рвала на себе волосы. Внезапно выпрыгнула и затихла...

Помолчал. Потом спросил:

— Знаете, сколько писем я отправил в различные лаборатории, фирмы, институты и агентства? А сколько ботинок стоптал в поисках работы? Отовсюду приходили вежливые отказы: «Уважаемый мистер Стивенс! К сожалению...» — ну и все, что в таких случаях пишут. Изысканная вежливость! — Билл смачно сплевывает на тротуар, пригласывает на месте, энергично растирает уши, щеки, нос...

С наступлением сумерек ветер усиливается, поземка метет все сильнее. Клетчатый плед у пожилой дамы стал совсем белым, точно саван на покойнике. Крючковатый нос старика, стоящего сзади, совсем загнулся книзу, напоминая сосульку. Губы превратились в фиолетовые, еле видимые полоски. Он сгорбился и беспрестанно кашляет.

— Боясь, что и меня ждет такая же участь, — тихо произносит парень, кивая на соседа. Тот вздрагивает, будто от удара плетью, еще ниже наклоняет голову.

— Страшная, жуткая безысходность, — продолжает мой собеседник. — Позавчера в этой самой очереди ножом перерезал себе вены один бедняга. Лет тридцати, не больше. Я ужаснулся, когда увидел его лицо. Мертвый, он улыбался. Тихая и добрая такая улыбка. Ни злобы, ни ожесточенности, ни страдания на лице. Как будто ушел он от всех невзгод и несчастий в мир лучший, счастливый, где будет ему наконец сытно и тепло. Эта его улыбка потрясла меня до глубины души. До сих пор она перед глазами. Она — и лужа черной крови на тротуаре.

«На сегодня распределение мест закончено. До завтра. Спокойной ночи, друзья!» — хрипло пролаял установленный над дверью громкоговоритель. Запорошенная снегом очередь дрогнула, заколебалась, стала распадаться...

— Не помнишь, каким по счету был тот парень, перерезавший себе вены? — спросил я.

— Кажется, тридцать четвертый, — бросил через плечо Билл. Повернулся, плотнее заматывая шарф на шее, и зашагал прочь.

— До завтра, приятель! — вдогонку крикнул я. Он не ответил.

¹ Профсоюзное объединение США.

В МИНУТЫ ОТДЫХА.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
и капитана второго ранга
Леонида ЯКУТИНА

Валентин ЛУКША

Брестская крепость

Я к вам пришел,
Чтоб низко поклониться,
Пришел,
Чтобы очиститься душой,
Войною опаленные бойницы,
Войною опаленные бойницы—
Свидетели отваги боевой!

Я к вам пришел
тревогой поделиться,
Что много-много лет приходит в сны.
Мы, люди разных стран,
Должны сплотиться,
Чтоб на планете не было войны!

Жизнь—череда посева или жатвы.
Нам Родина дороже с каждым днем.
И перед нею, матерью,
Мы клятву,
И перед нею, матерью,
Мы клятву
В своей сыновней верности даем!

Ночь...
Все вокруг пронизано покоем.
И только чью-то песню не унять.
Тут, в цитадели этой,
Спят герои,
Тут, в цитадели этой,
Спят герои,
Доверив нам Отчизну охранять!..

Михаил НАЙДИЧ

Спросите нас

Война, война,
она смогла совпасть
С цветеньем яблонь,
с созревашьем хлеба.
Столб дыма от земли стоял до неба,
И степь была,
Как огненная пасть.

Но сквозь дым
Мы возвращали людям суть рассвета.
Спросите нас: как делается это?
Вздохнем. Друзей припомним.
Помолчим.
Война не хочет
уходить из снов,
В них—марши
и боев жестоких проза.
А нам нужна и памятников бронза
И бронза созревающих
Хлебов.

СОЛДАТСКОЕ ПРИЗНАНИЕ

Николай СУВОРОВ

Товарищ

Весна вошла в решительную пору,
И всем, чем можно, расцвела земля.
А у него, у бывшего сапера,
Заныли раны, непогода суля.

И вновь отчетливо,
Как в свете резком,
Встает тот день
С подробностью любой—
Тот насмерть бой
Под городом Смоленском—
Короткий,
Страшный,
Рукопашный бой.
Давно ли это было
Иль недавно?..
Пора бы ранам отболеть вполне.
Товарищ мой со мной,
как с равноправным...
Что я пред ним?
Он дрался на войне.

Алексей КОЗЛОВСКИЙ

Учебная тревога

Опять учебная тревога
Воспринимается всерьез,
Опять то круто, то отлого
Под траки стелется откос.

На время вспарывают фары
Лучами шелк хрустящей тьмы.
И, как на фронте комиссары,
Мы над планшеткой морщим лбы.

Чем дальше, тем трудней дорога,
Чем ближе к цели, тем вдвойне,
Но смотрят пристально и строго
Глаза погибших на войне.

Восходят кубики в петлицах,
Ремни подчеркивают стать,
И в тех убитых, круглолицых
Себя нам хочется узнать.

«Противник» смят. Отбой. Немного
Передохнем в тени берез...
Опять учебная тревога
Воспринимается всерьез.

Дмитрий СЕМЕНОВ

Мне снятся ранние подъемы,
Суровый облик старшины,
Казарм гудящие проемы,
Где по ночам блуждают сны.

Вот строй двухъярусных кроватей,
Дневальный, тумбочка, часы.
И карабины, словно братья,
В сиянье масляной росы.

Мне снятся хриплые тревоги,
Мой первый взводный и комбат.
Опять в пыли мелькают ноги:
Идет в атаку взвод солдат.

А я упал. И бой учебный
Закончен нынче для меня.
...Горит в окне салют победный—
Созвездий Вечного огня.

Алексей ОЗЕРОВ

В походе

Рассветы встречать и закаты
под музыку злых непогод—
в тельняшках своих полосатых
уходят мальчишки в поход.

Ребятам откроется: тяжко
с волной поначалу дружить,
но право свое на тельняшку
положено им заслужить.

На курсе—морские пучины
и неба обвал штормовой.
Уже не мальчишки—мужчины
вернутся однажды домой.

Валерий ЧЕРКАШИН

У вас—дожди
и продается квас.
Аншлаг в театрах,
книжные новинки.
А здесь, у нас,
«Макар телят не пас»,
поскольку на барханах—
ни травинки.
Сочится полдень,
желтый от песка.
А в аппаратной
пресно от озона.
И снова отменили отпуска,
теперь уже
до лыжного сезона.
Но это забывается,
когда
над зоной
перехватного удара
проносится железная звезда
через экран
дежурного радара.
Зажатый тишиною
воздух густ.
Обратный счет...
Последнее движенье!
Но палец
тормозит над кнопкой «Пуск!»,
и медленно спадает
напряженье.
Учебная...
И, значит, не беда.
Мираж двоится
над равниной голой.
И освежает теплая вода
тревогой перехваченные
горла.
И хорошо,
что где-то есть дожди,
холодный квас
и не найти билета.
И хорошо вдвойне,
что «точка» эта
поставлена у жизни
впереди.

ВАШЕ

А Ч Т О У В А О

«Орден Улыбки»
едет в Литву

С лирой
на борту

БУТЕРБРОД
ИЗ РУДЫ И ХЛЕБА

Каменный
свет

ВЗРОСЛЫЕ — ДЕТЯМ

Награда за доброту

Очередным кавалером «Ордена улыбки», учрежденного в Польской Народной Республике, стала народная мастерица из литовского города Каунаса Стасе Самулявичене.

Этот орден вручается самым добрым друзьям ребят. Причем в жюри, которое определяет кавалеров ордена, обязательно присутствуют сами ребята.

Художница Самулявичене получила свою награду за игрушки из меха, которые она придумывает уже не первый год. Медвежата, косули, белочки, снегири и другие герои народных сказок путешествуют по детским садам, побывали на выставках в Лондоне, Париже, Дамаске...

Персонажам мастерицы уже тесно «у себя дома». Они шагнули и на страницы книг. Недавно вильнюсское издательство художественной литературы «Вага» стотысячным тиражом выпустило книгу С. Самулявичене «Озорники», со страниц которой маленьких читателей приветствуют забавные фигурки, созданные с помощью обыкновенной расчески и ножниц.

Станислав КОСТЫЛЕВ

ПАМЯТНИКИ

Иван Федоров «идет» по городу

Иван Федоров, русский первопечатник, впервые пришел во Львов сорок лет тому назад. Тогда он опубликовал здесь новое издание своего знаменитого «Апостола» и первый русский букварь.

Теперь он вернулся в новый Львов, изваянный скульпторами В. Борисенко и В. Подольским.

Владимир ПЕРЦОВ.

Фото
Константина БУЗЫНИНА

Памятник Ивану Федорову во Львове

НАУКА ВЕДЕТ ПОИСК

КАК — ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ?

Карьеры, где добывают руду, становятся все глубже. На Украине они занимают больше тридцати тысяч гектаров. А ведь это богатые земли — чернозем. Украинские ученые предложили все операции, связанные с добычей, обогащением, дроблением руды, перенести под землю.

Таким образом, создаются как бы два производственных этажа. Наземный — обычное сельскохозяйственное поле. И подземный, где добывают руду.

Подземная технология практически безотходна, ибо так называемые «отходы», заполняя постепенно подземные пустоты, будут перемещаться с менее богатыми рудами, и со временем этот конгломерат вновь пригодится.

Более дорогое подземное строительство компенсируется отсутствием затрат на возведение специальных дробильных и обогащательных фабрик, инженерных сетей.

Горно-обогатительный комбинат, который построят на Полтавщине в течение ближайших десяти лет, должен добывать двадцать пять миллионов тонн сырой железной руды и выдавать на-гора десять миллионов тонн железорудного концентрата в год без видимого ущерба для окружающей среды.

Леонид КАПРАН

НОВИНКИ СЕЗОНА

ПО ДОРОГЕ НА СЦЕНУ

Бело-красный автобус с лирой на борту уже примелькался на улицах Краснодара. Между тем эта машина будет хорошим сюрпризом для клубных работников.

Шесть лет работали над конструкцией этого автобуса краснодарские специалисты. И вот итог: мягкая обшивка внутри салона делает его домашним. В крыше кузова — вентиляционные, аварийные люки. Температура внутри регулируется автома-

тически. Просторно. По соседству с двенадцатью мягкими креслами, типа самолетных, спрятаны кинопередвижка, усилитель, магнитофоны, кинокамера, фотоаппараты, фотолаборатория, гримерная, шкафы для одежды...

Новичок уже прошел «боевое крещение»: позади испытательный поход с полной нагрузкой по Краснодарскому, Ставропольскому краям, Ростовской области, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Калмыкии. Десятки агитбригад пользовались оборудованием автоклуба. Артисты остались довольны.

Тамара ГНЕДКО

ИСПЫТАННОМУ — ВЕРИТЬ

САПФИРЫ ОСВЕЩАЮТ УЛИЦЫ

Драгоценные камни приобретают все больше технических профессий: алмазы, рубины, гранаты работают ныне в заводских цехах, в лабораториях ученых наравне с привычными инструментами. Недавно полку самоцветов-рабочих прибавило.

Ученые нашли способ выращивания и кристаллов сапфира. Искусственные самоцветы умели делать и прежде, но новая технология позволяет получать не бесформенные сапфиры, а именно кристаллы, что гораздо выгоднее с точки зрения экономики. Ведь раньше, чтобы получить кристалл, нужна была сложная механическая обработка, а сапфиры — материал очень твердый и хрупкий.

Монокристаллы сапфира

применяются в электротехнической промышленности для изготовления различных ламп, в том числе и для ламп уличного освещения. Ереванское производственное объединение «Армэлектросвет» уже выпускает новые светильники, дающие приятный золотистый свет. В Москве они установлены на Ярославском шоссе. Вскоре такие лампы заменят ртутные, которые сейчас освещают наши города и поселки. В масштабах всей страны сапфировое освещение экономит 100 миллионов киловатт-часов электроэнергии.

Области применения монокристаллов сапфира очень широки: они служат в оптике, лазерной технике, спецметаллургии. Ну, и, конечно, это прекрасное сырье для ювелиров. Ведь с помощью новой технологии можно выращивать кристаллы любой, совершенно необычной формы, какой нельзя добиться при обработке натуральных сапфиров.

Елизавета БЕСКУДНИКОВА

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

СТЕРХ — ПТИЦА СЧАСТЬЯ

В Московском зоопарке появился новый обитатель — большая красноклювая птица. Это белый сибирский журавль. Джой — так зовут московского стерха — родился в Окском государственном заповеднике, где впервые в нашей стране попытались разводить редких птиц. Джой уже вполне освоился на новом месте и часами простаивает у ограды, внимательно изучая людей. А недавно, услышав клекот соседей — даурских журавлей, Джой вскинул большие белые крылья, обрамленные черными, как смоль, перьями, и долго приветствовал посетителей песней.

...Кстати, среди якутов бытует поверье, что человек, хотя бы раз увидевший стерха, всю жизнь будет счастливым.

Александр ДРОЗДОВ.
Фото автора

Я работаю инженером-электриком на заводе, в жизненных планах — перейти на сельскохозяйственное предприятие, а конкретно — в совхоз. Будут ли у меня какие-нибудь льготы?

М. КАЗАКОВ,
Ставрополь

Если в совхозе вы займете должность руководителя, специалиста или руководителя среднего звена производства, за вами сохранится прежний среднемесячный заработок. Даже если в хозяйстве, куда вы переехали, средний заработок окажется ниже. (Сумма среднего заработка начисляется за последние двенадцать месяцев по прежнему месту работы.) Причем зарплата сохранится в течение трех лет, а при переходе на работу в низкорентабельные и убыточные хозяйства — в течение пяти лет.

По желанию работника доплата до прежнего среднего заработка может производиться либо ежемесячно, либо одновременно, исходя из среднемесячного заработка за каждый год работы в хозяйстве.

Например, начальник цеха обувной фабрики стал работником заведующим ремонтно-механической мастерской в совхозе. На прежней работе он зарабатывал в среднем 260 рублей (200 рублей оклад, плюс 60 рублей — премии и другие вознаграждения по итогам работы).

В совхозе этому работнику, допустим, установлен оклад 190 рублей, поэтому ему ежемесячно авансом положена доплата до прежнего среднего заработка в сумме 70 рублей.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Юридическая консультация «Смены» продолжает свою работу. Ждем ваших вопросов. На каждый из них будет дан ответ — или на страницах журнала, или отдельным письмом.

Елена ГОЛОВАНЬ

ФЛЕЙТА В ПОРТФЕЛЕ

«После завтрака я решил повторить «Коттрданс» Бетховена и совсем забыл про линейку. Я не марочко, прошу извинить». (Из объяснительной записки восьмиклассника, опоздавшего на пионерскую линейку.)

По утрам этот детский дом напоминает зал перед началом концерта: двести пятьдесят ребячьих голосов и столько же звучащих на разные лады флейт, фаготов, труб, кларнетов. Для занятий музыкой отводятся специальные часы, но юным меломанам их не хватает, поэтому репетируют даже на переменах.

Московская областная школа музыкантских воспитанников — детский дом необычный. Кроме среднего, ребята получают здесь еще и музыкальное образование.

В восемь утра воспитанники, надев школьную форму, спешат на уроки. Учебные классы здесь же, только в другом крыле здания. Заканчиваются занятия — и те же коридоры пестрят разноцветными домашними платьями.

Мягковские городской отдел внутренних дел подарил своим подшефным настоящую милицескую форму, и теперь по праздникам мальчишки облачаются в серые юттеры и фуражки с красными околышами. Вся школа — «юный друг милиции».

На праздничных демонстрациях ребята маршируют вместе со взрослыми музыкантами. Это традиция. Выпускники школы нарастают в военных оркестрах. Еще задолго до конца учебного года навешиваются в детский дом дирижеры — подобрать пополнение, они же стараются попасть на концерт, который старшеклассники устраивают для младших.

Такие концерты бывают по субботам, после занятий, экскурсий и бани. Розовые от пара, с влажными еще макушками собираются ребята в большой хоровой комнате. Перед началом, как водится, шумят, устраняют возню. Но вот ведущий объявляет: «Рахманинов. Мелодия. Исполнит Сергей Сергеев». На импровизированную сцену выходит исполнитель. По-мальчишески худые, с паратонами руки поднимают узкой колокольчик трубы — и вот уже полкликс ласковые звуки. Теперь южские призывы и тишине не нужны.

Музыку здесь любит все: и новички-первоклассники, и истошники, и кастелянши. Но не музыкой единой живет школа. Воспитать настоящих людей — вот главная задача, которую ставят педагоги. И потому школа берет на себя родитель-

ские заботы о каждом из воспитанников, причем заботы эти не кончаются с получением аттестата.

Как-то осенью приехал в школу выпускник Сергей Б. навестить друзей, воспитателей. Погодил два дня. Через неделю снова появился, еще через неделю — опять. Что ж, дело обычное: тут в любое время гостю рады. Но когда остался Сережа и на зимние каникулы, исполонились, учился он в техникуме, где каникулы совсем в другое время. Обратились туда и услышали:

— Он уже полтора месяца на занятия не являлся, мы его исключили.

— А где он живет, чем пытается? Пожимают плечами, наверное, к родственникам уехал.

— Да вы хоть в личное дело заглядывали? — в недоумении спрашивают представители школы и слышат в ответ:

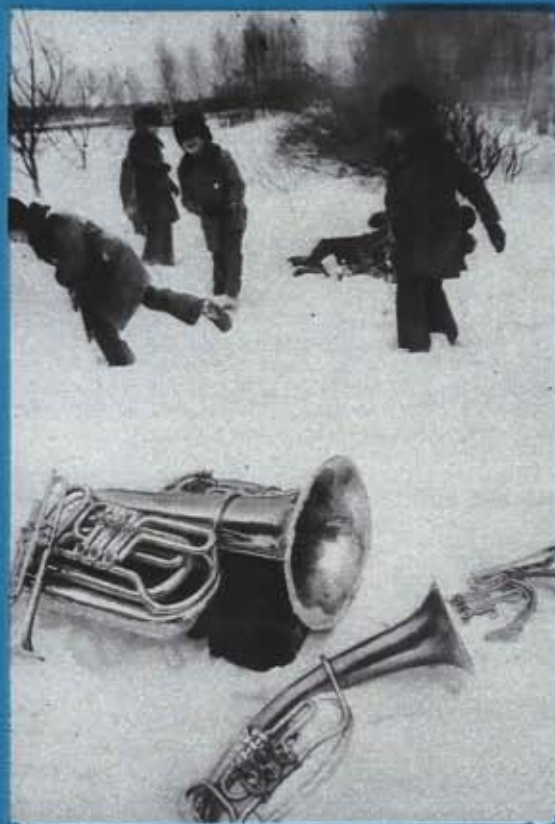
— Знаете, некогда было... Сейчас у Сергея все наладилось: детский дом направил его в военный оркестр, там ему нравится, за него можно быть спокойным. А ведь мог парень и в беду попасть...

Год назад появились у школы молодые и очень

«...КОГДА МОИ ДРУЗЬЯ СО МНОЙ».

Я БУДУ МУЗЫКАНТОМ.

ДИРИЖИРУЕТ ЗИМА.

ЗВЕНЯТ ТРУБЫ, ПОЮТ КЛАРНЕТЫ, БЬЕТ БАРАБАН — ИДЕТ ДУХОВОЙ ОРКЕСТР.

Фото Константина КОКОШКИНА

заинтересованные друзья — студенты Лесотехнического института. Двадцать студентов регулярно бывают в детском доме.

— Стоит заболеть кому-то из нас, — рассказывает Татьяна Круглова, студентка второго курса, — мой пятиклассник оборвет телефон, раз десять за день позвонит. Да и я сама по ним скучаю.

Конечно, опыта работы с детьми у студентов нет. Самы недавние выпускники школ, они воспитывали разве что своих младших братьев и сестер. Но в детском доме контакт устанавливается мгновенно.

— В первый раз идти боялась, не знала, о чем буду говорить с детьми, — рассказывает Татьяна. — Специальную литературу набрала. А они засыпали вопросами: как учусь, что люблю. Им все интересно.

Общение детей ограничено узким кругом: воспитатель, учитель, преподаватель музыки. Поэтому для ребят каждое новое лицо — целый мир. Оттого так жадно тянутся они к студентам, оттого каждый, кто пришел к ним и внес в их жизнь что-то новое, мгновенно становится кумиром.

— Привет! — здоровается девочка, просунув кудрявую голову в дверь кабинета немецкого языка. — Ну как, идем?

Это Оля. Ее учительница на девять лет старше, но они подруги. Оля приходит даже на переменах. И уже традиция — провожание до автобуса после уроков. Дорога короткая, идут медленно, чтобы поговорить. Но сегодня Оля молчит. Скоро выпускные экзамены — и прощай школа, дом, подруга.

— Это Витяка играет, слышите? — За кустом слышен голос флейты. — А девочки в сад ушли, там лучше... Галина Андреевна, возьмице.

Она протягивает трубочку нот.

— Я ведь знаю — вы любите Биза. Это от меня, на память.

СЕВЕРНЫЙ Ш

Матвей КРАВЕЦ,
начальник отдела испытания
нефтяных и газовых скважин
Управления глубокого бурения
Министерства геологии РСФСР,
член президиума Федерации
футбола СССР

Завтра лечу в командировку. Маршрут привычный, постоянный, знакомый, что называется, до последней вешки: Тюмень, Мегион, Сургут, Уренгой, Салехард....

А сегодня утром зашел ко мне Леонид Кульпин: улетаю-то в родные наши места. Знакомы мы с Леной уже больше десяти лет. Познакомились, когда начинали изыскания в Уренгое. Это сейчас Новый Уренгой у всей Европы, как говорится, на устах. А тогда все только начиналось, открывали Уренгой геологи «Главтюменьгеологии». Сколько сил отдавали и отдадут! И силы надо было иметь.

Инженер Леня Кульпин многих удивлял в Уренгое тем, что, как выдавалась свободная минута, спешил в спортзал поиграть в большой теннис. Представляете, большой теннис, не настольный, в зале на Крайнем Севере! А сейчас я думаю, чему же мы удивлялись. Человек всегда и всюду стремится жить полнокровно. Леня с его разносторонностью успевал все: работал мужественно, много лет отдал науке, защитил кандидатскую диссертацию, а отпуск проводил за рулем мотоцикла — на своей красной «Яве» исколесил с семьей Черноморское побережье, Украину, Прибалтику. Чего ж удивляться теннису?

Вспомнили мы с ним и трагическую ситуацию, в которой он повел себя героически. В марте прошлого года я разминуслся с ним в Уренгое, и об этой истории мне рассказали в газодинамической лаборатории, которой он руководит. Рассказал главный геолог производственного геологического объединения «Уренгойнефтегазгеология» Анатолий Брехунцов. Микроавтобус, в котором Кульпин и восемь его сотрудников возвращались в Уренгой, на полной скорости провалился в полынью. Машина мгновенно опустилась в глубину реки.

Мгновенно. Мгновения между жизнью и смертью десятка людей! У Лени, который сидел рядом с шофером, секунды не было на раздумье. Рванул через сиденье в салон. Неимоверным усилием выбил дверь. Одного за другим стал выталкивать людей в ледяную воду. Пока всех не вытолкнул из машины, о себе не вспомнил, о том, что самому тоже спастись надо. Его уже спасли, вытащили из-под льда те, кого он только что спас сам. Так мне рассказали, так написали в газете.

Но два человека погибли. Леня вспоминает подробности, темнеет его лицо:

— Когда в салоне никого не осталось и в легких, наверное, был у меня последний глоток воздуха, сам рванул наверх. И ударился головой в лед. В такие моменты мозг работает со сверхскоростью. Был у меня случай в юности. Сплавливал плоты по реке и оказался под водой. И тогда точно так же, пытаясь выплыть, ударился головой в бревно. Рукой сумел отодвинуть бревно и выскочить между бревнами. А сейчас выскочить уже не было сил. Сумел лишь один раз толкнуть рукой в лед. За руку меня и вытащили. А двое погибших ребят физически были слабее меня. Видно, тоже ударились головой в лед и пробить его не сумели, рукой — не догадались...

Леня ушел от меня в горестном настроении. Все, что мог, сделал, но двух ребят потерял...

Лечу к сильным, мужественным людям. Многих знаю, со многими работал на буровых. Думаю о том, какая же сила, физическая закалка им нужны, чтобы делать свое нелегкое дело.

**ШАРАЙ, ГЕОЛОГ!
БЕСКОНЕЧЕН ТВОЙ ПОИСК-МАРШРУТ НА СЕВЕРЕ,
ГДЕ ПРОВЕРЯЮТСЯ СТОЙКОСТЬ ДУХА
И ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАКАЛКА.**

...До Ижевска оставалось километров тридцать, и я уже предвкушал теплый душ в гостинице после утомительной дороги, когда мой спутник Михаил Митрофанович Погребняк, генеральный директор производственного геологического объединения «Удмуртгеология», неожиданно предложил: «А не заночевать ли нам на нашей базе отдыха?»

Машина свернула на шоссе в сторону Воткинска, и через десять минут мы въехали на базу отдыха геологов — в сосновом бору на берегу рукотворного Чайковского водохранилища.

В столовой я обратил внимание, что многие пришли на ужин в тренировочных костюмах.

«С чего бы это?» — подумал, но значения этому обстоятельству не придавал.

Все понял утром, когда по местной радиотрансляции услышал, что представители команд просят собраться в судейской комнате.

«У вас что, соревнования?» — спрашивал Погребняка. И по лукавой усмешке генерального понял, что не случайно он предложил на базу заехать.

Объединение «Удмуртгеология» по нашим меркам не назовешь крупным предприятием. Четыре нефтегазодобывающие экспедиции, геофизическая экспедиция, ремонтно-механическая база, отдел рабочего снабже-

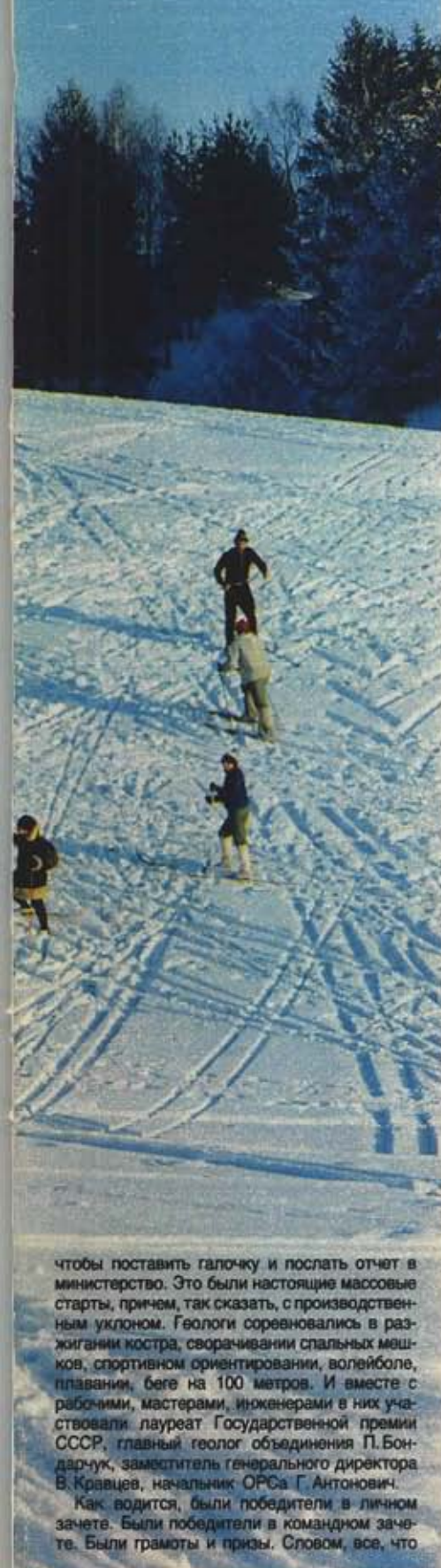
ния — вот, собственно, и все. Какие уж тут соревнования? Людей и так не хватает. Кто ж их отпустит на два-три дня с работы? Оказалось, что и впрямь это невозможно — у геологов трудовая дисциплина превыше всего. Потому и устроили старты в выходные дни. И все команды прибыли в полных составах.

За два десятка лет общественной работы в федерациях футбола СССР и РСФСР на каких только крупных массовых турнирах я не побывал — от «Кожаного мяча» до чемпионата Европы. Но на соревнования геологов попал тогда впервые. На старт вышли 150 участников, не так уж мало для любого предприятия. И не для того они проводились,

аэ

ИСПЫТАЙ
НАШУ ВОЛЮ
И СИЛУ,
ЛЫЖНЯ.

Фото Романа ЗВЯГЕЛЬСКОГО
и Вадима ОПАЛИНА

полагается в таких случаях. А в памяти у всех осталась атмосфера приподнятого настроения, не лозунговой, а реальной пропаганды физкультуры, ее необходимости для каждого, невзирая на возраст.

— Как самочувствие? — спросил я тогда Бондарчука. — Непросто вам, видимо, тягаться с молодежью?

— Возраст ни при чем, — пожал плечами Павел Константинович. — В свои сорок восемь я еще прилично, как видели, играю в волейбол. Когда беру в руки мяч, мысли не о возрасте — о победе. Есть еще порох...

Труд геолога специфичен. Его не измеришь привычными мерками. Не оценишь только тем, что сделано непосредственно во время работы. Два-три десятка километров за день в маршруте. Бессонные сутки на буровой во время спуска в скважину эксплуатационной колонны. День, с утра до вечера, в вертолете, самолете, на санях, прицепленных к трактору. Не каждому по плечу такие нагрузки. Многие не выдерживают. Уходят. Остаются те, кто силен духом и закален физически, кто осознанно готов к дисциплинированному, самоотверженному труду.

Я не любитель громких фраз и прописных истин. Но все же повторю еще раз: остаются те, кто физически закален. И под такой закалкой я понимаю физические и духовные качества, исподволь приобретенные в занятиях физкультурой и спортом. Когда начинать занятия, сколько времени уделять им? Разве ответишь однозначно? Ясно только: чем раньше, тем лучше.

Так уж устроены мы, что общественная наша работа есть продолжение повседневной. Сколько раз ловил себя на мысли при встречах с юными футболистами, организуя для них турниры и секции, ловил себя на мысли: ведь кто-то из них придет в геологию, ведь, значит, помогаю будущим геологам, буровикам вырасти здоровыми, сильными, смелыми. Удивляет такой ход мысли? Меня — нет.

До сих пор в памяти случай с Михаилом Т. Приехал он к нам в экспедицию мастером буровой бригады. Физкультуру, не говоря уж про спорт, ранее не жаловал, считая, как многие, что это пустая трата времени.

Однажды январской ночью ехали мы на базу в Воркуту. Ехали — громко сказано. Представьте себе сани, которые тащит трактор. В санях человек пятнадцать. Мороз больше 40 градусов. Трактор двигался к цели, высвечивая фарами вешки, расставленные заботливыми топографами вдоль дороги.

Вдруг сани неуклюже дернулись, остановились. Мы стояли у трактора и молча смотрели на гусеницу, которая соскочила с того места, где ей положено быть, да к тому же распалась на три части.

— Запасных траков у меня нет. Нет даже кувалды. Все осталось на буровой, — выдал из себя тракторист Иван Гернер.

Положение, как понимаете, критическое. До базы километров двадцать пять. Как минимум. Назад, на буровую, вдвое дальше.

— Пешком пойдём. Ничего с нами не случится, — стал агитировать Иван.

Я и сам понимал, что выход один — идти пешком.

Через час наша группа растянулась по дороге на целый километр. Каждый шел, как мог, выбиваясь из сил. Но одного человека оставлять без поддержки нельзя. Кто сильнее, шел рядом с тем, кто послабее.

Т. сразу же начал отставать. Я шел рядом с ним. Мы были замыкающими. Снегу так много, что каждый шаг давался с трудом. Сотни раз проезжал я на санях по этой дороге, но никогда она не казалась такой нескончаемо длинной, как той ночью.

Идти оставалось уже меньше, чем прошли. Еще каких-то семь-восемь километров. И тут Т. обессилел. Ни сил у него не осталось, ни воли. Воли к жизни не осталось. Представьте, что это значит? Не для красного словца так говорю.

Он рухнул в снег и, тяжело дыша, прошептал:

— Не могу больше... не могу... иди один...
— Миша, вставай. Замерзнешь. Погибнешь. Смотри, все же идут. Далеко ушли.

Он не отзывался. Не внимал ни окрикам моим, ни приказам, ни мольбам.

И вдруг меня осенило. Мишу на базе ждала жена — красавица Тамара. Приехала к нему из Ленинграда. Такая же городская, незакаленная, кабинетная, каким был он. Миша по

ней очень соскучился. Все уши нам на буровой прожужжал, какая она нечитанная... Почему я тогда вспомнил о ней?

— А как же Тамара? — кричу ему в ухо. — Ведь она ждет тебя! Что я ей скажу? Вставай!

Он зашевелился, еле-еле поднялся. Мороз свирепствовал. Мы не шли — ползли шажок за шажком. Иначе он не мог. Словом, дошли, доползли.

Только потом уж Михаила Т. на буровой не увидел. Вместе с женой через пару дней улетел в Ленинград.

Пешком отмахать 20—30 километров — для геолога сущий пустяк. И не по дороге. По тундре, по тракторному следу. В мороз. Но пустяк только тогда, когда ты подготовлен к этому всем своим образом жизни. Когда в школе, в ПТУ, в институте не отлынивал от физкультурных занятий. Когда в любой момент готов был выйти на старт — пробежать, проплыть, сыграть, пройти, проехать. Незаметно, постепенно приходит физическая закалка и выручает каждый день в труде, а в критической ситуации — тем более.

Геолог Михаил Садыков однажды с двумя товарищами шел с буровой в Сургут пешком — целых сто километров ровно за трое суток. Спешили ребята домой к празднику. Хотелось отметить праздник в кругу семьи. Вертолетом, конечно, было бы лучше. Но, как шутят геологи, вертолеты летают когда угодно, только не тогда, когда хочется домой попасть: то саннорму отлетал пилот, то погоды нет на трассе, то еще что-нибудь. Словом, сто километров прошли ребята пешком и успели к праздничному столу. Спросил их: как шло — спешилось? Смеются. Да иначе, мол, быть не могло, чтоб не дошли. Дорогу хорошо знали. Опыта таежных маршрутов не занимать. Закаляться с юности начали, как мечтали геологами стать.

Сильные люди? Не такие, как все? Нет, обычные ребята. Но такие, какие нужны геологии: выносливые в работе, готовые к преодолению любых физических трудностей.

Разумеется, приходят в геологию не только исключительно тренированные люди. И не остаются они на всю жизнь с тем багажом силы и ловкости, какой приобрели, решив посвятить себя нашей профессии. В отрасли продумана в деталях и неплохо реализуется большая программа физического совершенствования работников. За один только прошлый год 52 тысячи человек получили значки ГТО, 36 тысяч стали разрядниками. Так что соревнования в Удмуртии, на которых мне посчастливилось побывать, не случай, не эпизод в жизни геологических организаций. Они, так сказать, концентрированное выражение той заботы о здоровье геологов, что не для отписки, а по сути существует в нашей отрасли. Забота проявляется в укреплении спортивной базы, в приобретении инвентаря, в создании спортивных секций.

К слову, о базе. В Тюмени, например, для геологов создан современный спортивный комплекс: здесь и зал и бассейн. Но такие комплексы, конечно, у геологов не везде. Значительно больше простейших залов, переоборудованных из-под складских или бывших жилых помещений. Разве так уж важно в конце концов, какой у вас зал? Важно, какая жизнь там кипит. А у геологов залы не пустуют.

На Печоре работает начальником экспедиции по испытанию скважин Леча Магоматов. Когда выпадает свободная минута, Леча семь потов проливает на борцовском ковре. Организовал в экспедиции футбольную команду и сам в ней играет.

В далеком поселке геологов Газ-Сале на севере Тюменской области находится Тазовская нефтегазоразведочная экспедиция. Есть здесь деревянный, самостройный, но довольно большой спортзал. И спортивная жизнь в нем бьет ключом с утра до позднего вечера. Занимается детвора местной ДЮСШ, играют в мини-футбол — вот они-то как раз до позднего вечера — буровики, геологи. В меру сил помогает физкультурникам начальник экспедиции Владимир Константинов. По долгу службы? По общественному долгу? К чему искать ответ? От простого человеческого понимания, что здоровье необходимо всем и каждому. Тем более на Севере.

...Рейс у меня завтра ранний. Встать придется на рассвете. Надо уложить сегодня портфель, ничего не забыть по делу. Утром времени в обрез. Только на физзарядку...

ШАХМАТЫ

25-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Тур четвертый

Участникам шахматной олимпиады мы предлагаем решить три задачи. Первые две составлены известным советским шахматным композитором Е. Умновым. Интересно, что двухходовка была составлена им на фронте и опубликована в победный год Великой Отечественной войны. Главные варианты второй и третьей задач заканчиваются правильными матами. Так называются матовые позиции, в которых заняты все белые фигуры, при этом все поля вокруг черного короля недоступны ему по единственной причине (либо заняты своими фигурами, либо атакованы по одному разу фигурами противника). Найдите эти варианты и укажите их в своих ответах.

Белые: Кра1, Фh5, Лf8, Са8, Сg1 (5).
Черные: Крg3, Фb4, Лb2, Чh1, Кb1, пп. a2, g7 (7).
Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл).

Белые: Крc7, Фb7, Лd5, Сg7 (4).
Черные: Кре6, Ла3, Кc4, Кh8, пп. a4, g4, g5, h5 (8).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Крc7, Фg8, Лf1, пп. c2, e6 (5).
Черные: Кра5, Са4, пп. a6, b4, b6 (5).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (3 балла).

Ответы на задания четвертого тура присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 4-й тур». В двухходовке достаточно указать только первый ход, в трехходовке — два хода каждого варианта. Последний срок присылки ответов — 30 апреля (по почтовому штемпелю).

ПОДСНЕЖНИК

МАМОНТ

Пьер НЕМУР

РОМАН

Перевод
с французского
Надежды НОЛЛЕ

ГЛАВА XIII

В 7 часов 25 минут в среду, двадцать шестого апреля, старший инспектор Амедей Видалон, сделав несколько шагов по тротуару, чтобы размять ноги, возвращается за руль машины, в которой он провел всю ночь. Рядом с ним сном праведника спит инспектор Марсъял Флоримон. Этот молодой человек служит в полиции меньше года и подает надежды. Кро взял его к себе для подкрепления, и он работает вместе с Видалоном.

Не в первый раз Видалон проводит в засаде всю ночь. Привычно вроде бы, но он чувствует себя совершенно измученным, ощущает усталость каждой мышцей. Тем более, что ничего не произошло. Никто не вошел в дом 45 на улице Берже и не вышел из дома с того момента, как жильцы второго этажа в половине первого ночи вернулись из театра. Ни один телефонный звонок не был зафиксирован службой прослушивания. И Видалон говорит себе, что если в ближайшее время ничего не произойдет, его коллега и приятель Брекар придет ему на смену. Он уже мечтает, как вернется к себе, примет душ и ляжет в постель.

Но в 7 часов 25 минут он усиленно протирает глаза: дверь дома 45 только что открылась. Выходит мужчина, в котором Видалон узнает Винсента Лефевра, одетого в поношенный плащ. У него в руке чемоданчик, с какими обычно ходят на вызов врачи. Быстрым шагом он направляется к своей машине, которая стоит у тротуара в двадцати метрах от дома.

Видалон толкает локтем в бок своего молодого коллегу, и тот просыпается.

— Внимание. Он выходит. Доктор.

— Это он? Скажи,— спрашивает полный энтузиазма Флоримон,— ты думаешь, он идет платить выкуп?

— Не знаю,— отвечает Видалон с угрюмым видом.— В чемоданчике у него, должно быть, инструменты. Этот выход запланирован. Если он сказал мне вчера правду, то он просто-напросто идет в больницу оперировать, как и каждый день. Привратник подтвердил, что доктор всегда выходит из дома около 7 часов 30 минут.

Лефевр ставит чемоданчик на тротуар, достает ключи, открывает дверцу машины.

— Нельзя попросить его показать содержимое чемоданчика?— предлагает Флоримон.

— По закону мы не имеем права,— осаживает его старший коллега.— Даже если мы просто попросим его об этом как об услуге, ему это вряд ли понравится. Я вчера с ним пообщался. У него не самый легкий характер.

Видалон включает мотор, соединяется по радиотелефону с дежурным.

— Я — «Подснежник»,— говорит он.— Отец только что вышел со своим чемоданчиком и сел в машину. Мы едем за ним. Прием.

— «Подснежник», вас понял. Вы следуйте за ним,— отвечает голос дежурного инспектора.

Видалон трогает машину с места. Ему всегда казались дурацкими слова, которые выбирали для радиопаролей, но «Подснежник» сегодня утром звучит вызывающе, да и только. Погода довольно ясная. На тротуаре у парка Монсо каштаны покрылись великолепной бархатной листвой, за решетками — разноцветные газоны, обязанные своей красотой искусству городских садовников.

Видалон бросает мимолетный взгляд на фургоны, где сидят двое коллег, которым поручено наблюдение за женой хирурга. Подобные посты расставлены около домов других членов семьи, а именно — Рауля Фанжена и брата Винсента Лефевра.

Если комиссар Кро и убежден по-прежнему в том, что доктор его обманул и семье известны требова-

ния похитителей, то загадкой для него остается, кто же передаст выкуп. Тесть, брат, адвокат, друг семьи? Настоящая лотерея. Но главную ставку он сделал на самого Винсента Лефевра. Вот почему Видалон осуществляет слежку за доктором, а три другие команды наготове, чтобы оказать помощь в случае необходимости.

В половине восьмого утра движение в Париже еще небольшое. Бежевый автомобиль Лефевра спускается по бульвару Мальзерб к площади Мадлен, пересекает Сену, едет по бульвару Сен-Жермен, поднимается по бульвару Распай до бульвара Монпарнас.

— Все ясно,— говорит Видалон, который осторожно и незаметно следует за Лефевром,— он едет в больницу. Предупреди ребят. Попроси Брекара подъехать, он сменит нас у больницы.

Начинаются переговоры по радиотелефону. Три команды, из которых одна — Брекара, направляются к больнице.

Доктор Лефевр добрался до нее за четверть часа, что даже в это утреннее время является отличным результатом. На бульваре Опиталь под входной аркой перед ним автоматически поднимается барьер. Спустя несколько мгновений Видалон, теряя драгоценные секунды, предьявляет сторожу свое удостоверение. Когда он выезжает на главную аллею, машины доктора уже не видно.

Следует недолгая разведка, чтобы сориентироваться в обширном комплексе больницы Питье-Сальпетриер. Все это раздражает Видалона, который чувствует, что у него нет сил после бессонной ночи. Если бы только этот чертов доктор, думает он, вышел из дома на полчаса позже, за ним бы последовал Брекар, свеженький Брекар, юркий, как карась.

Хирургическое отделение. Странный мир, белоснежный, продезинфицированный. Как у всех людей, обладающих крепким здоровьем, у Видалона настоящая аллергия на больничную обстановку. Ему не по себе, словно это он лежит на месте той вытянутой фигуры, которую вывезли на каталке из лифта.

Он оставил Флоримона на улице в машине, велел ему смотреть в оба. Сестра, которой он показывает свое полицейское удостоверение, сразу же все понимает.

— Доктор Лефевр? Да, он оперирует, погодите...— она смотрит график,— в пятом блоке. Но вам придется надеть халат. Это обязательно. Подождите, вас проведут.

Видалон быстро мигает коридоры следом за молодой сестрой. Еще пять минут тратится на то, чтобы надеть зеленый халат, шапочку, маску. Затем он попадает в некий фантастический мир, где по мере приближения к операционному блоку встречает все более многочисленных сестер и врачей, совершенно безликих и неузнаваемых — зеленые силуэты в масках.

Видалона охватывает паника. У него слегка кружится голова, его мутит от царящего здесь запаха лекарств, и ему кажется, что он навсегда потерял доктора Лефевра. Он пытается сориентироваться, сосчитать сестер и ассистентов. Его провожатая указывает ему на место в углу операционной рядом с мужчиной и женщиной, одетыми, как и он. Под яркими лампами совершается завораживающий ритуальный обряд какого-то фантастического культа. Все участники, похожие друг на друга как две капли воды, в зеленых халатах, в масках, помогают великому жрецу, чьи жесты точны и безошибочны, молча подавая ему таинственные инструменты.

Так Амедей Видалон присутствует при операции, которую вряд ли смог бы описать. Он лишь понимает, что операционное поле расположено где-то в районе живота лежащей на столе фигуры.

Ему кажется, что он напрасно теряет время, наблюдая за тем, как оперирует доктор Лефевр. В помещении жарко, под маской с него катится пот,

он на грани обморока, но не может пошевелиться, стиснутый с двух сторон.

Они длятся вечность, эти три бесконечные четверти часа. Видалоном овладевает дремота. Брекар должен уже быть в больнице — некоторое утешение для несчастного инспектора.

Операционная пустеет. Больного увезли. Видалон испытывает тошноту, у него шумит в ушах, пульсирует кровь в висках. Он спотыкается на лестнице. В большой комнате перед умывальником доктор Лефевр снимает маску, потом халат. Обнажившись до пояса, долго намывает руки. Ассистентка помогает ему надеть другой халат.

Молодая сестра, сопровождавшая Видалона до операционного блока, неожиданно появляется в тот момент, когда он развязывает шпурки несносной маски. Вероятно, она надела справки о личности вверенного ее заботам посетителя.

— Вы здесь для того, чтобы охранять доктора Лефевра, да? — спрашивает она с подобострастием человека, оказавшегося причастным к важному событию.

— В некотором роде,— признает Видалон, чтобы не пускаться в праздные объяснения.— Что он будет делать теперь?

— В 11 часов у него опять операция,— говорит сестра.— А пока он сделает обход. Хотите, мы пойдем за ним?

«Мы...» Видалон улыбается, несмотря на всю свою озабоченность. Вот у него и новый сотрудник, куда интересней, чем Флоримон...

— Охотно,— соглашается Видалон.

Инспектор остался в халате и шапочке. В сопровождении своего хорошенкого гида он шагает за толпой, то есть за группой помощников и учеников, которые следуют по пятам за заведующим отделением. По длинному коридору, большие окна которого выходят в сад, они направляются из части здания, где расположены операционные блоки, туда, где находятся палаты. И вдруг одна деталь привлекает внимание Видалона.

— Смотрите-ка,— говорит полицейский,— он без своего чемоданчика.

— Кто? — спрашивает медсестра удивленно.— Доктор Лефевр? Но он не может таскать его повсюду. Он, наверное, оставил его в раздевалке, поскольку следующая операция в 11 часов.

— Где в раздевалке? — рявкает Видалон, хватая медсестру за руку.

— Я не знаю,— отвечает она в испуге.— Может быть, в своем шкафике.

— Идем посмотрим,— требует Видалон.

Она решительно отказывается:

— Это невозможно. Шкаф доктора Лефевра закрыт на ключ. Только он может вам позволить его открыть.

Но Видалон ее даже не слушает. Горько усмеясь, он представляет себе весь сценарий. Да, очень неплохо задумана вся эта комбинация. Настоящий часовой механизм!

— Я найду вас позднее,— бормочет он и, покинув изумленную медсестру, сворачивает в первый коридор налево. Туда, где висит маленькая светящаяся табличка «Выход».

Часы показывают без четверти десять, когда он, стоя под ярким солнцем на крыльце перед входом в хирургическое отделение, отыскивает взглядом свою машину. На аллеях большого двора теперь царит оживление. Если бы не многочисленные белые халаты медсестер, можно подумать, что находишься в городском парке.

Инспектор Видалон торопливо шагает к машине. За рулем сидит Брекар. Рядом с ним Бертю, очень опытный сорокалетний полицейский. Чтобы следовать по пятам за доктором Лефевром, комиссар Кро мобилизовал лучшие силы.

— Привет, Леон,— здоровается Видалон.— Ты давно здесь?

— С 8 часов 55 минут,— отвечает пунктуальный Брекар.— Мы ехали тебе на смену, когда нам сообщили, что ты следуешь за Лефевром. А здесь администраторша нам сказала, что ты с ним, и мы засели перед входом.

В знак одобрения этих мудрых действий Видалон кивает.

— А Флоримон? — интересуется он.

— Ну... я отправил его домой, поскольку мы должны сменить вас,— говорит Брекар.— Ты, наверное, совсем измочаленный. Пора и тебе двигаться. Все равно сегодня утром ничего не произойдет. Если я правильно понял, эскулап оперирует до обеда.

Видалон усталым жестом проводит рукой по небритому подбородку.

— И я думаю, что больше ничего не случится. Скажи, с тех пор, как вы здесь, вы следили за входом в отделение?

— Это же наша работа, так? — удивляется инспектор Бертю.

— Вы не записывали случайно, кто входил и выходил? — настаивает Видалон.

ВРЕМЯ МАСТЕРА

Александр КУЗНЕЦОВ

Председательствующий Джонатан Свифт встал, возложил руки на тяжелую скатерть, поднял голову, увенчанную массивным париком, и начал...

Подался вперед любознательный Апулей, еще больше сосредоточился Салтыков-Щедрин, повернул к Свифту изящную голову Джованни Боккаччо, прервав на полуслове озорного юнца Роберта Бернса. Все еще что-то дощелтывал на ухо обеспокоенному Франсуа Рабле извигательный Вольтер, в то время как величавый Мигель де Сервантес Сааведра и сумрачный Шарль де Костер целиком отдали свое внимание великому создателю Гулливера. Затаив усмешку, смолкли, обменявшись последними шутками, невозмутимый Ярослав Гашек и саркастический Марк Твен. И лишь Николай Васильевич Гоголь, намертво сжав тонкие, длинные пальцы, все еще на-

**ГЕННАДИЙ РАСПОПОВ
В МАСТЕРСКОЙ.**

ходился во власти своих мучительных раздумий...

Кто, когда, по какому поводу собрал за длинным столом величайших апостолов сатиры и радости, боли и гнева человеческого на столь необычное заседание?

Идея этого фантастического собрания, равно как ее воплощение в горельефе, принадлежит московскому скульптору Геннадию Распопову.

Соблазн услышать, о чем говорят меж собой прибывшие из разных стран и эпох самые гуманные и беспощадные целители человеческого духа, был, по-видимому, так велик, что автор не устоял и... поместил в самом дальнем углу горельефа (в качестве ошастливленного стража-слушателя) и себя самого. И назвал свою работу — «Автопортрет с любимыми писателями».

СВИФТ

СЕРВАНТЕС

АКТРИСА
ТЕАТРА «СОВРЕМЕННОК»
ТАМАРА ДЕГТЯРЕВА
В СПЕКТАКЛЕ
«ДВЕНАЦАТАЯ НОЧЬ
ШЕКСПИРА»

ГАШЕК

БОККАЧЧО

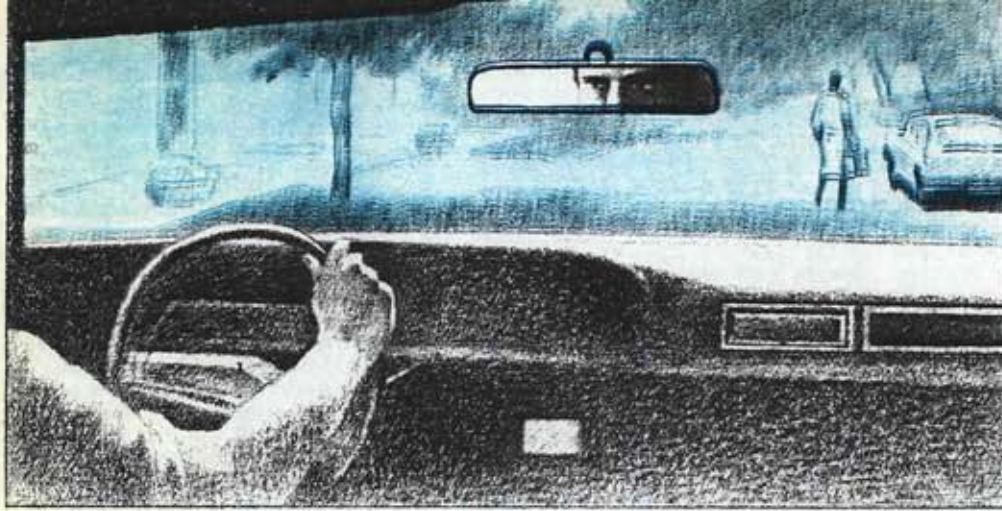

Рисунок Вячеслава ТАРАКАНОВА

— Разумеется,— уверяет Кро.— Но я думаю, что они освободят ее вместе с ребенком. Дело удалось, и этим людям нет смысла усложнять свое положение, применив насилие против полицейского. Если все произойдет, как я предполагаю, я посоветую министру организовать на телевидении шумиху по поводу самоотверженности и героизма французской полиции. Это заставит газеты заткнуться. Что касается расследования, надеюсь, что пленники сообщат нам новые детали, которые позволят отыскать место, где их держали бандиты.

— Не очень-то рассчитывайте на это,— бурчит Видалон.— Судя по тому, как преступники до сих пор заматали следы, они, по-моему, чрезвычайно хитры...

— Посмотрим,— с надеждой произносит Кро.— И потом продолжается тщательное изучение окружения Лефевров. Особенно мадам Лефевр. А ее окружение — это сливки общества...

— Здесь есть что-нибудь новое?

— Спецслужба, полиция нравов — все работают в этом направлении. Арлетта Лефевр общается с интересным народцем. Говорят, что она является украшением малоприличных вечеринок у Мириам Некар.

— Жены промышленника?

— Совершенно верно. Поставщика всех видов оружия...

— Ну, его не тронешь.

— Так-то так,— признает Паскаль Кро.— Но, быть может, это не относится ко всем приятелям его жены. Вы знаете мою теорию. Я убежден, что люди, организовавшие это дело, не бандиты. В наших архивах их искать ни к чему. Они прекрасно знали свою жертву, ее привычки, вероятную реакцию на похищение, а главное, финансовые возможности. Они действовали наверняка, потому что были хорошо осведомлены. А информация исходила от кого-то, кто тесно общается либо с хирургом...

— Либо с его женой,— дополняет Видалон.— Вы, вероятно, правы, шеф. Но есть и другой след.

— Разумеется,— соглашается комиссар.— Фальшивая медсестра. Для того, чтобы осмелиться проникнуть в калате и маске в операционный блок, надо иметь свободный доступ в больницу или хотя бы хорошо знать обстановку.

— До такой степени, что это могла бы быть и настоящая медсестра, не так ли, шеф?

— Или бывшая медсестра, или же любая другая женщина, имеющая близкое отношение к больничному миру вообще, к больнице Питье-Сальпетриер в частности. Таковы отправные моменты расследования. Поскольку теперь наблюдение за доктором потеряло смысл, вы вернетесь к себе и несколько часов отдохнете. Затем получите новое задание. Так или иначе, самое срочное сейчас — это ждать... Ждать освобождения мальчугана.

— И мальшки Жанвье,— добавляет Видалон.

— И мальшки Жанвье,— повторяет, не споря, но с некоторым раздражением Кро.

Как раз в этот момент звонит телефон, комиссар снимает трубку, коротко отвечает:

— Хорошо. Буду через пять минут. Теперь моя очередь отправляться на экзекуцию,— комментирует он, поворачиваясь к Видалону.— После взбучки у префекта пойду «оперировать» доктора Лефевра...

ГЛАВА XVI

«Вот так, должно быть, в тюрьме,— размышляет Мари-Клод Жанвье.— Время отмеряется по всегда одинаковому шуму отпирающихся и запирающихся замков и по тяжелым шагам тюремщика».

Хоть она и носит форму французской полиции, ее представления о тюремной жизни основываются на виденном в кино и по телевидению.

В шестой раз с тех пор, как они заперты в этой комнате, повторяется та же процедура. Вначале с металлическим звоном хлопает дверь на первом этаже. Затем на лестнице раздаются шаги. Накану-

не шаги Мюриэл и фальшивого чернокожего были очень легки. Шаги их сегодняшнего тюремщика гораздо тяжелее, и можно без труда догадаться, что идет один человек.

Затем в замке поворачивается ключ...

Мари-Клод осторожно приподнимает табурет, устремляет полный надежды взгляд на Фабиена, который, разлегшись на кровати, делает вид, что читает.

Дверь открывается вовнутрь от удара ногой и прячет Мари-Клод. Толстячок в капюшоне, с пистолетом в руке, не входя, окидывает комнату взглядом. Поднос с грязными кружками и хлебными крошками стоит на столе посреди комнаты.

— Эй, парень! — зовет Бьянкари.— Давай сюда поднос, я его унесу.

В ответ на приказание Фабиен молчит, как будто ничего не слышал.

— Эй, парень! — повторяет Бьянкари громче, помахивая пистолетом.— Слышишь, что я говорю? Принеси поднос. Рысью!

Мальчик соизволяет приподняться на локте, чтобы взглянуть на него.

— Это ты мне? — спрашивает он вежливо.

— А кому же еще, парень? — удивляется бандит.

— Ну, со мной обычно так не разговаривают,— невозмутимо произносит Фабиен.— А потом дома у меня есть няня, и это она носит подносы. Так что, если он тебе нужен, можешь взять его сам.

Бьянкари делает движение вперед, но застывает с подозрительным видом. Самоуверенность этого сопляка его ошеломляет. Не таким представлял он себе сына доктора Лефевра.

— Может, ты хочешь еще, чтобы я надавал тебе по заднице? — рычит он в ярости.

— Вот-вот,— насмехается Фабиен.— И я скажу судье, что ты меня пытал.

Несколько растерявшись, Бьянкари предпочитает сменить тему.

— А где легавый в юбке? — спрашивает он подозрительно.

— Мари-Клод принимает душ,— любезно отвечает Фабиен.— Ты разве не слышишь?

— Неправда,— не верит Бьянкари.— Только что она была одета.

— Ага... — с неотразимой логикой соглашается ребенок.— Потому что ты должен был прийти, а я еще был в постели. Но она не успела принять душ.— И, словно поразмыслив, добавляет:— Если не веришь, можешь пойти посмотреть.

Это невинное предложение пробуждает воображение бандита. Мари-Клод Жанвье — одна из самых красивых женщин, которых ему приходилось видеть. Он отметил это про себя еще накануне, когда сажал ее в фургон.

Распаленный воображением, ослепленный желанием перейти к действию, Бьянкари с пистолетом в руке перешагивает порог.

Мари-Клод Жанвье, с бьющимся сердцем наблюдавшая за происходящим в щель между наличником и створкой открытой двери, поднимает табурет как можно выше над головой, и когда толстая фигура Бьянкари появляется в комнате, изо всех сил обрушивает свое оружие на укрытый капюшонный затылок.

Эффект поразительный. Бьянкари буквально от-

летает к столу, который рушится под его тяжестью, и посуда с грохотом разбивается на полу. Затем он медленно сгибает колени и утыкается носом в дешевый сосновый паркет, покрытый протершимся ковром. Пистолет вываливается из его рук и оказывается возле кровати.

Фабиен кидается к оружию.

— Ты пристукнула его, Мари-Клод! — вопит он, приплясывая от радости.

Потом, стоя на цуки согнутых ног, он держит пистолет обеими руками, как показывают в каждом фильме про гангстеров.

— Осторожно, Фабиен,— пугается Мари-Клод.— Это очень опасно. Сейчас же дай его мне! Она сознает двойную опасность ситуации. С одной стороны, бандит, который наверняка лишь оглушен и с минуты на минуту может прийти в себя, с другой — мальчик, держащий в руках пистолет, а пистолеты частенько стреляют сами по себе.

— О Мари-Клод,— умоляет Фабиен.— Позволь мне немножко поиграть. В первый раз у меня настоящий пистолет.

— Послушай, Фабиен. Ты очень умный мальчик. И я обещаю, что дам тебе его попозже, а сейчас он нужен мне. Этот тип страшно опасен.

Подчиняясь, он протягивает ей свою новую игрушку, которую она с облегчением хватается и наставляет на Бьянкари, отойдя, однако, на два шага назад. Но с этой стороны опасность, кажется, пока не грозит: бандит не шевелит ни рукой, ни ногой.

— Ты его убила, скажи? — в страшном возбуждении спрашивает Фабиен.— Ты его убила?

— Нет. Он оглушен и вот-вот придет в себя. Только не подходи к нему.

Она говорит так, чтобы убедить себя, но большой уверенности не чувствует, потому что на капюшоне Бьянкари постепенно расплывается красное пятно. Мысль о том, что она убила человека, повергает ее в трепет.

— И что, ты его оставишь вот так? А если он очухается?

— Рискнем. Вот уже пять минут мы рискуем вместо того, чтобы убежать. Идем же скорей.

Какое-то шестое чувство подсказывает ей, что толстяк так быстро не придет в себя. И все же ей не терпится удалиться от этого лежащего на полу тела.

Мари-Клод хватается за сумку на длинном ремне, с которой не расстается, пропускает Фабиена вперед, закрывает за собой дверь, бросив последний взгляд на свою жертву и невольно вздрогнув при этом. Она дважды поворачивает ключ в замке, как это делали их тюремщики.

— Спускайся. Быстро.

Мари-Клод идет по лестнице вслед за Фабиеном, вся как натянутая струна. Внизу — две двери, которые она заметила еще накануне. Одна, из матового стекла или скорее из стекла, замазанного белой краской, ведет на улицу. Вторая — в гараж.

— Встань позади меня, Фабиен.

Правой дрожащей рукой она сжимает пистолет, левой — толкает одну из дверей. Отправившись за подносом, Бьянкари, разумеется, не запер ее на ключ. Выглянув, Мари-Клод видит кусочек запущенного сада и угол дома, вероятно, довольно большого, увитого плющом и диким виноградом.

Юрий ЩЕГЛОВ

Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?

Ф. ТЮТЧЕВ

1

История обладает удивительным свойством. Она позволяет привлечь и укрупнить черты личности, которые по душе современности и без которых современность не хочет и не может идти вперед. Давнее неустанно обогащает людей, но всегда ли правильно используется найденный достаток? Федор Иванович Тютчев был недаром обеспокоен судьбой духовного и литературного наследия Жуковского. Прежде остального оно требовало доброжелательного и открытого отношения и глубокого проникновения в суть поступка или произведения. Мотивы действий поэта очень часто были неясны окружающим, и даже потомкам судить о них было сложно. Но время обнажило и обострило смысл и сердечных движений, и житейских фактов, и они сомкнулись в нерасторжимую цепь, откованную из благородного металла, вытолкнув ненужное, необязательное.

Противоречивость общественных идеалов Жуковского бесспорна. С теми, с кем дружил, резко расходился во мнениях, и они его критиковали жестоко и порой несправедливо. А с теми, с кем думал одинаково, дружить не желал, хотя они хвалили и приближали к себе. Он был соткан из внутренних конфликтов и парадоксов, но его почему-то считали примером цельности и равновесия. Внешне размеренное бытие вводило в заблуждение, и заблуждение длилось десятилетиями. Страстный порыв в будущее был в высшей степени характерен для поэтики и человеческого облика Жуковского. В преклонном возрасте, на краю могилы, он легчайшим очерком пера создал автобиографический образ певца, установив свою прочную связь с грядущим. Поэт, «пращур лебединый», обращается к «резвой молодежи», созывая молодых лебедей, и они прилетают, заслышав трепетный голос:

*Лебедь благородный дней Екатерины
Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый;
И когда допел он, на небо взглянувши...
К небу, как во время оно бывало,
Он с земли рванулся... и его не стало
В высоте... и навзничь с высоты упал он;
И прекрасен мертвый на хребте лежал он,
Широко раскинув крылья, как летящий он,
В небеса вперяя взор уж не горящий.*

Изысканная в графичной простоте форма отличается

ДРУГ МИРЫ

мощной, запоминающейся мелодической основой. Сквозь разнообразие звуковых красок проступает четкий контурный рисунок. Пластическая идея Жуковского отпечатывается в сознании не измененная индивидуальным восприятием. Через несколько месяцев — 12 апреля 1852 года — его действительно не стало. Завершился славный полувековой путь в мировой литературе. Я не оговорился, нет! Он был одним из первых русских писателей, который сделал нашу словесность неотъемлемой частью мирового литературного процесса. И речь здесь, конечно, в последнюю очередь идет о переводческой деятельности.

2

У Жуковского почти не было периода ученичества. В 1802 году, едва успев окончить Московский университетский благородный пансион, он печатает в журнале Карамзина «Вестник Европы» элегию «Сельское кладбище», источником которой послужило произведение англичанина Томаса Грея. Карамзин меняет последний слог фамилии молодого человека. Отныне он Жуковский, а не Жуковской. К собственному прозвищу Василий Андреевич вначале относился прохладно. Оно принадлежало бедному дворянину, приживалу в доме отца тульского помещика А. И. Бунина. Мать Жуковского — пленная турчанка Сальха — попала к нему в крепостную зависимость, и полурабское происхождение всю жизнь тяготело над поэтом, сыграв в личной судьбе печальную роль.

Успех «Сельского кладбища» отчасти объяснялся тем, что в произведении наряду с красотами стиля содержалась обдуманная и выношенная социальная концепция, гуманная по своей природе и восходящая к отечественной освободительной — радищевской — традиции. По выражению одного из писателей и философов прошлого, «истинно человеческая поэзия в России» сразу проложила себе дорогу. Труд земледельца показан в элегии во всей широте и значительности. Он вызывает преклонение у Жуковского:

*Как часто их серпы златую ниву жали,
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали,
И потом их лица кропилися земля!*

*Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам...*

Уважение к занятиям крестьянина — вот идейная подкладка русского варианта, созданного в тот период, когда положение крепостных оживленно обсуждалось в среде только народившейся интеллигенции нового, александровского, времени. Московские юноши группировались вокруг семьи Тургеневых. Глава ее — Иван Тургенев, возвращенный императором Павлом I из ссылки, — был не так давно назначен директором пансиона и ректором университета. С сыновьями Андреем и Александром сошелся Жуковский. Блистательный талант рано умершего Андрея Тургенева бросил отсвет на дальнейшую деятельность Жуковского, который не забывал товарища до последнего вздоха. Именно Андрей Тургенев, первый переводчик гетевского «Вертера», привил младшему другу интерес к Шиллеру, к эпохе «бури и натиска», к немецкому романтизму. Однако «Дружеское литературное общество», организованное Тургеневыми, Жуковским, Мерзляковым, Кайсаровым и другими, ориентиро-

валось также на величайшие образцы поэзии XVIII века. Ломоносов и Державин были их кумирами.

3

Здесь стоит несколько отвлечься и перенестись в 1839 год. Вот как раскрывает поэт побудительные мотивы к повторному переводу греевой элегии: «Находясь в мае месяце 1839 года в Виндзоре, я посетил кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегию (оно находится в деревне Stock Poges неподалеку от Виндзора); там я перечитал прекрасную грееву поэму и вздумал перевести ее как можно ближе к подлиннику. Этот второй перевод, почти через сорок лет после первого, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу в знак нашей с тех пор продолжающейся дружбы и в воспоминание о его брате».

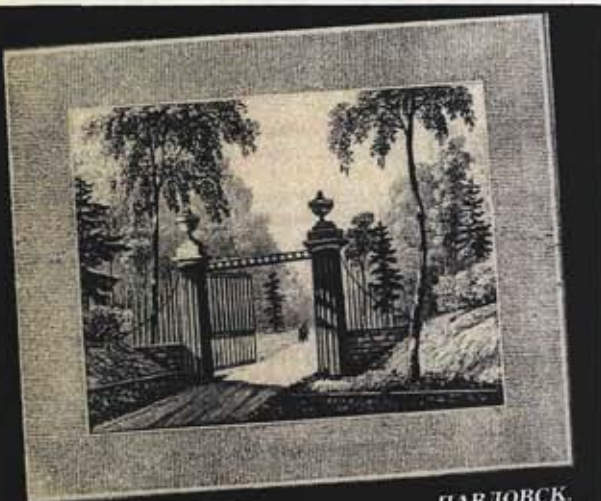
Перенесемся еще дальше в толщу времени и посмотрим, что писал Жуковский 6 февраля 1848 года Николаю Васильевичу Гоголю: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум, — как огниво, которым надобно ударить о камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое или по поводу чужого — и все, однако, мое». Какое невольное заблуждение! Все принадлежит ему по сути! Как он становится нелюбопытен для русского чтения, когда словесно и духовно копирует оригинал! Александр Тургенев не воспринял сразу второй перевод, но позднее согласился с Жуковским и признал его «верность». Думается, что начальное чувство не подвело Тургенева. Но что нам-то до верности?! Мы ищем теперь у Жуковского не Томаса Грея, а русский взгляд, душу, русское понимание жизни народной.

Однако ж сравним. «...Как часто серпам их Нива богатство свое отдавала; как часто их острый Плуг побеждал упорную глыбу; как весело в поле К трудной работе они выходили; как звучно топор их В лесу густом раздавался, рубя вековые деревья! Пусть издается гордость над их полезною жизнью...» и т. д. Жуковский в первом переводе пренебрег лексикой, идеализирующей образ жизни и труд крестьянина. Строки звучат энергичнее, и я бы даже сказал — революционнее. Нива у Жуковского не отдает богатство: хлеб жнут. Крестьяне выходят в поле не с веселой улыбкой, как у Томаса Грея. Землю они поливают потом. Не гордость издается у Жуковского «над их полезной жизнью», а «рабы сует их жребий унижают»!

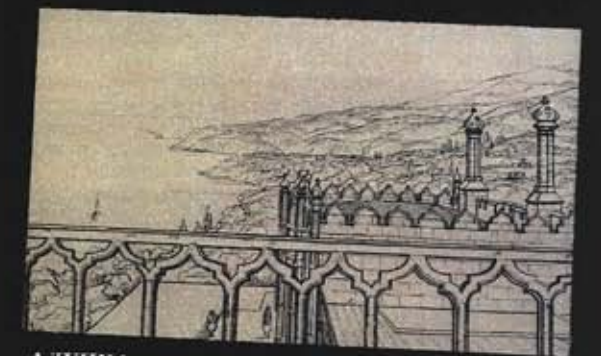
Лексический анализ убеждает в чисто русской эмоциональной подоснове элегии «Сельское кладбище», датированной 1802 годом. Конечно, не очень-то удобно оспаривать мнение и самого Жуковского, и его современника и друга, знатока литературы и соратника Пушкина Александра Ивановича Тургенева, одно имя которого внушает почтение. Но мы ведь живем для того, чтобы не повторяться, мы живем, наверное, для того, чтобы приносить что-то свое, выстраданное, и, снимая шляпу перед славными предками, идти нехоженым путем, нехоженой дорогой, изменяя свою точку зрения в соответствии со своими чувствами, со своей привязанностью к Жуковскому. Не будет ошибкой утверждать, что подобный подход позволит, не искажая историю, обогатить мужеством и прелестью прошлого день нынешний.

4

Воинская доблесть, по-видимому, не была в числе сильных сторон доброй и мягкой натуры Жуковского. Он не приукра-

ПАВЛОВСК.
ГРАВЮРА ХУДОЖНИКА КЛАРЫ
ПО РИСУНКУ В. А. ЖУКОВСКОГО.

АЛУШКА.
ВОРОНЦОВСКИЙ ДВОРЕЦ.
ГРАВЮРА ЛАЗИНСКОГО
ПО РИСУНКУ В. А. ЖУКОВСКОГО.

МУРАТОВО.
СЕПИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО.

шивал собственную роль в Бородинском сражении и честно признавался, что он «певец, по слуху знавший бой!». На расстоянии всего двух верст позади главной армии, в тылу гренадерской дивизии, он без страха и безуховской растерянности наблюдал за происходящим. Обстоятельства, однако, могли оборотиться иначе, и тогда — кто ведает? — с чем бы довелось столкнуться Жуковскому. Он ушел на фронт, говоря сегодняшним языком, поручиком московского ополчения. За неделю перед тем мать девушки, которую он боготворил, отказала от дома. Сердце было разбито, душа уязвлена. Он не искал смерти на поле брани и многое успел понять и о многом успел поразмыслить: «Судьба велела мне видеть войну во всех ее ужасах». В послании к Александру Тургеневу Жуковский не утаивает подлинных причин вступления в армию: «в это время всякому должно было быть военным, даже и не имея охоты». «Не для чина, не для креста» он записался под знамена. Со свойственной ему человеческой скромностью Жуковский ни капли не кичился тем, что был свидетелем кровавых битв. Он искал истину не только в будущем мире, но и в себе самом.

«Певец во стане русских воинов» принес поэту громкую известность. Жуковский стал знаменит. С небывалой лирической энергией и одушевленностью он сложил гимн героям Отечественной войны 1812 года. Стихи вобрали патристические настроения целой страны, но вместе с тем были окрашены в тона, характерные только для стилистики Жуковского. Звуковая палитра, полифоническая мощь, про-

своеобычный лад, чисто славянская гармония, внутренняя напряженность, содержание моральных, военных и исторических оценок, верность взгляда, наконец, народность и непреклонная, я бы сказал — смертная, то есть до самой смерти, приверженность к источнику сущего — к мирной земле, не только не утратили ныне поразительного магнетизма, но, наоборот, приобрели какую-то новую над нами власть:

*Прочь, низко! прочь, злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба;
В высокой доле — простота;
Нежадность — в наслажденье;
В союзе с равным — правота:
В могуществе — смиренность.*

Замечательно, что этический элемент, философски осознанный и выраженный лирическими средствами, раздвигает рамки задачи, которую первоначально ставил Жуковский. Особенности его человеческой природы и здесь сыграли серьезную роль, придав эпическому полотну абсолютно неожиданный аспект. Жуковский требует от общества выполнения целого ряда условий, некоего кодекса, без которого достижение благодетельной цели немислимо. Это качество «Певца во стане» до сих пор не исследовано должным образом, хотя именно оно отличает произведение, сообщая ему размах и широту. После публикации «Певца во стане»

Якушкина более рельефно высвечивают фигуру подзащитного Жуковскому декабриста. Они придерживались наиболее враждебной позиции по отношению к царствующей династии Романовых. «Меланхолический Якушкин, Казалось, молча обнажал Царубийственный кинжал...» Лунин же после каторжных тюрем и Нерчинских рудников был заперт в Акатуи, ибо и на поселении не успокоился: написал книгу «Взгляд на тайное общество в России (1816—1826)». Между царем и Жуковским произошел по поводу Николая Тургенева неприятный разговор, но поэт не отступил и продолжал хлопоты, не скрывая постоянной заинтересованности в делах братьев Тургеневых.

И до Сенатской он слыл человеком отзывчивым, неугомонным ходатаем. Он раздражал чиновников разных рангов своими просьбами. Не выполнить нелегко, пообещать — не отстанет, а выполнить страшно. Приведу любопытный и почти анекдотичный случай. В конце 1823 года Жуковский специально сделал перевод для актрисы Колосовой пьесы французского драматурга Скриба по желанию петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича, которому хотел услужить, ожидая и от того услуги — избавления безымянного бедняка от ссылки.

Необыкновенная способность воспринимать несчастье посторонних как свое! Эта способность — лейтмотив всей жизни Жуковского. Пожалуй, у Жуковского частной жизнью-то и не было. Даже любовь, которую он познал, волею обстоятельств стала прикосновенна к чувствам других людей.

ПРОСВЕЩЕННОЙ

странственная глубина и широкий социальный фон — вот наиболее отличительные черты «Певца во стане». Если бы Жуковский не вступил добровольно в армию Кутузова, так же как если бы среди защитников Севастополя не находился Лев Николаевич Толстой, ни «Певец во стане», ни «Война и мир», вероятно, не были бы созданы. Для нас сейчас важны готовность поэта к самопожертвованию, стремление слиться с народом в едином сердечном порыве. Он не уклонялся от вражеского штыка, он повиновался приказу. Вот почему при чтении «Певца во стане» нас не покидает острое ощущение возвышенной до героики реальности.

5

*На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку! —*

так начинает Певец. Обращаясь к воинам, он вспоминает славных предков: Святослава, Донского, Петра I и Суворова. Он зывает к исконному, впитанному с молоком матери чувству русских солдат — любви к родине:

*О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?*

Различные слои общества сразу поняли и приняли всенародность «Певца во стане». Несмотря на то, что Жуковский основное место отводит перечислению и характеристикам вождей русской армии, таких, как Багратион, Ермолов, Раевский, Милорадович, Витгенштейн, Платов и другие, им не забыто и храброе офицерство — Фигнер, Славин, Давыдов. Не забыты и рядовые солдаты. Армия породнена единой идеей, единым желанием одолеть врага:

*Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь, и смерть — все пополам;
Там дружба все лести,
Решимость, правда, простота
И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низким уз;
К венцам стезею правой!
Опасность — твердый наш союз;
Одной пылаем славой.*

Разноплановый образ русской армии, созданный поэтом в эпоху освободительной войны, вместе с тем монолитен, а не мозаичен, и за ним как бы встает образ ополчившегося против Наполеона народа. Устами Жуковского говорит народ, говорит народное мнение. О том, какой долголетний резонанс имел «Певец во стане», свидетельствует сам поэт. В 1839 году он присутствовал на празднике Бородинской годовщины: «Вечер этого дня я провел в лагере. Там сказали мне, что накануне в армии многие повторяли моего «Певца во стане русских воинов», песню, современную Бородинской битве; признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца...» Естественно, сегодня отдельные строфы волнуют нас другим и по-другому, чем прежде, но музыкальный строй, ритмы,

Жуковский приобрел почти такое же влияние на общество и культуру первой четверти XIX века, как Николай Михайлович Карамзин.

6

Если с пристрастием проанализировать этическую структуру «Певца во стане», то вовсе не вызовет удивления, что с Жуковским, который был после Отечественной войны 1812 года приближен ко двору в качестве наставника будущей императрицы Александры Федоровны, жены великого князя Николая Павловича, а позднее назначен воспитателем наследника — великого князя Александра Николаевича, искали непосредственной связи вожди декабризма, не только либерального крыла, но и революционного. Деятельность Жуковского как вдохновителя литературного общества «Арзамас» внушала им симпатию. Вопрос здесь уместно поставить объемнее.

Декабристы были заинтересованы в том, чтобы иметь на своей стороне опытных государственных людей типа А. П. Ермолова, Н. С. Мордвинова, М. М. Сперанского. Адмирал Н. С. Мордвинов единственный из членов Верховного уголовного суда не подписал смертный приговор декабристам. Над генералом А. П. Ермоловым долго тяготело подозрение в связях с преступниками. И какими! Уголовными... Самодержавие рассматривало декабристов как уголовных преступников, о чем свидетельствует хотя бы название судилища. Разумеется, Жуковский мог укрепить авторитет «Союза благоденствия», возглавлял который в числе других и князь С. П. Трубецкой, избранный диктатором восстания на Сенатской.

Пушкин не был посвящен в планы декабристов. Известно, что руководство Южного общества поручило князю Сергею Григорьевичу Волконскому принять его. Волконский, однако, отверг эту идею, объяснив позднее, что он угадал в молодом человеке «великий талант, предвидя славное его будущее и не желая подвергать его случайностям политической кары, воздержался от исполнения возложенного на него поручения». Думается, что не исключительно указанная причина изменила намерения Волконского. Жуковский же был ознакомлен с уставом «Союза благоденствия». Он отказался от опасного предложения Трубецкого, мотивируя тем, что не в состоянии выполнить предъявляемые требования. Но он дал оценку устремлениям декабристов, подчеркнув, что их рассуждения содержат в себе мысль «благодетельную» и «высокую». Значит, Жуковский прекрасно знал о существовании тайного революционного общества, созданного годом ранее его бесед с Трубецким, который надеялся с помощью литераторов и печати распространять просвещение.

7

Знал и молчал. А после Сенатской, когда от декабристов многие в ужасе отвернулись, активно вмешивался на протяжении более десяти лет в их судьбы. Попытка облегчить положение Николая Тургенева лишь отчасти зависела от дружеских связей с семьей покойного друга. Вступаться за Николая Ивановича было крайне невыгодно. Он был видным деятелем революционного крыла декабризма. Пушкин обесмертил его имя в десятой главе «Евгения Онегина»: «Одну Россию в мире видя, Преследуя свой идеал, Хромой Тургенев им внимал И, плети рабства ненавидя, Предвидел в сей толпе дворян Освободителей крестьян». А внимал Николай Тургенев Лунина и Якушкина и самому поэту. Имена Лунина и

ИНТЕРЬЕР
АКВАРЕЛЬ В. А. ЖУКОВСКОГО

ОРЕНБУРГ.
РИСУНОК В. А. ЖУКОВСКОГО

ПАВЛОВСК.
(ВОРОТА ДАЧИ ГЕНЕРАЛА ШИШОВА)
РИСУНОК В. А. ЖУКОВСКОГО

В балладах, вероятно, активнее, чем в произведениях других жанров, Жуковский демонстрирует универсальность дарования и влияние рисунка на поэтическое воплощение темы. Реалистический пейзаж занимает ключевое положение в композиции баллады. Его не так уж сложно вычленишь, но лишь сделав это, мы поймем, чем и как достигается яркость впечатления, несмотря на цветовую сухость и стремительно меняющиеся кадры:

*Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрываая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.*

Происходящее в хижине контрастирует, конечно, с пейзажем, оттеняя, но не противореча по внутренней структуре. Целый ряд признаков намекает, что Светлана в забытьи, что картины, ей привидевшиеся, — плод разгоряченной фантазии. Вполне естественно, что девушка, тоскуя в разлуке с милым, воображает себе страшное. Что ж тут удивительного! Деревенский характер взят Жуковским из гущи народного быта и изображен верно, без ложной слащавости и сусальности лука. Элементы «ужасного» после пробуждения Светланы воспринимаются органично, как порождение сна. И опять пейзаж быстро возвращает к действительности:

*В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит...*

И далее:

*Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...*

Сон Светланы, к счастью, не пророческий, жених рядом с ней живой и здоровый. Чего же стоит гадание?

12

Жуковский любуется обычаем как частью этнографического богатства, как орнаментом, украшавшим минувшее. Он снижает мистическую роль гадания. Он отрицает значение обряда, его власть над судьбами. Отвергая мистицизм, Жуковский объективно способствует распространению просветительских идей, которые с таким трудом прокладывали дорогу среди сумятицы чуждых веяний и мнений. Мягкая ирония Жуковского убивает романтизм определенного толка, сбивает с пьедестала правительственный мистицизм и вместе с тем разрушает искаженные и нелепые представления о себе как о поэте, проповедующем чертовщину.

*Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки? —*

с доброй усмешкой вопрошает поэт. Вывод баллады не вызывает сомнений — человеческая любовь и верность торжествуют:

*Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки...*

Мудрая формула вновь возвращает к обыденному. Где же черный враг, который, «свистая крылом, вьется над санями»? Где прочие «страшные» атрибуты? Они рассеялись в прах, исчезли.

«Светлана» — произведение не просто со счастливым концом. Жуковский выдвигает и защищает стройную философскую концепцию. Добро побеждает, преодолевая препятствия закономерно. Сердца соединяются не случайно, а вопреки злу. Мировая справедливость есть. Однако занавес, который задерживает рука автора, еще на мгновение задерживается. Высокая поэзия и интимные переживания Жуковского становятся рядом:

*Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет судья лукавый.*

И далее:

*О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...*

Финальные строки бросают отсвет на сугубо личные обстоятельства. Мягкая ирония сменяется неприкрыто жесткой интонацией. Однако резкий выпад в сторону великосветского обывателя не диссонирует, не вступает в противоречие с мелодией рассказа, а, непостижимым образом влетаясь в строй баллады, искусно завершает ее. Архитектура финала классична. Она придает балладе еще большую монументальность и эпический размах. Вековые традиции

окупают создание поэта. «Певец во стане русских воинов» и «Светлана» сияют из глубины лет немеркнущим светом. Метрика их до сих пор не утратила великолепия и убеждает нас в том, что Жуковский реформировал русский стих в первое десятилетие XIX века.

13

Известный советский писатель Михаил Козаков в столетнюю годовщину со дня смерти Пушкина опубликовал в газете «Правда» прелюбопытнейший документ, непосредственно касающийся Жуковского. Мне до сих пор неясно, чем руководствовался голландский посол Луи де Геккерн, агент министра иностранных дел К. В. Нессельроде и один из главных устроителей гнусной интриги против Пушкина, оповещая собственное правительство о расстановке сил в Петербурге за два дня до высылки Дантеса, то есть 17 марта 1837 года, когда у него-то самого были горячие денечки — распродажа имущества, проводы «сына», выработка линии поведения. Однако он нашел время оценить роль Жуковского в происходящих событиях: «Истинным главой партии (имеется в виду «русская партия», настаивающая на реформах) является г. Жуковский... Это человек, быть может, менее популярный, чем г. Пушкин, хотя также очень любимый как поэт; но его проницательность, ловкость, с каковой он направляет действия своей партии, не совершая ничего, что могло бы скомпрометировать его лично, делают из него очень интересный объект для постоянных наблюдений в будущем».

Надо признать, что Луи де Геккерн правильно отметил возросший моральный вес поэта. Но глава целой партии? За скучными формулами дипломатического документа стоит многое и, в частности, довольно точное определение места Жуковского в обществе. Иностранцы послы — внимательные наблюдатели. Они нередко ошибаются в оценке ситуации, но что касается роли людей в государственных делах, то здесь, полагаю, можно довериться Луи де Геккерну. На его мнение о Жуковском, очевидно, наложили отпечаток действия поэта после смерти Пушкина. Именно гибель Пушкина, а не только смерть произвела на Жуковского трагическое и неизгладимое впечатление. Жуковский был первым и единственным человеком, кто вмешался в «Affaire de Pouchkine» сразу после отсылки картеля Дантесу. Он приложил немало усилий, чтобы предотвратить дуэль, и не его вина, что на Черной речке все-таки прогремели выстрелы. 29 января — в день рождения Жуковского — Пушкина не стало. События проклятой зимы, безусловно, оказали влияние на изменение гражданской позиции Жуковского и на его душевное состояние. Гибель Пушкина он переживал мучительно и совершил в этот период ряд поступков, противоречащих устоявшемуся о нем мнению как о человеке осторожном и не желающем сойтись с властями. Нельзя предположить, чтобы действия царя в «Affaire de Pouchkine» остались им не замеченными и не оцененными. Письмо Жуковского шефу жандармов Бенкендорфу наполнено острой критикой в адрес правительства. Александр Тургенев заметил в дневнике, что Жуковский «закатал Бенкендорфу». Закатал — слишком мягко сказано! Гениального поэта, по словам Жуковского, полицейские власти травили долго и методично. Жуковский прямо обвинял второго по значению государственного деятеля самодержавной России в несчастье Пушкина.

Жуковский привык терять близких друзей и родных, но гибель Пушкина потрясла его еще и как явление, затрагивающее судьбы народа, судьбы мировой культуры. Решения у него вызревали медленно, но и бесповоротно. Обстоятельства его скорой отставки и отъезда через три года в Германию, вероятно, тесно связаны психологически с убийством «победителя-ученика». Невозможно иначе себе представить несколько отдаленную временем реакцию его души на совершившееся злодейство.

14

Обязанности придворной службы, однако, вынудили Жуковского сопровождать наследника престола в путешествии по России. Путешествие предполагалось длительным и подробным. Впечатления Жуковского сохранил дневник, в котором ежедневно делались записи. Он увидел Россию, глубоко понял ее, осматривая не только то, что хотели и отваживались показать губернаторы и городничие. Впервые перед ним так крупно и зримо предстала жизнь крестьянского и рабочего люда. Позднее неблагоприятное стечение обстоятельств не позволило развернуть конспект в книгу. Это была бы, можно предположить, потрясающая исповедь путешественника, судя по объему и качеству торопливых, дурным почерком схваченных картин. Конспект дополняли рисунки, в которых поиск истины, правды, суровой реальности открывает перед зрителем потаенные надежды и намерения автора. Жуковский в совершенстве владел контуром, что позволило фиксировать и довольно подробно мгновенно сменяющийся сельский и городской ландшафт. Направленность дневника убедительно свидетельствует, что Жуковский интересовался не показной, не декоративной, а оборотной стороной встреченного на пути. Направляется сравнение из более близкой для нас эпохи. Несостоявшаяся книга в главных чертах, вероятно, напоминала бы чеховский «Остров Сахалин». Вот выдержка из текста одного дня: «Ужасное состояние острога и больницы сыльных. Болезнь... Кожевенные заводы затопленные... Сторожевые караульни плетены. Бедность деревень». Через сутки: «Чтение бумаг к. Горчакова... О сыльных». 3 июня Жуковский заносит: «Разговор о сыльных...»

Мнение о допросах... После обеда — в тюремный замок». Под 4 июня мы читаем: «О поселенцах в Енисейской губернии. Обзаведение. Приселение к старожилам. Железные копи. Остатки промысла. Тобольск — бедный город... Тюремный замок». Количество такого рода выдержек легко увеличить, но и приведенные фразы подтверждают, что Жуковский ясно и непредвзято воспринимал реалии самодержавия и что он готовился к будущей большой литературной работе и, очевидно, к отчету, которому придавал бы значение государственного документа.

Во время путешествия Жуковский пытался оказывать давление на придворные круги. Делал он это не всегда осторожно, чем вызывал неудовольствие Николая I. В следующем году Жуковский сопровождает великого князя в Европу. Если несколько месяцев назад он вынужден был терпеть возле себя многих неприятных людей ради надежды встретиться с декабристами и помочь им, то после возвращения на родину в 1839 году Жуковский больше терпеть не хочет. Он порывает с двором. Внешним поводом к конфликту послужило поведение наследника. Жуковский отправляет императрице возмущенное послание, предупреждая, что солдатское воспитание неизбежно подготовит еще одно 14 декабря. Конечно, Жуковский рассматривал проблему власти и ее зависимость от нравственных устоев правителя достаточно примитивно и узко, но нельзя ему отказать и в прозорливости. В какой-то мере он предчувствовал кончину Александра II от руки героев-первомартовцев — Желябова, Перовской, Кибальнича...

Дальнейшее пребывание Жуковского при дворе, а следовательно, и в Петербурге немислимо. Он уезжает в Германию и 21 мая 1841 года женится на Елисавете Рейтерн, дочери известного немецкого художника и долготелого друга. В 1842 году у него рождается дочь, а в 1845-м — сын. При отставке Николай I предпочел способности приличия, слишком прочным авторитетом Жуковский пользовался и в России и в Европе. Чин тайного советника и тысячный пенсioen давал возможность поэту продолжить работу.

15

В 1851 году Жуковский получил письмо от Чаадаева, упрекающее в долгом отсутствии: «Зажались вы в чужой глуши; право, грех!» В нем Чаадаев выразил острую тоску России по Жуковскому: «Ни в печатном, ни в разговорном круге не осталось никого более из той кучки людей почетных, которые недавно еще начальствовали в обществе и им руководили...» России недоставало Жуковского. Но на чужбине он не расставался с Россией. Он по-прежнему ощущал себя исключительно национальным поэтом. Он много пишет и переводит. Основная часть времени потрачена на то, чтобы родина могла услышать Гомера в новом переводе. Гоголь в письме к Языкову утверждал: «Появление Одиссеи произведет эпоху». Он даже связывал с выходом из печати труда собственные литературные планы: «временами мне кажется, что второй том «Мертвых душ» мог бы послужить для русских читателей некоторой ступенью к чтению Гомера».

Отъезд Жуковского из Петербурга, его непреклонное нежелание более находиться при дворе иногда расценивают как сугубо личный биографический факт. Несомненным сейчас становится другое: отставка Жуковского — общественное явление, направленное на то, чтобы подчеркнуть несогласие с господствующей при дворе атмосферой. Вспомни, как воспринял намерение Пушкина уйти в отставку Николай I. Как бунт. Как мятеж. Мог ли Жуковский ежедневно встречаться с Бенкендорфом и Дубельтом после всего того, что они сделали с Пушкиным? После всего того, что они сделали с Лермонтовым? И после всего того, что Жуковский выложил в письме к Бенкендорфу? Не исключено, что последний как-то готовил отставку Жуковского, влияя на Николая I.

Вдали от России Жуковский жил ее судьбой, ее мечтами, ее печалью. До самой смерти. Современники его не всегда понимали. А он смотрел дальше. Через их головы, сквозь годы, в наш XX век. «Что за чертовски небесная душа?» — писал Пушкин брату. — Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще! Небесная душа! Хрустальная душа! Чистая душа! «Великим человеком» назвал его Герцен. «Позии чудесный гений», — писал Пушкин в «Руслане и Людмиле». «В «Евгении Онегине» есть еще две характеристики: «всего прекрасно певец» и «идол девственных сердец». Унтер-офицер Нейшлотского полка Боратынский в письме-исповеди уповал на «доброе сердце» Жуковского. Тарас Шевченко и вся украинская литература — целая литература! — обязана Жуковскому своим развитием и своей завидной долей в семье славянских литератур.

А сколько спасенных людей мы не знаем... И никогда не узнаем их имен...

Еще нет полного обзора влияния Жуковского на нашу нравственность и нашу литературу. Еще предстоит до конца познать его редчайшие человеческие качества и осмыслить вполне емкую и глубокую формулу: «Позия есть добродетель!» Еще ждут исследователя этические и философские концепции Жуковского. Впереди непопачатый край работы.

Жуковский не только гениальный писатель и великий человек. Жуковский — это сама культура в ее чистом, откровенном виде. Наша культура, отечественная, и культура мировая, всеобщая, всечеловеческая.

Жуковский — пример того, как возвышенное сердце и светлый ум способны облагородить суровую и жестокую подчас жизнь.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ГОРОДА-МИЛЛИОНЕРЫ

В 1900 году в мире насчитывалось всего 20 городов, население которых вместе с пригородами превышало один миллион человек. В настоящее время существует уже 225 таких городов, а к концу текущего столетия их число достигнет 400. К 2000 году 60 городов мира будут иметь свыше 5 миллионов жителей каждый.

«МОНД», ФРАНЦИЯ

БЛИЗНЕЦЫ И СТАТИСТИКА

Рождение двух близнецов — достаточно массовое явление. Это происходит в среднем один раз на 80 нормальных рождений. Тройня рождается много реже, но также не вызывает никакой сенсации. В дальнейшем пропорция сохраняется, то есть на 80 рождений троих близнецов приходится одно рождение четверки близнецов, а на 80 рождений четверки — одно рождение пятерки детей. В соответствии с этой пропорцией пятерка близнецов рождается один раз на 40 960 000 нормальных рождений, а шестерка близнецов — один раз на 3 276 800 000 нормальных рождений.

Однако в последнее время эта статистика все чаще нарушается. Причина заключается в гормональных препаратах, которые врачи прописывают бездетным женщинам с целью стимулировать рождаемость. В результате все чаще рождаются по пять, шесть и даже больше близнецов. Например, за период с 1694 по 1933 год известно только 34 случая рождения пяти близнецов. А за короткий период с 1934 по 1971 год зарегистрировано 25 таких случаев. За последние 80 лет отмечено 21 рождение шести близнецов, а с 1946 года зарегистрировано в общей сложности 14 случаев рождения семи, восьми и девяти близнецов. Но статистика зарегистрировала и двузначное число близнецов. Только в нашем столетии отмечено три рождения 10 близнецов: в 1924 году — в Испании, в 1934 году — в Китае и в 1946 году — в Бразилии.

«РАЗЕМ», ПОЛЬША

КОРОЛЬ МИНИ-ПОЕЗДОВ

К автомобилисту, ехавшему из Австрии в Швейцарию, подошел таможенник и вежливо спросил, не везет ли он чего-либо, за что следует платить пошлину. «Вокзал и два поезда», — ответил тот. Таможенник, оскорбившись, строго проговорил: «Не шутите, пожалуйста!» Мужчина спокойно открыл багажник и показал представителю власти две превосходно исполненные модели локомотивов 1918 года, вереницу вагончиков и ярко раскрашенный мини-атюрный вокзалчик, на фронтоне которого висели часы, показывавшие половину четвертого.

Этот автомобилист, швейцарец Алоис Боммер, занимает среди коллекционеров железнодорожных моделей такое же место, какое некогда занимал легендарный граф Феррари среди филатели-

стов: он их некоронованный король! С 1933 года, когда, будучи девятилетним мальчиком, он получил в подарок на рождество свою первую модель паровоза, Алоис Боммер собрал 3000 игрушечных локомотивов, 10000 вагончиков и сотни вокзалов, киосков, предупреждающих и информационных таблиц, фонарей, semaфоров и прочих предметов станционного обихода. Все — точные стиливые копии оригиналов разных времен.

Дом Алоиса Боммера переполнен миниатюрными паровозами и вокзалами. Они выставлены в витринах, стоят в шкафах и на полках, лежат в коробках и ящиках, в подвалах и коридорах.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

Сомнительный нимб пророка Муна

Четыре тысячи юных лиц сияют. Невесты (все в белом), женихи (все в синем) принимают «свадебное благословение в нью-йоркском Мэдисон-сквер-гарден от своего «владыки» и «воплощенного бога», который именует себя Мун. Большинство вообще впервые видит своего будущего спутника жизни; ведь «отец» сам подобрал женихов и невест заочно, по фотографиям из 54 стран мира.

Все они почитают Муна как святого. Иные даже уверены, что этот 60-летний потрепанный жизнью кореец есть вернувшийся на нашу погрязшую в грехах и пороках землю сам Иисус Христос.

Пророк Мун живет поистине в райских условиях. Его резиденция вблизи Нью-Йорка оценена в миллион долларов, другой дворец обшелев в двенадцать миллионов. Самый большой нью-йоркский отель также принадлежит «воплощенному богу». Его торговые операции ведутся с таким размахом, что это привлекло к ним внимание специальной комиссии конгресса. Вывод комиссии был весьма прямолинейным: «Объединенная церковь» Муна вместе со своими структурными ча-

«САМ ОХРАНЯЮ, САМ ВОРУЮ...»

Пятидесятилетний Дональд Фасс из штата Коннектикут, США, торговал приспособлениями для охраны квартир. Подобно другим торговцам он вначале показывал клиентам свой товар у них дома. После отъезда хозяев на отдых торговец-жулик проникал в их дом и покидал его, прихватив все, что считал нужным. Спустя некоторое время он вновь навещал клиентов, и вполне понятно, что многие просто жаждали купить приспособления, рекомендуемые Фассом. В конце концов полиция задержала его при выходе из ограбленного дома. Как выяснилось из полицейского досье, на счету Фасса — 26 мелких и 50 крупных уголовных преступлений. Несколько лет ему предстоит провести за дверями, затворы на которых надежнее, чем те, которыми он торговал...

«ТАЙМ», США

ПИРАТЫ XX ВЕКА

— SOS! «Калия III» обращается ко всем судам и береговым службам! Нас атакуют четыре катера. По палубе ведется интенсивный автоматный огонь...

В один из жарких июльских дней портовые радиостанции Карибского бассейна приняли обращение о помощи. На неоднократные просьбы сообщить свои координаты экипаж судна уже не ответил. Два дня спустя у побережья Багамских островов был обнаружен корвет длиной 13 метров с изрешеченными пулями бортами и окровавленной верхней палубой.

В наши дни пираты сошли со страниц романов и, вооружившись автоматами и пушками, стали нападать на проходящие суда у африканского побережья, в Мексиканском заливе, в Тихом океане, в Средиземном море, у берегов Малайзии и Филиппин. На Антильских островах нашли приют многочисленные банды контрабандистов, которые терроризируют местное население и приезжающих сюда на отдых туристов. Так, возле острова Андрос, входящего в группу Багамских островов, экипаж одного пассажирского лайнера в течение нескольких часов отбивал нападение двух пиратских судов. Несколько человек было убито, десятки ранены. На рейде колумбийского порта Буенавентура два катера взяли на бордаж крупнотоннажный контейнеровоз. В ходе ожесточенного боя с вооруженными до зубов бандитами морякам контейнеровоза удалось обрубить канаты и уйти под защиту береговых батарей. В докладе американского морского торгового ведомства указывается, что за последнее десятилетие свыше 600 судов исчезли по неизвестным причинам. В скольких случаях вина лежит на пиратах?

«БОЗМИЯ», КУБА

Самая древняя человекообразная обезьяна

Самые древние человекообразные обезьяны обитали, как утверждают, в Африке (Афарская пустыня) — на 500 тысяч лет раньше «претендента» на титул первого предка человека. Представители этого вида обезьян имели рост 135 сантиметров, а размеры их черепа не превышали размеров головы современных шимпанзе. Однако они передвигались на задних конечностях, а передние служили им для добывания пищи, для самозащиты и изготовления примитивных орудий. Останки таких обезьян обнаружены антропологом Калифорнийского университета Д. Кларком.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Во имя бога и доллара...

стями и зависящими организациями представляет собой многонациональное торговое предприятие, имеющее церковную вывеску и преследующее политические цели». Об этих целях свидетельствует тот факт, что в Западной Германии под «почетным патронатом Муна» действуют милитаристские антикоммунистические организации.

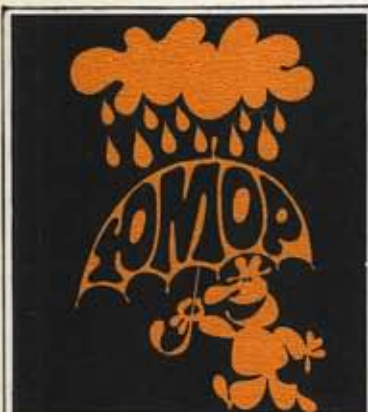
«ЦО ВАС ЗАЙИМА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЕСТЬ ЛИ В ПЕНЕ ПИВО?

Западногерманские пивовары решительно выступают против решения комиссии Общего рынка открыть зеленую улицу продаже пива зарубежных марок в ФРГ. Ссылаются на стародавний закон «О чистоте пива» (1516 год), который был принят во времена короля Баварии Вильгельма IV. По этому закону всем пивоварам строго наказывалось не использовать других компонентов, кроме ячменя, пивных дрожжей, хмеля и артезианской воды. Это требование действует и поныне, его никто не отменял. По свидетельству же пивоваров ФРГ, другие страны Общего рынка в своем производстве на шестьдесят процентов используют химические компоненты.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Дорогие читатели!
Ждем ваших оригинальных рисунков. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1983 года.

Рисунок Александра ЧЕРКАСОВА, г. Калинин

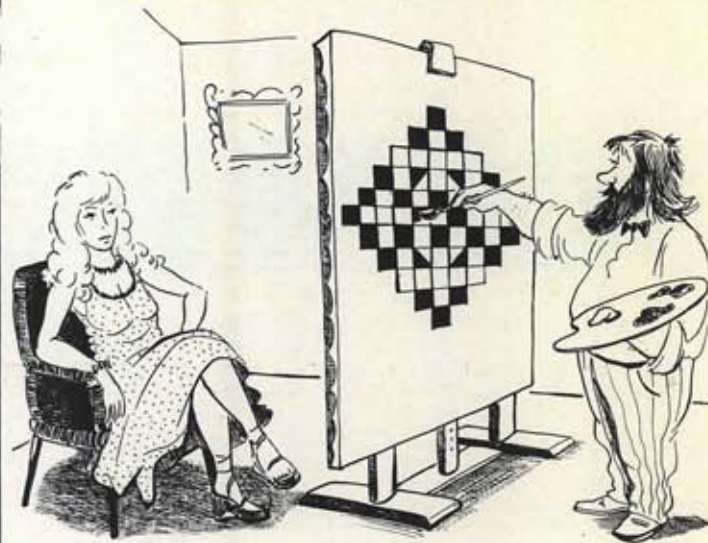

Рисунок Андрея ПОМАЗКОВА, Москва

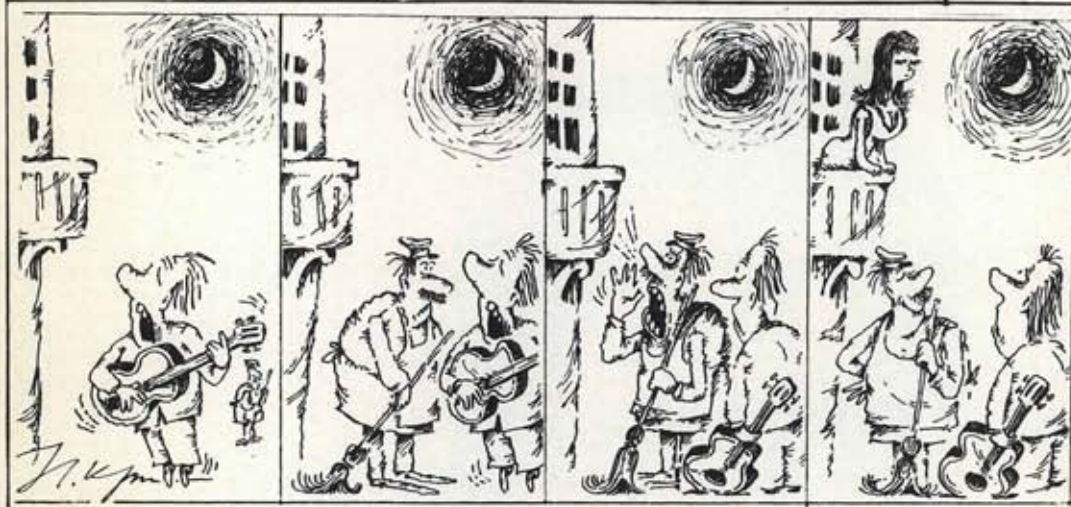

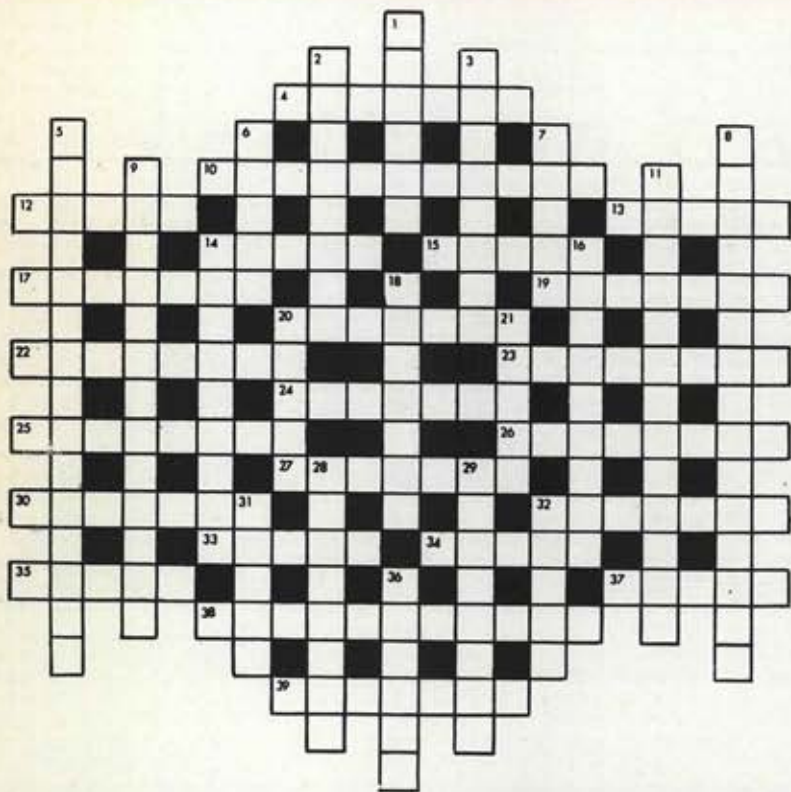
Рисунок Николая КРУТИКОВА, Свердловск

Рисунок ЮНАКА, Киев

КРОССВОРД

Составил М. РЯЗАНСКИЙ, Москва

По горизонтали:

4. Специальность строителя.
10. Драгоценный камень.
12. Сибирская лососевая рыба.
13. Машина для обработки материалов давлением.
14. Водяной орех.
15. Коричневая минеральная краска.
17. Степная птица.
19. Роман Э. Сю.
20. Народ, населяющий Марианские острова.
22. Отметка в тексте книги, тетради.
23. Береговая птица.
24. Слесарный инструмент.
25. Река в Румынии.
26. Индийский поэт, автор «Океана сказаний».
27. Свежее событие, известие.
30. Украшение на мужской рубашке.
32. Половчанка, мать Ярослава Мудрого.
33. Эфирномасличное растение.
34. Греческий писатель, автор «Пестрых рассказов».
35. Хвойное дерево.
37. Краска из древесной сажи.
38. Картина И. Е. Репина.
39. Жительница европейского государства.

По вертикали:

1. Лесная птица.
2. Пряность.
3. Прибор для выявления линейных параметров деталей.
5. Теоретический раздел физики.
6. Редкоземельный минерал.
7. Залив у берегов Албании.
8. Отрасль сельского хозяйства.
9. Терпимость к чужим мнениям, верованиям.
11. Правоведение.
14. Опера П. И. Чайковского.
16. Один из героев «Илиады» Гомера.
18. Русский поэт, автор поэмы «Волки».
20. Гравировальный инструмент.
21. Перечень.
28. Художник-график.
29. Род русской гармонии.
31. Садовый цветок.
32. Химический элемент.
36. Симфоническая поэма Ф. Листа.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.01.83. Подписано к печати 19.01.83. А 02612. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 358. Заказ № 46. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Знакомый голос

Гитара семиструнная

Театр «Ромэн» гастролит в Новосибирске. После спектакля долго, за полночь длился худсовет. Главный режиссер театра Николай Сличенко распахнул окно, чтобы проветрить накуренную комнату и...

Вместе с морозным воздухом с улицы ворвалось дружное скандирование собравшейся под освещенным окном толпы: «Очи черные!» «Очи черные!» И Сличенко запел прямо в такой необычной «рампе».

Сколько споров и сомнений было вокруг этих «Очи черных», сколько разговоров о пошлости и сколько действительных опозданий — полупародийными текстами о залитых вином скатертях и бесчисленных неотравленных поцелуях и захватским, до хрипа, надрылом. Когда этот романс поет Николай Сличенко, терпятся, «не звучат» обычные критерии и оценки. Вроде бы и тот же «цыганенный» распева, и нарочитая бесшабашность души нарастающе, и даже явная надрыльность — словом, все элементы пресловутой псевдоцыганщины. Но все дело в том, что именно только «вроде бы», и тем не менее совсем не «псевдо» и не «нарочито». Просто оживил в старинном русском романсе неподдельное чувство и яркая манера выражения настоящей народной цыганской песни, о которой еще А. Куприн писал, что всегда было в ней «какое-то непобедимое стихийное очарование, заставляющее людей плакать, безумствовать, восторгаться...».

Интересно, что окончательное собственное отношение к эстрадной песне сложилось у Николая Алексеевича после исполнительской встречи с песней... русской. Это «Письмо к матери» на стихи Сергея Есенина. «Она перевернула все мои представления об эстраде. Но долгое время я не мог ее спеть не только на публике, но даже на репетиции. Как только начинал фразу «Ты жива еще, моя старушка?», к горлу подступал ком, и я не мог дальше петь. Есенин так емко, глубоко и задушевно написал о матери, о природе, о вечности, что у каждого возникают свои ассоциации, свои навеянные воспоминаниями переживания... На глаза навораживались слезы...» Мать, Родина. В жизни каждого человека эти понятия очень конкретны.

Николая воспитывали мать и дед. Отца фашисты расстреляли на их глазах: с корнем вырывали «второсортную расу». Оставшихся в живых с риском для себя прятали русские и украинские семьи... А потом цыганский колхоз под Воронежем с обаяющим названием «Красный Октябрь». Председатель Михаил Бобров в самые трудные времена напоминал об этом: «Помните, ромалэ, как зовется наш колхоз!» Но всегда, в беду и радость, жили песни, впитанные с молоком матери, песни древнего вольного народа — гордые, красивые, то невероятно печальные, то безудержно веселые. У Николая — все признавали — получалось это прекрасно, и решили послать его в Москву, в единственный в мире цыганский театр.

В Москве Николай сразу явился в «Ромэн» «Вам кого?» «Главного начальника». Отвели к «главному начальнику» — директору Петру Саввичу Саратовскому. До прослушивания две ночи провел на Курском вокзале. На испытании стихи прочел неважно, зато когда запел... «Прима» театра Сергей Шишков сразу закричал из зала: «Теперь есть мне замена!»

Он же, Шишков, помог и впервые выйти на театральную сцену перед зрителями. Хотя Сличенко уже знал наизусть все роли, директор все предлагал поременить, побольше «походить» по сцене, вжиться в нее. Тогда и попросил Николай перед выездным спектак-

лем «Четыре жениха» исполнителя роли Лексы: «Сереза, заболел!» Шишков «заболел», и замена действительно оказалась достойной.

Сейчас Николай Сличенко — народный артист СССР, главный режиссер театра «Ромэн», постановщик нескольких спектаклей и фильма «Мой остров синий», сыграл в киноверсии «Свадьбы в Малиновке» роль партизана Петри. Но, согласитесь, он для нас прежде всего певец.

Без песни невозможно быть в цыган-

ском театре. И спеть ее — как он поет — не легче, чем сыграть в спектакле. Это тоже роль, и важно выбрать такую, чтобы было из чего строить свой мини-аторный моноспектакль. Зато какие высокие награды получает он от слушателей! Чего стоят вот такие строки из письма от тяжелобольного человека: «Знайте, что есть на земле человек, которому вы помогаете своими песнями

каждый день». Или выразительный в своем лаконизме адрес на конверте: «Москва. Цыгану Сличенко».

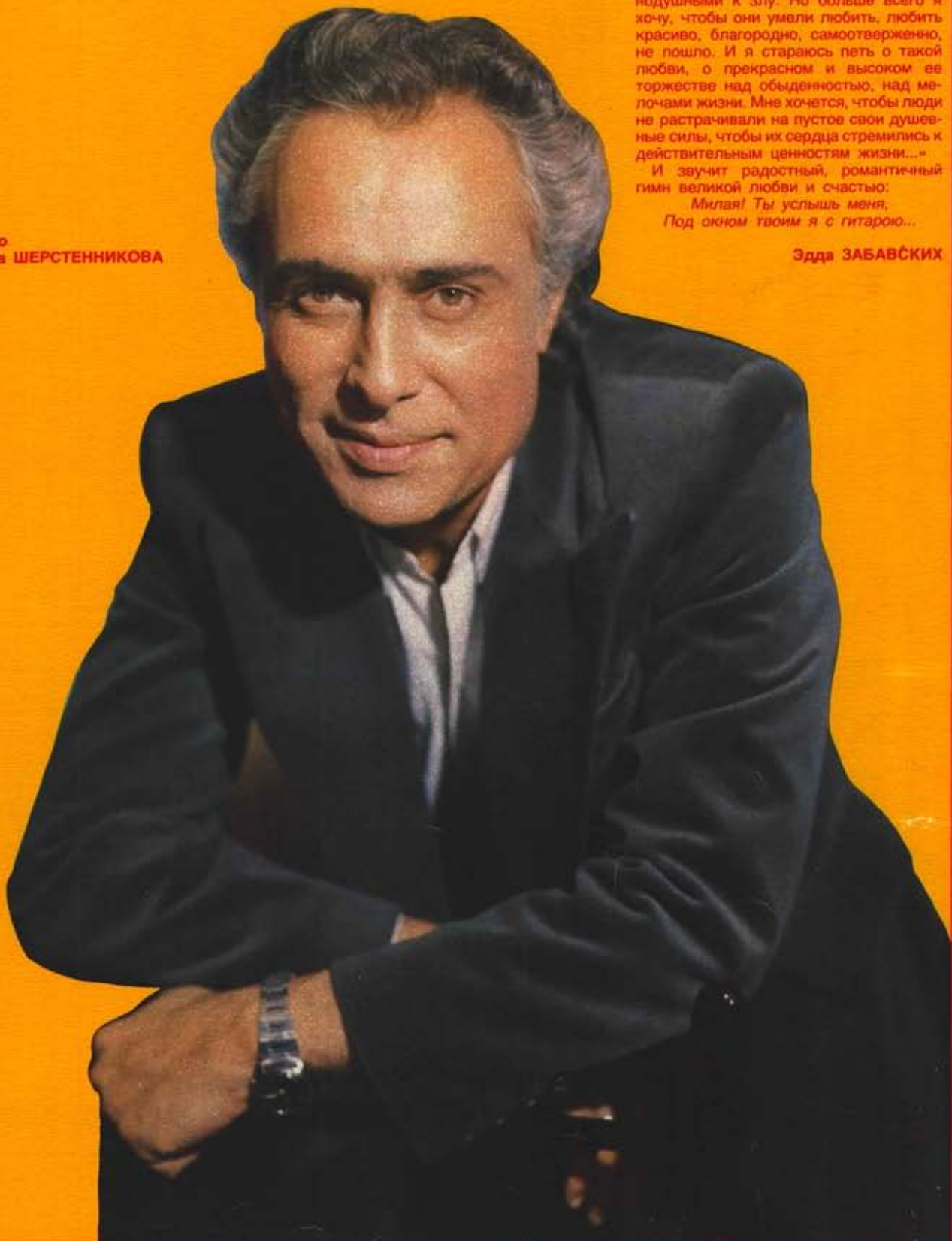
В Париже его называли «цыганом из легенды». Но его цыганская легенда не сани, кони, гиканье и вскрипы, а талантливая простота, человечность, горячая любовь к людям, острое чувство их сегодняшних потребностей.

«Мне хочется, чтобы, слушая песни, люди становились отзывчивее на чужие радости и печали, чтобы они умели видеть прекрасное и не оставались равнодушными к злу. Но больше всего я хочу, чтобы они умели любить, любить красиво, благородно, самоотверженно, не пошло. И я стараюсь петь о такой любви, о прекрасном и высоком ее торжестве над обыденностью, над мелочами жизни. Мне хочется, чтобы люди не растрчивали на пустое свои душевные силы, чтобы их сердца стремились к действительным ценностям жизни...»

И звучит радостный, романтический гимн великой любви и счастью:

Милая! Ты услышь меня,
Под окном твоим я с гитарой...

Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Эдда ЗАБАВСКИХ